

Бюрократия

Людвиг фон Мизес

УДК 321.02

ББК 65.02

М57

Shevtsov Library

Перевод с английского:

Б. Пинскер (гл. I,II, IV-VII), А. Шевцов (гл. III, предисловия, заключение)

Мизес, Людвиг фон.

Бюрократия / Людвиг фон Мизес ; пер. с англ. под ред. А. Шевцова —
Москва: Shevtsov Library — 155 с.

Книга «Бюрократия», первоначально опубликованная издательством Йельского университета в 1944 году, является классическим фундаментальным исследованием природы бюрократии и свободных рынков в сопоставлении с различными политическими системами. Это первый систематический экономический анализ деятельности правительственных органов, выявивший присущую им тенденцию увеличиваться в размерах и стремление к расширению своего влияния даже в том случае, если их деятельность не приносит социальной и экономической пользы. Это предупреждение против этатизма смешанной экономики вовремя не было услышано. Написанная задолго до того как экономисты школы общественного выбора занялись этим предметом, книга описывает бюрократию как одновременно преследующую собственные интересы и экономически иррациональную. Правительство невозможно изобрести заново и построить на каких-либо иных принципах: если для выполнения каких-то функций нам нужно правительство, то выполнять эти функции будет бюрократия, не способная действовать эффективно. Максимум, что можно сделать в этих условиях, это ограничить сферу деятельности правительства как можно более узким кругом вопросов.

© Издательство «Дело», 1993

© Shevtsov Library, 2022

УДК 321.02

ББК 65.02

М57

Содержание

Предисловие к первому изданию	4
Предисловие к изданию 1962 года	7
Предисловие к русскому изданию	9
Введение	21
I. Предпринимательское управление	41
II. Бюрократическое управление	62
III. Бюрократическое управление государственными предприятиями	81
IV. Бюрократическое управление частными предприятиями .	89
V. Социальный и политический смысл бюрократизации . . .	100
VI. Психологические последствия бюрократизации	120
VII. Есть ли выход?	138
Заключение	152

Предисловие к первому изданию

Главный вопрос современных социальных и политических конфликтов заключается в том, должен ли человек отказаться от свободы, частной инициативы и индивидуальной ответственности и отдаться под опеку гигантского аппарата принуждения и навязывания — социалистического государства. Должен ли гражданин быть превращён в *субъект*, подчиненный всеобщей воинской повинности и принудительному труду в армии, обязанного безоговорочно подчиняться приказам своего начальства? Должен ли он быть лишён своей самой драгоценной привилегии выбирать средства и цели и формировать свою собственную жизнь?

Наш век является свидетелем триумфального продвижения социалистического дела. Еще полвека назад выдающийся британский государственный деятель сэра Уильяма Харкорта утверждал: «Теперь мы все социалисты»¹. В то время это утверждение было преждевременным в отношении Великобритании, но сегодня оно почти стало справедливым для этой страны, некогда колыбели современной свободы. Это не менее верно и в отношении континентальной Европы. Только Америка по-прежнему свободна в своем выборе. И решение американского народа определит исход для всего человечества.

Проблемы, связанные с антагонизмом между социализмом и капитализмом, могут быть рассмотрены с различных точек зрения. В настоящее время представляется, что наиболее целесообразным является исследование расширения бюрократических учреждений. Анализ бюрократизма дает прекрасную возможность осознать фундаментальные проблемы конфликта.

Хотя эволюция бюрократизма в последние годы была очень быстрой, Америка все ещё, по сравнению с остальным

---

¹ Cf. G. M. Trevelyan, *A Shortened History of England* (London, 1942), стр. 510.

миром, страдает лишь поверхностно. Она демонстрирует лишь некоторые из характерных черт бюрократического управления. Поэтому изучение бюрократизма в этой стране было бы неполным, если бы оно не касалось некоторых аспектов и результатов процесса, который стал заметен только в странах с более древней бюрократической традицией. Такого рода исследование должно анализировать опыт классических стран бюрократизма — Франции, Германии и России.

Однако такие эпизодические ссылки на европейские условия не должны заслонять радикальное различие, которое существует в отношении бюрократизма между политическим и социальным менталитетом Америки и континентальной Европы. Американскому сознанию понятие *Obrigkeit*, правительства, власть которого не исходит от народа, было и остается неизвестным. Чрезвычайно трудно донести это даже до человека, для которого труды Милтона и Пейна, Декларация независимости, Конституция и Геттисбергская речь являются источниками политического образования, что означает этот немецкий термин *Obrigkeit* и что такое *Obrigkeits-Staat*. Возможно, две следующие цитаты помогут прояснить этот вопрос.

15 января 1838 года прусский министр внутренних дел Г.А.Р. фон Рохов заявил в ответ на петицию граждан одного из прусских городов: «Не подобает подданному применять мерило своего убогого интеллекта к деяниям главы государства и в надменной дерзости присваивать себе общественное суждение об их справедливости». Это было в те дни, когда немецкий либерализм бросал вызов абсолютизму, а общественное мнение горячо возмущалось этим куском властной бюрократической претензии.

Полвека спустя немецкий либерализм был полностью мёртв. Кайзеровская *Sozialpolitik* — правительственная система государственного вмешательства в бизнес и агрессивного национализма — вытеснила его. Никто не возражал, когда ректор Императорского университета Страсбурга спокойно охарактеризовал немецкую систему правления так: «Наши чиновники ... никогда не потерпят, чтобы кто-то вырвал власть из их рук,

рук, и уж тем более парламентское большинство, с которым мы знаем, как виртуозно обращаться. Ни один вид правления не переносится так легко и не принимается с такой благодарностью, как правление высокоразумных и высокообразованных государственных служащих. Немецкое государство — это государство господства чиновничества — будем надеяться, что таким оно и останется».²

Такие афоризмы не смог бы произнести ни один американец. Это не может произойти здесь.

---

² Георг Фридрих Кнапп в своей президентской речи, произнесенной 1 мая 1891 года. Эта речь была опубликована во многих переизданиях. Цитированные слова можно найти на стр. 86 издания 1909 года «Die Landarbeiter in Knechtschaft und Freiheit».

Предисловие к изданию 1962 года

Существует два метода урегулирования вопросов в рамках человеческого общества, т.е. мирного сотрудничества между людьми. Один из них — бюрократическое управление, другой — предпринимательское управление.

Хорошо известно, что предпринимательское управление крайне непопулярно в наш век. Люди стремятся заменить всестороннее планирование центральной власти — т.е. социализм — господством потребителей, действующих в рыночной экономике. Но в то же время те же самые люди сурово порицают недостатки бюрократизма. Они не видят, что, ратуя за подавление предпринимательского управления, они сами добиваются всё большей и большей бюрократии, даже полной бюрократизации всех сфер человеческих дел.

Есть области человеческой деятельности, в которых не может быть и речи о предпринимательском управлении и где должно преобладать бюрократическое управление. Полицейский департамент не может функционировать в соответствии с методами, к которым прибегают при ведении прибыльного предприятия. Булочная обслуживает определенное количество людей — своих клиентов — продавая им по частям то, что она произвела; именно покровительство клиентов обеспечивает социальную легитимность — прибыльность — бизнеса булочной. Полицейский департамент не может продавать свою «продукцию»; его достижения, какими бы ценными и даже необходимыми они ни были, не имеют цены на рынке и поэтому не могут быть сопоставлены с общими затратами, сделанными для их реализации.

Это эссе не осуждает и не обвиняет бюрократию. В нём делается попытка указать, что означает бюрократическое управление и чём оно отличается от предпринимательского. Оно также показывает, в какой области бюрократическое управление является единственно возможным методом решения дел.

И, наконец, оно призвано прояснить последствия, к которым привели и к которым неизбежно приведут в будущем попытки современных правительств и политических партий заменить государственные действия частным бизнесом.

Изучение этих вопросов даёт представление, необходимое для адекватной оценки двух систем экономической организации общества — рыночной экономики и социализма. В нём раскрывается смысл ленинской программы «организовать всю национальную экономику наподобие почтовой системы», превратить всё общество в «одну контору и одну фабрику» и превратить всех граждан «в наёмных работников государства».*

Это эссе было написано и впервые опубликовано в 1944 году. В некоторых моментах оно относится к условиям и людям того периода. Внешний облик условий в чём-то изменился, и некоторые из идолов 1944 года потеряли свой ореол. Но существенные характеристики затронутых политических проблем не изменились. Великий исторический конфликт между индивидуализмом и коллективизмом разделяет человечество на два враждебных лагеря, как это было восемнадцать лет назад. Поэтому исследование контраста между бюрократическим и предпринимательским управлением по-прежнему имеет актуальное значение.

*Людвиг фон Мизес
Нью-Йорк
Январь 1962*

Предисловие к русскому изданию

Согласно традиции, задача предисловия – растолковать читателю то, что ему предстоит прочесть в книге, разъяснить, что у автора правильно, а что ошибочно, и какое место его труд занимает в иерархии достижений или в мартирологе заблуждений человеческой мысли. У пишущего предисловие невольно укрепляется убеждение, что он прозорливее, тоньше, толковее создателя книги, которую призван объяснить и оценить. Предисловие звучит как протокол судебного заседания, в котором автор книги – подсудимый, а сочинитель предисловия – прокурор, адвокат и судья одновременно.

Вдобавок предисловие как бы предполагает читателя, неспособного к самостоятельному размышлению и потому нуждающегося в «объясняющем господине».

Неудивительно, что к предисловиям у большинства читателей сложилось стойкое предубеждение. Читатель, во-первых, всё-таки уверен, что Шекспир выше своих комментаторов, что автор книги значительнее и никак не глупее написавшего к ней предисловие. Во-вторых, читатель склонён доверять собственным способностям разобраться в идеях книги.

Читатель – если только он не студент перед экзаменом, для которого просмотр предисловия заменяет знакомство с книгой, – либо вообще не читает предисловий, либо ищет в них неизвестные ему данные об авторе, его окружении, о судьбе книги. Попытаемся же именно так построить предисловие к первой выходящей в России книге выдающегося экономиста и социолога нашего века Людвиг фон Мизеса.

Людвиг фон Мизес прожил долгую жизнь: он скончался в возрасте 92 лет. Началась же его биография в сентябре 1881 года во Львове, именовавшемся тогда Ламбергом и входившем в состав Австро-Венгерской империи. Родился Людвиг в зажиточной еврейской семье инженера-строителя железных дорог.

На пороге XX столетия Мизес поступил в Венский университет. Его наставником был профессор экономической истории Карл Грюнберг, принадлежавший к немецкой исторической школе.

Своему учителю Людвиг фон Мизес обязан интересом к экономической истории и, особенно, к её правовым вопросам, что выразилось в ранних его работах. В 1902 году вышло в свет первое исследование Мизеса, посвящённое экономической истории Галиции – края, где он появился на свет. Через три года им опубликована книга об истории австрийского законодательства о детском труде.

Однако основные идеи исторической школы – отрицание общих для всех народов экономических законов, упор на национальные особенности экономики, придание первостепенного значения государственным управлениям – всё это не только осталось чуждым Мизесу, но впоследствии стало объектом его острой критики.

В 1903 году Людвиг фон Мизес познакомился с трудами Карла Менгера – основоположника так называемой австрийской школы политической экономии. Они повернули его интересы к экономической теории и, особенно, к проблемам цен как регулятора производства. Менгер считал индивидуализм основным принципом построения экономической концепции. Исходный пункт исследования – индивид с его потребностями и средствами их удовлетворения. Этой установке созвучны взгляды зрелого Мизеса.

В 1906 году Людвиг фон Мизес стал доктором права Венского университета, что открыло ему дорогу к работе в ряде гражданских, коммерческих и уголовных судов. Однако довольно скоро он уходит из сферы чистой юриспруденции. С 1909 года Мизес работает в Торговой палате (тогда она именовалась «Правовая австрийская палата коммерции и индустрии», в 1920 году сменила название на «Венская палата коммерции, ремесла и индустрии»). С ней Мизес был связан четверть века.

Научные интересы Людвиг фон Мизеса, непосредственно сочетавшиеся с его практической деятельностью в каче-

На пороге XX столетия Мизес поступил в Венский университет. Его наставником был профессор экономической истории Карл Грюнберг, принадлежавший к немецкой исторической школе.

Своему учителю Людвиг фон Мизес обязан интересом к экономической истории и, особенно, к её правовым вопросам, что выразилось в ранних его работах. В 1902 году вышло в свет первое исследование Мизеса, посвящённое экономической истории Галиции – края, где он появился на свет. Через три года им опубликована книга об истории австрийского законодательства о детском труде.

Однако основные идеи исторической школы – отрицание общих для всех народов экономических законов, упор на национальные особенности экономики, придание первостепенного значения государственным управлениям – всё это не только осталось чуждым Мизесу, но впоследствии стало объектом его острой критики.

В 1903 году Людвиг фон Мизес познакомился с трудами Карла Менгера – основоположника так называемой австрийской школы политической экономии. Они повернули его интересы к экономической теории и, особенно, к проблемам цен как регулятора производства. Менгер считал индивидуализм основным принципом построения экономической концепции. Исходный пункт исследования – индивид с его потребностями и средствами их удовлетворения. Этой установке созвучны взгляды зрелого Мизеса.

В 1906 году Людвиг фон Мизес стал доктором права Венского университета, что открыло ему дорогу к работе в ряде гражданских, коммерческих и уголовных судов. Однако довольно скоро он уходит из сферы чистой юриспруденции. С 1909 года Мизес работает в Торговой палате (тогда она именовалась «Правовая австрийская палата коммерции и индустрии», в 1920 году сменила название на «Венская палата коммерции, ремесла и индустрии»). С ней Мизес был связан четверть века.

Научные интересы Людвиг фон Мизеса, непосредственно сочетавшиеся с его практической деятельностью в каче-

стве экономического советника, лежали в то время в области денежного обращения. В 1912 году он опубликовал солидную монографию «Теория денег и средств обращения». Вторым изданием она вышла в Вене в 1924 году, затем переиздавалась в переработанном виде в переводе на английский под названием «Теория денег и кредита», американское издание увидело свет в 1953 году, что свидетельствует, что и за сорок лет её идеи не утратили значения.

Деньги, по мнению Мизеса, не являясь ни средством производства, ни предметом потребления, не имеют иной потребительной ценности как в качестве средства обращения. К теории денег Мизес впоследствии возвратился, когда ему после первой мировой войны пришлось заниматься разработкой антиинфляционных мер.

В те же предвоенные годы Мизес работает и над теорией циклов предпринимательской деятельности (бизнес-циклов).

Мизес всегда испытывал тягу к учительству, к изложению своих взглядов не на бумаге только, а в живом общении. И в этом отношении жизнь его, казалось, складывалась благополучно. Одно время он преподавал экономику, государственное право и управление в Венской коммерческой женской академии. В 1913 году его пригласили на профессорскую должность в Венский Университет. Но научную и преподавательскую карьеру прервала Первая мировая война. Три года артиллерийский офицер Людвиг фон Мизес провёл на фронте, затем служил экономистом в Военном министерстве.

После распада Австро-Венгерской империи Мизес продолжал работу в Венской торговой палате, ставшей своего рода экономическим штабом правительства и парламентских кругов. Как экономический советник правительства в начале двадцатых годов Мизес проводил жёсткий антиинфляционный курс. Ему в немалой степени Австрия обязана тем, что она не пережила столь разрушительной гиперинфляции, как Германия, и значительно раньше её – уже в 1922 году – стабилизировала свою валюту.

Но не проблемы инфляции занимали в первую очередь

ум Мизеса и не успехи на этом поприще сделали его всемирно известным исследователем. Русская революция 1917 года, кратковременная победа коммунистов в Баварии и Венгрии, подъём антикапиталистического движения в других странах – всё это обратило интересы Мизеса к идеологии социализма. С того времени центральное место в работах Людвиг фон Мизеса занимает критика социализма как экономической системы.

Разумеется, Мизес был далеко не первым на этой стезе. Но его предшественники атаковали социализм главным образом с позиций морали и права. Людвиг фон Мизес выдвигает тезис о невозможности рационального ведения хозяйства при социализме. Написанная в 1919 и опубликованная в следующем году статья «Хозяйственный расчёт в социалистическом обществе» содержала эту основную идею, развитую затем в книге «Социализм», опубликованной в 1922 году.

По мнению Мизеса, социализм, то есть централизованно планируемое хозяйство с регулируемым правительством рынком и устанавливаемыми сверху ценами, не может долго существовать. В таких условиях невозможен экономический расчёт, поскольку цены не отражают спроса и предложения и перестают служить указателем, в каком направлении следует развиваться производству, чтобы обеспечить экономическое равновесие. А это значит, что регулировать экономику в целом правительство на самом деле не может, и «регулируемая экономика социализма» на самом деле становится царством произвола составителей плана, иными словами, планируемым хаосом.

Монография «Социализм» неоднократно переиздавалась. В 1935 году она вышла в английском переводе, затем была переведена на другие языки, почти с каждым новым изданием дорабатывалась и дополнялась автором.

К началу двадцатых годов у Мизеса сложилась высокая научная репутация (хотя за пределами немецкоязычного мира он был мало известен). Достаточно сказать, что основные положения его книги «Теория денег и средств обращения» в течение двух семестров были предметом обсуждения на семинаре,

руководимом имевшим мировое имя Евгением Бём-Баверком. Однако всё это оказалось недостаточным, чтобы Мизес получил после первой мировой войны в Венском университете не то что кафедру – профессорскую должность. Такое предложение ему было, правда, сделано, но затем дезавуировано по настоянию ряда профессоров, предводительствуемых немецким националистом Отмаром Шпанном. Причиной тому послужило не только еврейское происхождение Мизеса, но и его либеральные убеждения, несовместимые со взглядами националистически настроенных экономистов-государственников, и его общеизвестная научная бескомпромиссность.

Страсть к преподаванию нашла свой выход в организованном Людвигом фон Мизесом частном семинаре, работавшем в помещении Торговой палаты с 1920 по 1934 год. Участниками семинара – учениками Мизеса были многие молодые люди, чьи имена впоследствии вошли в историю социальной мысли. Среди них экономисты Фридрих Хайек – будущий нобелевский лауреат 1973 года, фриц Махлуп, Готфрид Хаберлер, математик и философ Карл Менгер-младший, социолог Альфред Шюльц.

В 1926 году Мизес основал Австрийский институт исследования бизнес-циклов. Четыре года спустя он стал членом престижной правительственной комиссии по экономическим проблемам Австрии. Одна за другой выходят его новые книги. В 1927 году опубликован «Либерализм», в 1929 году – «Критика интервенционизма». В них находит дальнейшее развитие и обоснование тезис, что единственной разумной экономической политикой для современного индустриального общества может быть только либерализм, предоставление полной свободы выступающим на рынке товаропроизводителям. Абсолютными основами цивилизации являются, по Мизесу, разделение труда, частная собственность и свободный обмен. Если социализм как экономическая система вообще обречён на крах, то другая противостоящая либерализму система – интервенционизм, то есть государственное вмешательство в хозяйственную жизнь, безусловно, вредна для общества, порождает нестабильность, нарушает естественный ход развития.

Мировой кризис 1929–1933 годов активизировал сторонников государственного вмешательства в экономическую жизнь. Провозглашённый Франклином Делано Рузвельтом «Новый курс» в США, сформировавшаяся в Великобритании и подхваченная в ряде стран доктрина Джона Майнарда Кейнса приобретали всё больше адептов. С другой стороны, в пользу государственного регулирования экономики говорили шумно рекламируемые успехи первых пятилеток в СССР.

В этой обстановке нужны были немалая воля, интеллектуальная отвага и стойкость, чтобы бросить открытый вызов как социалистам, так и интервенционистам. Этими качествами обладали Людвиг фон Мизес и сформировавшийся как учёный под его влиянием Фридрих Хайек. Они стали инициаторами дискуссии, приобретшей международный размах. В ходе её Мизес продолжал развивать положение о том, что отказ от свободного рынка на самом деле подрывает возможности эффективного развития народного хозяйства. В изданном Хайеком в 1935 году в Лондоне сборнике «Коллективистское экономическое планирование» Мизес писал: «Где нет свободного рынка, там нет механизма цен, а без механизма цен нет и экономического расчёта».

Мизес и его последователи поставили уже в те годы вопросы, которые как нельзя более актуальны сегодня: можно ли в централизованно регулируемой экономике обеспечить технический прогресс, сформировать стимулы эффективной работы? Их ответ был беспелляционно отрицательным.

Не нарушая взятого нами обязательства отказа от каких-либо оценок взглядов Мизеса и его сторонников-неолибералов, следует всё же отметить, что и в тридцатые, и в сороковые и в последующие года советские экономисты относились к работам Мизеса агрессивно-пренебрежительно. Их рассматривали как реакционные реликтовые писания дремучего апологета капитализма, каким тот был в прошлом столетии. Сегодня всем ясно, насколько серьёзны и актуальны были проблемы, поднятые неолибералами более чем полвека назад.

Последней книгой, выпущенной Людвигом фон Мизесом

на родине, был сборник его статей 1928-1933 годов «Основные проблемы национальной экономики». В 1934 году Мизес принял приглашение занять профессорскую должность в Высшем институте международных исследований Женевского университета. В Женеве он проработал 6 лет. В 1940 году, после захвата гитлеровцами Франции, когда коричневая грязь, казалось, вот-вот зальёт последние островки свободы в Европе, Мизес эмигрировал в Соединённые Штаты Америки.

Если переезд из Австрии в Швейцарию был сравнительно безболезненным – Мизес свободно владел французским языком, на котором и начал читать курс в Женеве, – то эмиграция в США была буквально отчаянным поступком: без языка, без конкретного места работы.

Всё же имя обеспечило ему получение в 1941 году небольшого гранта (безвозмездного финансирования научных работ) от Национального бюро экономических исследований. В 1942–1943 годах Мизес выступает с рядом статей по международным экономическим проблемам в «Нью-Йорк таймс». Одновременно он работает над книгой «Всемогущее правительство: происхождение тоталитарного государства и тотальной войны», которая увидела свет в издательстве Йельского университета. В ней он доказывает, что социализм и нацизм – это левое и правое крыло одной и той же сущности – коллективизма.

В годы войны написана и включена в настоящий сборник работа «Бюрократия», в которой постоянная для Мизеса тема государственного воздействия на хозяйствование рассматривается в нетрадиционном аспекте.

С 1943 года по 1954 год Мизес служил в экономической комиссии Национальной производственной ассоциации, последовательно проводя идеи свободной рыночной экономики. Возобновилась и его преподавательская деятельность – сначала в Высшей школе деловой администрации в Нью-Йорке, а затем в качестве приглашённого на срок профессора Нью-йоркского университета. С 1949 по 1968 годы он вёл семинар по экономической теории. Мизес по праву должен был бы попасть в книгу рекордов Гиннеса как самый старый американский профессор.

Активную преподавательскую деятельность он оставил в 87 лет.

В 1949 году выходит в свет труд, который Людвиг фон Мизес считал главным в своей жизни: «Человеческие действия: трактат об экономике». В нём Мизес как бы обобщает плоды своих исследований, начиная с далёких времён перед первой мировой войной. По своей проблематике книга чрезвычайно широка: в ней рассматриваются самые разнообразные экономические явления под углом зрения системы свободного предпринимательства. При этом она написана популярно, в расчёте на широкие круги читателей. Неудивительно, что эта работа Мизеса стала подлинным бестселлером и вскоре появилась в переводе на испанский, французский, итальянский, китайский и японский языки.

Пятидесятые годы ознаменовались всплеском интереса к довоенным работам Мизеса. Выходят в свет расширенные издания «Социализма», «Теории денег и кредита». Но Мизес совершенно не похож на почтенных старцев, находящих полное удовлетворение в шлифовке и частных дополнениях своих прежних работ. В 1956 г. выходит в свет «Антикапиталистическая ментальность». А через год читатели получили возможность познакомиться с новой большой работой учёного, отметившего уже свой 75-летний юбилей. Речь идёт о книге «Теория и история». Она, с одной стороны, лежит в традиционном для автора русле критики марксизма и других социалистических учений, а с другой – свидетельствует о всё возрастающем внимании Мизеса к философскому обоснованию экономической теории, к методологическим проблемам познания. В этом ключе созданы его последние книги «Эпистемологические проблемы экономики» (1960 г.) и «Основания экономической науки: очерки методологии» (1962 г.). На этот раз критические стрелы нестаряющего ума направлены в логический позитивизм, приобретший, особенно в США, большую популярность среди экономистов.

Идеи экономического либерализма, Людвиг фон Мизес отстаивал не только пером. Он был среди основателей и руко-

водителей созданного в 1947 году «Общества Монт-Пелерен», объединившего экономистов – практиков и исследователей свободного рынка. В числе членов этого общества были президент Италии Луиджи Эйнауди, финансовый советник генерала Де Голля Жак Рюэфф, известный немецкий экономист Вильгельм Репке и его соотечественник Альфред Мюллер-Армак – влиятельный советник Людвиг Эрхарда, считающегося отцом «немецкого чуда». Все эти люди сыграли видную роль в формировании экономических структур своих стран, в их движении к свободному рынку и твёрдой валюте.

Мизес скончался в глубокой старости в октябре 1973 года. Жизнь его не так уж богата драматическими событиями. И всё же его биограф Мюррей Ротбард назвал свою книгу «Людвиг фон Мизес учёный, творец, герой». Что же, для этого, наверное, есть основания. Трагедия в том, что большую часть жизни Мизес был героем не своего времени. Его взгляды были прямо противоположны господствовавшему в первой половине нашего века экономическому менталитету. Рыцарь свободного предпринимательства, яростно атаковавший концепции государственного регулирования, он казался экономистам-современникам, даже признававшим его ум, логику и эрудицию, таким Дон-Кихотом, прискакавшим в XX век на дряхлом Росинанте либерализма.

В книге французского экономиста Э. Жамса «История экономической мысли XX века», получившей широкую известность и даже изданной на русском языке в 1959 году (правда, с охранительным клеймом «Для научных библиотек»), о Мизесе говорится в таком стиле: «В этом направлении Л. Мизес зашёл слишком далеко... Подобную позицию полностью принять трудно...».

Достоин удивления, что высокую научную значимость работ Мизеса, направленных против государственного регулирования, в те годы скорее склонны были признавать умные социалисты, а не его «братья по классу». Так, левый польский социал-демократ (впоследствии возглавивший в 1951–1962 гг. Экономический совет правительства Польской Народной Ре-

спублики) Оскар Ланге в книге «Экономическая теория социализма», вышедшей в 1938 году в США, отмечал, что Мизес дал большой толчок развитию экономической социалистической мысли, поставив проблему рационального распределения ресурсов.

Только в последние десятилетия своего бытия Мизес увидел – нет, не торжество, но уже неоспоримое укрепление и расширение позиций либерализма, приносящего практические плоды там, где его сторонники приходили к власти. Прошедшие со дня смерти Мизеса годы сделали эту тенденцию ещё более отчётливой.

Как это ни парадоксально, чем дальше в прошлое уходит время, когда Мизес писал, тем яснее значимость и актуальность написанного им. Разве стало, например, достижением архивов экономической мысли, разве утеряло остроту его утверждение, провозглашённое почти 40 лет назад в книге «Планирование и свобода»: «Никакая третья система невозможна. Не может быть несоциалистической система без предпринимательской прибыли или убытка... Люди должны выбирать между капитализмом и социализмом. Они не могут избежать этой дилеммы».

Имя и идеи Мизеса не забыты. Его работы переиздаются – очевидно, потому, что в них есть нужда. В 1982 году в США, в Алабаме создан Институт Людвиг фон Мизеса, занимающийся, в частности, издательской деятельностью и проводящий конференции по трудам учёного, чьё имя он носит.

В последние годы – и это особенно важно – резко расширяется круг людей, знакомящихся с книгами Мизеса. Это учёные, студенты, хозяйственники, наконец, простые люди, интересующиеся независимо от своей профессии экономикой и экономической политикой, живущие в тех странах, где недавно безраздельно господствовала коммунистическая идеология, с порога отвергавшая «умствования» своих врагов.

В вышедшей в СССР вскоре после смерти Мизеса энциклопедии «Политическая экономия», т. 2 говорилось: «Работы Мизеса носят столь одиозный характер, что подвергаются рез-

кой критике даже со стороны многих буржуазных экономистов». Сегодня доступ к этим «столь одиозным» трудам, наконец-то, получает и российский гражданин.

Предлагаемые вниманию читателей работы Л. Мизеса – написаны легко и свободно, но рассчитаны, тем не менее, на вдумчивого читателя. А он, конечно же, сумеет оценить идеи автора, не поддаваясь минутному раздражению от явных сегодня частных ошибок и порой обидных для нас предвзятостей, которых книга не лишена.

Перефразируя известное положение «Наши недостатки – продолжение наших достоинств», скажем: «Наши заблуждения – продолжение наших прозрений». Уверенность в крайней неэффективности социалистического хозяйства перерастает у Мизеса в отрицание возможности каких-либо успехов государства, построенного на социалистических началах. Отсюда несправедливая оценка им роли СССР в разгроме немецкого фашизма. Впрочем, Советский Союз – не исключительный объект такого рода предубеждённых суждений. Франкистская Испания в период второй мировой войны и первые последовавшие за ней годы была государством с сильными элементами централизованного регулирования хозяйства. Неудивительно, что Франсиско Франко в глазах Мизеса – ничтожество, марионетка в руках Гитлера и Муссолини. Жизнь показала, что генерал далеко не столько однозначен.

Можно было бы привести и другие примеры такого же рода (коварный жанр предисловия всё-таки расставил свои силки!). Но не в них суть. И переводчик, и автор предисловия рассчитывают на читателей, которые, раскрывая книгу, жаждут не уличать, а получать. Получать новые знания, идеи, пищу для размышлений. Уверены, что эта книга ожиданий таких читателей не обманет.

Роман Левита
08.12.1993

Введение

Оскорбительный смысл термина «бюрократия»

Термины *бюрократ*, *бюрократический* и *бюрократия* – это, конечно, бранные слова. Никто не называет себя бюрократом или свои методы управления бюрократическими. Эти слова всегда употребляются в оскорбительном смысле. Они всегда подразумевают уничижительную критику людей, институтов или процедур. Никто не сомневается в том, что бюрократия глубоко порочна и что она не должна существовать в совершенном мире.

Употребление рассматриваемых терминов в оскорбительном смысле не ограничивается Америкой и другими демократическими странами. Это универсальное явление. Даже в Пруссии, образцовом авторитарном государстве, никто не хотел, чтобы его называли бюрократом. *Wirklicher geheimer Ober-Regierungsrat** прусского короля гордился своим высоким чином и властью, которую этот чин предоставлял. Его тщеславие упивалось глубочайшим почтением со стороны подчинённых и всего населения. Его переполняло сознание собственной важности и непогрешимости. Но он бы счёл дерзким оскорблением, если бы кто-то осмелился назвать его бюрократом. В своих собственных глазах он был не бюрократом, а государственным служащим, доверенным Его Величества, должностным лицом Государства, денно и нощно неустанно пекущимся о благосостоянии нации.

Примечательно, что «прогрессисты», которых критики бюрократии считают ответственными за её разрастание, не отваживаются защищать бюрократическую систему. Напротив, в её осуждении они присоединяются к тем, кого во всех других

---

* Главный советник прусского короля почитался как «официальный главный тайным советник» — прим. ред.

отношениях с презрением называют «реакционерными». Ибо, утверждают они, эти бюрократические методы вовсе не составляют существа той утопии, к которой они сами стремятся. Бюрократия, говорят они, это скорее неудачный способ, каким капиталистическая система пытается справиться с неумолимой тенденцией к своему собственному исчезновению. Неизбежный конечный триумф социализма упразднит не только капитализм, но и бюрократию. В счастливом мире завтрашнего дня, в благословенном раю всестороннего планирования больше не будет никаких бюрократов. Всем станет заправлять простой человек; люди сами будут вершить все свои дела. Только ограниченные буржуа могут пасть жертвой заблуждения и посчитать, что бюрократия даёт нам представление о том, что социализм сулит человечеству в будущем.

Осуждение бюрократизма американским гражданином

Американец, которого попросили бы конкретно назвать пороки нарастающей бюрократизации, мог бы ответить примерно так: «Наша традиционная американская система правления была основана на разделении законодательной, исполнительной и судебной властей и на справедливом распределении полномочий между Центром и штатами. Законодатели, высшие чиновники исполнительных органов и многие судьи избирались путём голосования. Таким образом обеспечивалось верховенство народа, избирателей. Более того, ни одна из трёх ветвей власти не имела права вмешиваться в частные дела граждан. Законопослушный гражданин был свободным человеком».

Но вот уже многие годы – и особенно после появления «нового курса» – мощные силы почти что готовы заменить эту старую испытанную демократическую систему тираническим правлением не отвечающей за свои действия, своевольной бюрократии. Бюрократ получает свою должность не по воле избирателей, его назначает другой бюрократ. Он уже присвоил себе

комитеты и бюро издают декреты и постановления, претендующие на то, чтобы направлять и контролировать все стороны жизни граждан. Они не только регламентируют то, что ранее оставлялось на усмотрение индивида; они не останавливаются даже перед выпуском таких декретов, которые по сути дела отменяют принятые ранее законы. Путём такой квазизаконотворительной деятельности различные бюро узурпируют право решать многие важные вопросы в соответствии с собственными представлениями о характере того или иного дела, то есть совершенно произвольно. Постановления и решения различных бюро воплощаются в жизнь федеральными служащими. Подразумеваемый судебный надзор в действительности совершенно иллюзорен. С каждым днём бюрократы присваивают себе всё больше власти: очень скоро они будут управлять всей страной.

Не может быть никакого сомнения в том, что эта бюрократическая система по сути своей является антилиберальной, недемократичной и неамериканской, что она противоречит духу и букве Конституции и что она копирует тоталитарные методы Сталина и Гитлера. Она проникнута фанатичной враждебностью к свободному предпринимательству и частной собственности. Она парализует бизнес и снижает производительность труда. Бездумно тратя деньги, она разбазаривает богатство нации. Она неэффективна и расточительна. Хотя свою деятельность она называет планированием, у неё нет определённых планов и целей. Она не едина и неоднородна: различные бюро и агентства преследуют взаимоисключающие цели. Результатом является распад всего социального механизма производства и распределения.

Это страстное обвинение бюрократии представляет собой, в общем и целом, верное, хотя и излишне эмоциональное описание современных тенденций развития американского правительства. Но оно упускает из виду самое главное, поскольку делает бюрократию и бюрократов ответственными за изменения, причины которых следует искать в другом месте. Бюрократия – это лишь следствие и симптом явлений и изме-

нений, имеющих гораздо более глубокие корни.

Характерной чертой современной политики является тенденция к замене свободного предпринимательства государственным контролем. Влиятельные политические партии и «группы давления» (pressure groups) пламенно призывают к общественному контролю над всеми видами экономической деятельности, всеохватывающему государственному планированию и национализации бизнеса. Они стремятся к полному государственному контролю над образованием и к социализации медицины. Не существует такой сферы человеческой деятельности, которую они не были бы готовы подчинить строгой регламентации со стороны властей. В их глазах государственный контроль – это панацея от всех бед.

Эти восторженные сторонники всемогущего государства очень скромно оценивают ту роль, которую они сами играют в эволюции в сторону тоталитаризма. Движение к социализму, уверяют они, неумолимо. Это необходимое и неизбежное направление исторического развития. Вместе с Карлом Марксом они утверждают, что социализм должен прийти «с неумолимостью закона природы». Частная собственность на средства производства, свободное предпринимательство, капитализм, система, ориентированная на получение прибыли, обречены. «Волна будущего» несёт людей к земному раю полного государственного контроля. Защитники тоталитаризма называют себя «прогрессистами» именно потому, что им, как они уверяют, удалось понять смысл грядущего. И они высмеивают и пренебрежительно называют «реакционерами» всех тех, кто пытается сопротивляться действию сил, которое – как они говорят – не в состоянии остановить никто, даже самый могущественный из людей.

Благодаря этой «прогрессивной» политике новые учреждения и правительственные агентства плодятся как грибы после дождя. Число бюрократов множится, и они делают всё возможное, чтобы шаг за шагом ограничивать свободу действий частного гражданина. Многие граждане, то есть те, кого «прогрессисты» с презрением называют «реакционерами», возму-

щены этим вмешательством в их дела и обвиняют бюрократию в некомпетентности и расточительности. Но противники «прогрессистов» до сих пор оставались в меньшинстве. Доказательством служит то, что они не смогли получить большинства голосов на прошлых выборах. «Прогрессисты» – непримиримые враги свободного предпринимательства и частной инициативы, фанатичные сторонники государственного контроля над бизнесом – одержали над ними победу.

Это правда, что политику «нового курса» поддержали избиратели. Не подлежит никакому сомнению и то, что от этой политики полностью отказались бы, если бы избиратели перестали её поддерживать. Соединённые Штаты всё ещё демократическая страна. Конституция ещё действует. Выборы всё ещё свободные. Избиратели не отдадут свои голоса по принуждению. Неправильно поэтому говорить, что бюрократическая система одержала победу антиконституционными и антидемократическими методами. Юристы, возможно, правы, когда ставят под сомнение законность некоторых второстепенных моментов. Но «новый курс» в целом был поддержан Конгрессом. Конгресс принимал законы и ассигновывал деньги.

Конечно, Америка столкнулась с явлением, которого творцы Конституции не предвидели и не могли предвидеть, – с добровольным отказом Конгресса от своих прав. Конгресс во многих случаях делегировал законодательные функции правительственным агентствам и комитетам и ослабил контроль за бюджетом, поскольку стал ассигновывать крупные суммы, предоставляя правительственной администрации право определять конкретные направления расходов. Право Конгресса делегировать часть своих полномочий время от времени оспаривается. Верховный суд признал, например, неконституционным Управление национального восстановления (National Recovery Administration). Но делегирование полномочий, сопровождаемое более осторожными формулировками, стало почти постоянной практикой. Как бы то ни было, действуя таким образом, Конгресс до сих пор не вступал в противоречие с волеизъявлением большинства суверенного народа.

В то же время нельзя забывать о том, что делегирование полномочий – это главное орудие современной диктатуры. Именно в результате делегирования полномочий Гитлер и его кабинет правят Германией. Именно путём передачи полномочий британские левые хотят установить свою диктатуру и превратить Великобританию в социалистическое государство. Очевидно, что делегирование полномочий может быть использовано как квазиконституционное прикрытие для диктатуры. Но, конечно, в Соединённых Штатах дело сейчас обстоит совершенно иначе. Конгресс по-прежнему обладает законным правом и реальными возможностями взять обратно все делегированные им ранее полномочия. Граждане по-прежнему обладают правом и возможностями избрать в Сенат и Палату представителей людей, настроенных резко против какого бы то ни было отказа Конгресса от своих полномочий. В Соединённых Штатах бюрократия базируется на конституционных основах.

Также неверно считать неконституционными нарастающую концентрацию власти в руках центрального правительства и соответствующее уменьшение роли штатов. Вашингтон в явном виде не узурпировал никаких конституционных полномочий штатов. Установленный Конституцией баланс в распределении полномочий между федеральным правительством и штатами был серьёзно нарушен, потому что новые полномочия исполнительной власти достались, главным образом, Центру, а не штатам. Это не было результатом тёмных махинаций каких-то таинственных вашингтонских группировок, которые хотели урезать власть штатов и ввести централизацию. Это явилось следствием того, что США представляют собой экономическое целое с единой денежной и кредитной системой и свободным передвижением товаров, капиталов и людей между штатами. В такой стране государственный контроль над бизнесом должен быть централизованным. Не может быть и речи о том, чтобы предоставить это право отдельным штатам. Если бы каждый штат был волен контролировать бизнес, исходя из своих собственных планов, единый внутренний рынок распался бы. Контроль над бизнесом на уровне штата был бы практи-

чески возможен только в том случае, если бы каждый штат мог отделить свою территорию от остальной части страны торговыми и миграционными барьерами и введением самостоятельной денежной и кредитной политики. Поскольку никто всерьёз не предлагал разрушить экономическую целостность страны, контроль над бизнесом необходимо было вверить Центру. Сама природа системы государственного контроля над бизнесом подталкивает её к максимальной централизации. Автономия штатов в том виде, как она гарантирована Конституцией, может существовать лишь при системе свободного предпринимательства. Голосуя за государственный контроль над бизнесом, избиратели, косвенным образом, хотя и неосознанно, голосуют за усиление централизации.

Те, кто критикуют бюрократию, совершают ошибку, направляя свою критику только на симптомы, а не на корень зла. Совершенно безразлично, принимаются ли бесчисленные постановления, регламентирующие все стороны экономической деятельности гражданина, непосредственно Конгрессом в качестве должным образом принятых законов, или же комитетом, либо правительственным агентством, полномочия которому были даны законом и ассигнованием денег. В действительности недовольство людей вызывает то, что государство вступило на путь такой тоталитарной политики, а не технические процедуры, использованные для её введения. Мало что изменилось бы, если бы Конгресс не наделил эти агентства квазизаконодательными полномочиями, а оставил бы за собой право издавать все постановления, необходимые для осуществления их функций.

Как только контроль над ценами объявляется обязанностью правительства, становится необходимым утверждать бесконечное количество максимально допустимых цен, а многие из них, с изменением условий, необходимо вновь и вновь модифицировать. Этими полномочиями наделено Управление регулирования цен – ОРА. Но власть бюрократов из этого Управления *существенно* не пострадала бы, если бы они были обязаны обращаться в Конгресс для законодательного установления максимально допустимых цен. Конгресс оказался бы на-

воднённым множеством законопроектов, содержание которых выходило бы за рамки его компетенции. У членов Конгресса не было бы достаточно времени и информации для того, чтобы серьёзно рассматривать предложения, разработанные различными подразделениями ОРА. У них не было бы другого выбора, как только довериться главе Управления и его служащим и голосовать за все законопроекты скопом или же отменить закон, предоставляющий правительству право контроля над ценами. Для членов Конгресса было бы совершенно невозможно разбираться в существе дела с той же добросовестностью и скрупулёзностью, с какой они обычно подходят к обсуждению политики и законов.

Парламентские процедуры являются адекватным методом разработки законов, необходимых обществу, основанному на частной собственности на средства производства, свободном предпринимательстве и суверенитете потребителей. Они по своей сути не пригодны для осуществления функций всемогущего государства. Творцы Конституции никогда не размышляли о системе правления, при которой власти должны были бы определять цены на перец и апельсины, фотоаппараты и бритвенные лезвия, галстуки и бумажные салфетки. Но если бы такая возможность пришла им в голову, они, безусловно, сочли бы второстепенным вопросом о том, должны ли такие предписания приниматься Конгрессом или каким-либо бюрократическим агентством. Они бы без труда поняли, что государственный контроль над бизнесом, в конечном счёте, несовместим ни с какой формой конституционного и демократического правления.

Не случайно, что в социалистических странах правление осуществляется диктаторскими методами. Тоталитаризм и народовластие несовместимы. В Германии и России ничего не изменилось бы, если бы Гитлер и Сталин должны были бы передавать свои постановления для утверждения в «парламенты». При государственном контроле над бизнесом парламенты не могут быть ничем иным как собранием людей, всегда голосующих «за».

Совершенно неоправданны и претензии к тому, что должности бюрократических администраторов не являются выборными. Выборы представителей исполнительных органов имеют смысл только применительно к высшим руководителям. В этом случае избиратели должны сделать выбор между кандидатами, чья политическая репутация и убеждения им известны. Было бы абсурдно использовать этот же метод для назначения на должности множества неизвестных избирателям лиц. Вполне разумно выбирать президента, губернатора или мэра. Но было бы совершенно бессмысленно предоставить гражданам возможность выбирать сотни и тысячи мелких служащих. При таком голосовании у избирателей не будет другого выбора, кроме как одобрить весь список, предложенный их партией. Нет никакой реальной разницы, назначает ли законно избранный президент или губернатор всех своих помощников или же избиратели голосуют за список, содержащий имена всех тех людей, которых предпочитаемый ими кандидат выбрал себе в помощники.

Как совершенно верно говорят противники движения к тоталитаризму, бюрократы вольны по своему собственному усмотрению решать вопросы, имеющие первостепенную важность для жизни частных граждан. Это правда, что должностные лица являются уже не слугами граждан, а своевольными господами и тиранами. Но в этом виновата не бюрократия. Это результат новой системы правления, которая ограничивает свободу индивида самостоятельно вести свои дела и возлагает всё больше и больше обязанностей на государство. Обвинять следует не бюрократию, а политическую систему.

Правда и то, что бюрократия проникнута неукротимой ненавистью к частному бизнесу и свободному предпринимательству. Но сторонники бюрократической системы именно это считают самым похвальным в собственной позиции. Они вовсе не стыдятся своей политики, направленной против бизнеса, они, напротив, гордятся ею, они стремятся к полному государственному контролю над бизнесом, а в каждом бизнесмене, который хочет избежать такого контроля, видят врага

общества.

Правда, наконец, и то, что новая политика, не являясь неконституционной с чисто формальной точки зрения, противоречит духу Конституции; что она равносильна гибели всего того, что было дорого старшему поколению американцев; что она должна привести к отказу от того, что люди привыкли называть демократией, и что в этом смысле она чужда американскому духу. Но этот упрёк также не дискредитирует «прогрессивные» тенденции в глазах их сторонников. Они смотрят на прошлое не так, как их критики. Для них жизнь всех существовавших до сих пор обществ – это история социальной деградациии, нищеты и беспощадной эксплуатации масс правящими классами. То, что на языке американцев называется «индивидуализмом», для них – «высокопарный термин для обозначения жадности к деньгам, принявшей иное обличье и выступающей под видом добродетели». Идея была в том, чтобы «дать полную свободу действий стяжателям, хитроумным ловкачам и биржевым спекулянтам, живущим за счёт грабежа национального дохода».³ Американская система издевательски называется фальшивой «демократией билля о правах», а сталинская система в России безудержно восхваляется как единственно подлинная демократия.

Основным предметом разногласий в сегодняшней политической борьбе является вопрос о том, должно ли общество быть организовано на основе частной собственности на средства производства (капитализм, рыночная система) или же на основе общественного контроля над средствами производства (социализм, коммунизм, плановая экономика). Капитализм означает свободу предпринимательства, суверенитет потребителей в экономических вопросах. Социализм означает полный государственный контроль над всеми сферами частной жиз-

---

³ W. E. Woodward, *A New American History*, New York, 1938, стр. 808. На обложке этой книги мы читаем: «Сегодня любой правильно мыслящий родитель, знакомый со всеми фактами, возможно, решит, что Бенедикт Арнольд в целом является гораздо более достойным образцом для его сына, чем Линкольн». Очевидно, что тот, кто разделяет подобные взгляды, не считает недостатком бюрократии её антиамериканский дух.

ни и неограниченное господство государства как центрального органа управления производством. Между этими двумя системами не может быть никакого компромисса. Вопреки широко распространённому заблуждению не существует промежуточного пути, третья система невозможна как форма долговременной организации общества.⁴ Граждане должны сделать выбор между капитализмом и социализмом или, как говорят многие американцы, между «американским» и «русским» образом жизни.

Тот, кто в этом непримиримом споре берёт сторону капитализма, должен делать это откровенно и прямо. Он должен совершенно определённо поддерживать частную собственность и свободное предпринимательство. Тщетно довольствоваться критикой лишь некоторых мер, подготавливающих почву для социализма. Бесполезно бороться с сопутствующими явлениями, а не с движением к тоталитаризму, как таковым. Бессмысленно сосредоточиваться только на критике бюрократизма.

Взгляды «прогрессистов» на бюрократию

Своё внимание «прогрессивные» критики бюрократизма сосредоточивают, прежде всего, на бюрократизации крупного корпоративного бизнеса. Ход их рассуждений таков:

«Прежде деловые фирмы были сравнительно небольшими. Предприниматель был в состоянии следить за всеми частями своего предприятия и самолично принимать все важные решения. Он был владельцем всего вложенного капитала или, по крайней мере, большей его части. Он сам был крайне заинтересован в успехе своего дела. Поэтому он сосредоточивал все свои усилия на том, чтобы сделать своё предприятие как можно более эффективным и избежать ненужных трат.

Но по мере действия неумолимой тенденции к экономической концентрации условия радикально изменились. Сегодня доминирующие позиции занимают крупные корпорации. Это

---

⁴ См. ниже стр. 96-97.

абсентеистская собственность: юридические собственники, держатели акций, фактически не оказывают влияния на управление предприятием. Эта обязанность возложена на профессиональных администраторов. Предприятия так велики, что функции и виды деятельности приходится распределять между производственными и административными подразделениями. Ведение дел, по необходимости, становится бюрократическим.

Сегодняшние защитники свободного предпринимательства – такие же романтики, как и те, кто восхваляет средневековые цеха и гильдии. Они совершают безусловную ошибку, придавая гигантским корпорациям черты, которые были когда-то отличительными особенностями мелкого и среднего бизнеса. Не может быть и речи о разделении крупных хозяйственных единиц на более мелкие фирмы. Напротив, преобладающей станет тенденция к дальнейшей концентрации экономической мощи. Крупный монополизированный бизнес будет зажат в тисках бюрократизма. Никому не подотчётные управляющие корпораций станут наследственной аристократией, а правительства – простыми марионетками всемогущих деловых группировок.

Власть этой управленческой олигархии по необходимости должна быть ограничена государством. Недовольство строгим государственным регулированием безосновательно. Дело обстоит так, что существует только один выбор – между неограниченным господством (промышленной и финансовой) бюрократии и правлением национального государственного аппарата».

Апологетический характер таких рассуждений очевиден. В ответ на общую критику в адрес растущей бюрократизации государства «прогрессисты» и сторонники «нового курса» говорят, что рамки бюрократии вовсе не ограничиваются рамками государственных органов. Это универсальное явление, характерное как для делового мира, так и для государственных органов. Самая общая причина бюрократизации – «колоссальный размер организаций».⁵ Она является поэтому неизбежным

⁵ См. Marshall E. Dimock and Howard K. Hyde, *Bureaucracy and Trusteeship in Large Corporations*, TNEC Monograph No. 11, стр. 36

злом.

В этой книге мы попытаемся показать, что ни одно предприятие, ориентированное на получение прибыли, каким бы крупным оно ни было, не подвержено бюрократизации, до тех пор, пока руки его руководителей не связаны государственным вмешательством. Тенденция к бюрократическому окостенению не заложена в природе бизнеса. Это следствие государственного вмешательства в бизнес. Это результат политики, направленной на то, чтобы лишить мотив получения прибыли той роли, которую он играет в способе экономической организации общества.

В этих вводных замечаниях мы хотим остановиться лишь на одной стороне всеобщего недовольства растущей бюрократизацией бизнеса. Говорят, что бюрократизация вызвана «отсутствием компетентного, эффективного руководства»⁶, чего не хватает, так это «творческих руководителей».

В политической области жалобы на отсутствие лидеров характерны для взглядов всех предвестников диктатуры. В их глазах основной изъян демократического правления заключается в том, что оно не способно породить великих фюреров и Дуче.

В области бизнеса творческое руководство выражается в приспособлении производства и распределения к изменяющимся условиям спроса и предложения и во внедрении технических усовершенствований в практику. Настоящий бизнесмен – это тот, кто производит большое количество лучших и более дешёвых товаров; кто, являясь пионером прогресса, предоставляет своим соотечественникам товары и услуги, прежде им неизвестные и недоступные. Мы можем назвать его лидером, поскольку его инициатива и деятельность заставляют конкурентов или повторять его достижения, или выходить из дела. Именно его непрестанная изобретательность и любовь к нововведениям не позволяют всем остальным предприятиям погрязнуть в застойной бюрократической рутине. Он является

---

⁶ См. Marshall E. Dimock and Howard K. Hyde, loc. cit., p. 44 и упоминаемые ими статьи.

воплощением деятельного динамизма и способности к постоянному развитию, присущих капитализму и свободному предпринимательству.

Было бы преувеличением сказать, что таких творческих лидеров нет в сегодняшней Америке. Многие старые герои американского бизнеса ещё живы и активно ведут свои дела. Гораздо труднее оценить творческий вклад более молодого поколения. Для правильной оценки их достижений нужна некоторая временная дистанция. Подлинный талант редко находит признание среди своих современников.

Общество не может ничего сделать для воспитания и выращивания изобретательных людей. Творческому таланту нельзя научить как ремеслу. Не существует школ, обучающих творчеству. Талантливый человек – это как раз тот, кто бросает вызов всем школам и правилам, кто не идёт по проторённым дорогам, а открывает новые пути в недоступные прежде земли. Талантливый человек всегда – учитель, и никогда – ученик, он добивается всего своими собственными силами. Он ничем не обязан тем, кто находится у власти. Но, с другой стороны, государство может создать условия, которые парализуют все усилия творческого духа и не позволяют ему приносить пользу обществу.

Именно такая ситуация характерна сегодня для сферы бизнеса. Вот только один пример – подоходный налог. В прежние времена изобретательный начинающий бизнесмен открывал новое дело. Это было скромное начало: он был беден, капитал его невелик и в основном взят в займы. Когда приходил первый успех, он не увеличивал своего потребления, а вкладывал основную часть прибыли снова в дело. Таким образом, его предприятие быстро росло. Он становился лидером в своей отрасли. Угроза конкуренции с его стороны заставляла старые богатые фирмы и крупные корпорации приспособлять стиль своего управления к новым условиям, созданным его вторжением в отрасль. Они не могли игнорировать его, не могли позволить себе бюрократического равнодушия. Денно и ночью они должны были следить за появлением таких новаторов. Если для ведения своих собственных дел им не удавалось найти че-

ловека, который был бы в состоянии соперничать с новичком, им приходилось объединять с ним капиталы и подчиняться его руководству.

Но сегодня подоходный налог поглощает 80 или более процентов первоначальных доходов такого начинающего бизнесмена. Он не может накопить капитал, не может расширить своё дело; его предприятие никогда не станет крупным. Он не может тягаться с большим бизнесом. Старые фирмы и корпорации уже владеют значительным капиталом. Налоги на личные доходы и доходы корпораций не позволяют им накопить ещё больше капитала, однако новичку они вообще не позволяют накапливать капитал. Он обречён навечно остаться в мелком бизнесе. Уже существующие предприятия защищены от угрозы, исходящей от изобретательных новичков. Им не страшна их конкуренция, фактически они находятся в привилегированном положении до тех пор, пока ограничиваются ведением дел в традиционной области и в неизменных размерах.⁷ Их дальнейшее развитие, конечно, ограничено. Постоянное истощение прибылей налогами делает для них невозможным расширение производства за счёт собственных средств. Так появляется тенденция к застою.

Во всех странах все законы о налогах написаны сегодня так, как будто основная цель налогов состоит в том, чтобы воспрепятствовать накоплению капитала и совершенствованию производства, которое может быть при этом достигнуто. Та же тенденция проявляется во многих других областях государственной политики. «Прогрессисты» совершенно не правы, когда говорят о недостатке творческих лидеров в сфере бизнеса. Недостаёт не людей, а установлений, которые позволили бы им применить свои таланты. Современная политика связывает руки предпринимателям-новаторам ничуть не меньше, чем система гильдий в средние века.

---

⁷ Эта работа не является очерком социальных и экономических последствий налогообложения. Поэтому нет необходимости рассматривать налоги на наследство, воздействие которых ощущается в нашей стране уже многие годы, тогда как выше описанные последствия подоходного налога стали заметны недавно.

Бюрократизм и тоталитаризм

В этой книге будет показано, что бюрократия и бюрократические методы существуют очень давно и должны быть представлены в административном аппарате любого правительства, чей суверенитет распространяется на большую территорию. Древнеегипетские фараоны и китайские императоры создавали колоссальные бюрократические машины; так же поступали и все другие правители. Средневековый феодализм был попыткой организовать управление большими территориями без бюрократии и бюрократических методов. Эти старания потерпели полный крах. Они привели к анархии и полному распаду политического единства.

Феодальные землевладельцы, первоначально получавшие свои титулы за службу и поэтому подчинявшиеся центральной власти, стали фактически независимыми князьями, которые постоянно сражались друг с другом и ни во что не ставили власть короля, судов и законов. Начиная с XV века, европейские короли прежде всего стремились обуздать своих надменных вассалов. Современное государство построено на руинах феодализма. Господство множества мелких князей и графов оно заменило бюрократическим управлением делами общества.

Дальше всех по этому пути продвинулись короли Франции. Алексис де Токвиль показал, как короли династии Бурбонов упорно стремились уничтожить самостоятельность своих могущественных вассалов и олигархических группировок аристократов. В этом отношении Французская революция лишь завершила то дело, которое начали сами короли. Она устранила королевский произвол, обеспечила верховенство закона в области управления и ограничила круг вопросов, решаемых должностными лицами по их собственному усмотрению. Она не отказалась от бюрократического управления, она только поставила его на правовую и конституционную основу, французская административная система XIX века представляла собой попытку максимально ограничить бюрократический произвол при помощи законов. Она служила моделью для всех дру-

гих свободлюбивых стран, не входивших в сферу действия англо-саксонского обычного права (Common Law), которые стремились обеспечить верховенство законов и законности в системе государственного управления.

Немногие знают, что прусская административная система, вызывающая столько восхищения у всех сторонников всемогущего государства, в своих ранних формах была простой имитацией французских институтов. Фридрих II, именуемый Великим, импортировал из абсолютистской Франции не только методы, но даже людей для их осуществления. Взимание акцизов и таможенных пошлин он поручил импортированному штату из нескольких сотен французских бюрократов. Министром почт он назначил француза и другого француза – президентом Академии. У пруссаков XVIII века было даже больше оснований считать бюрократизм чуждым их национальному духу, чем у сегодняшних американцев.

Юридическая основа административной деятельности в странах с англо-саксонским обычным правом сильно отличалась от своего аналога в странах континентальной Европы. И британцы, и американцы были абсолютно уверены в том, что их система обеспечивает им самую эффективную защиту от административного произвола. Однако опыт последних десятилетий ясно свидетельствует, что никаких юридических гарантий недостаточно, чтобы противостоять тенденции, опирающейся на влиятельную идеологию. Широко распространившаяся идея социализма и государственного вмешательства в экономику разрушили плотину, воздвигавшуюся двадцатью поколениями англосаксов для защиты от половодья административного произвола. Многие интеллектуалы и большое число избирателей, объединённых в «группы давления» в интересах фермеров и рабочих, с пренебрежением называют американскую систему правления «плутократической» и жаждут введения «русских» методов правления, не предоставляющих индивиду вообще никакой защиты от произвола властей.

Тоталитаризм – это гораздо больше, чем просто бюрократия. Это подчинение всех сторон жизни, труда и досуга каж-

дого индивида приказаниям тех, кто находится у власти. Это превращение человека в «винтик» всеобъемлющего механизма принуждения и насилия. Тоталитаризм заставляет индивида отказываться от любой деятельности, которую не одобряет государство. Он не терпит никаких проявлений несогласия, он превращает общество в подчиняющуюся строгой дисциплине трудовую армию, – как говорят сторонники социализма, – или в каторжную тюрьму, – как говорят его противники. Как бы то ни было, это полный разрыв с тем образом жизни, которому цивилизованные страны были привержены в прошлом. Это не просто возврат человечества к восточному деспотизму, при котором, как заметил Гегель, только один человек свободен, а все остальные – рабы. Ведь азиатские деспоты не вмешивались в каждодневную жизнь своих подданных. Земледельцам, скотоводам и ремесленникам предоставлялось определённое поле деятельности, в осуществление которой не вмешивался монарх и его приближённые. В своём собственном хозяйстве и в семейной жизни простые люди обладали известной автономией. В современном социализме дела обстоят иначе. Он тоталитарен в полном смысле этого слова. Он держит индивида под жёстким контролем от рождения и до самой смерти. На протяжении всей своей жизни «товарищ» обязан беспрекословно подчиняться приказам верховной власти. *Государство* одновременно его опекун и работодатель. Государство решает, чем ему заниматься, как питаться и развлекаться. Государство указывает, как ему следует думать и во что верить.

Бюрократия является инструментом осуществления всех этих планов. Но люди несправедливы, когда обвиняют отдельного бюрократа в пороках системы. Виноваты не мужчины и женщины, заполняющие различные конторы и учреждения. Они такие же жертвы нового образа жизни, как и все остальные. Порочна система, а не её подручные. Правительство не может обойтись без бюрократических учреждений и методов. И поскольку взаимодействие в обществе невозможно без государственного управления, в каких-то пределах бюрократия всегда необходима. Люди возмущаются не самим бюрокра-

тизмом, а вторжением бюрократии во все сферы жизни и деятельности человека. Борьба против посягательств бюрократии – это, в сущности, восстание против тоталитарной диктатуры. Было бы неверно называть борьбу за свободу и демократию борьбой против бюрократии.

Тем не менее, общая критика бюрократических методов и процедур в известном смысле оправданна. Ибо их недостатки свидетельствуют о глубинных изъянах любой социалистической или тоталитарной системы. Тщательно исследовав проблему бюрократии, мы должны, в конце концов, понять, почему социалистические утопии совершенно нежизнеспособны и, в случае их практического воплощения, должны привести не только ко всеобщему обнищанию, но и к распаду общественных связей, к хаосу. Таким образом, изучение бюрократии – это удачный способ изучения обеих систем социальной организации: капитализма и социализма.

Альтернатива: предпринимательское управление или бюрократическое управление

Если мы хотим понять, что же в действительности представляет собой бюрократия, мы должны начать с анализа действия мотива прибыли в рамках капиталистического общества. Об основных чертах капитализма мы знаем так же мало, как о ключевых характеристиках бюрократии. Ложные мифы, популяризованные демагогической пропагандой, создали совершенно неверное представление о капиталистической системе. Капитализму удалось поднять материальное благосостояние масс на небывалый уровень. Численность населения в капиталистических странах сейчас в несколько раз больше, чем накануне «промышленной революции», а уровень жизни у любого из жителей этих стран значительно выше, чем у состоятельных людей прежних времён. Тем не менее, общественное мнение в значительной своей части с пренебрежением отзывалось о свободном предпринимательстве и частной собственности на

средства производства, как об институтах угнетения, которые наносят вред подавляющему большинству населения и обслуживают исключительно эгоистические классовые интересы маленькой группки эксплуататоров. Политические деятели, чьи основные достижения заключались в сокращении сельскохозяйственного производства и попытках затормозить технический прогресс в промышленности, поносят капитализм, называя его «экономикой нужды», и рассказывают об изобилии, которое принесёт с собой социализм. Руководители профсоюзов, члены которых имеют собственные автомобили, восторженно расхваливают условия жизни босого и оборванного русского пролетариата и воспевают свободу, которой пользуются рабочие в России, где профсоюзное движение было подавлено, а забастовки являются уголовным преступлением.

Нет необходимости углубляться в подробное изучение этих мифов. Мы не ставим себе целью ни восхвалять, ни осуждать. Мы хотим знать, что из себя представляют две рассматриваемые нами системы, как они работают и как служат интересам людей.

Несмотря на всю неопределённость в использовании термина «бюрократия», все, похоже, согласны с тем, что существует два противоположных метода ведения дел: способ, применяемый частными гражданами, и способ, которым управляют правительственные и муниципальные учреждения. Никто не отрицает того, что принципы управления департаментом полиции существенным и коренным образом отличаются от принципов, применяемых при ведении дел на предприятии, стремящемся к получению прибыли. Уместно поэтому начать с исследования методов управления, которые используются в заведениях этих двух видов, и затем сравнить их друг с другом. Бюрократию, её достоинства и недостатки, её деятельность и принципы функционирования можно понять, лишь сопоставив их с функционированием управления на основе мотива прибыли в капиталистическом обществе с рыночной экономикой.

I. Предпринимательское управление

Действие рыночного механизма

Капитализм – или рыночная экономика – это такая система социального взаимодействия и разделения труда, которая основана на частной собственности на средства производства. Материальные факторы производства находятся в собственности отдельных граждан, капиталистов и землевладельцев. Производство на заводах и фермах организуют предприниматели и фермеры, то есть индивиды или ассоциации индивидов, которые либо сами являются собственниками капитала и земли, либо взяли их займы или в аренду у собственников. Характерной чертой капитализма является свободное предпринимательство. Цель любого предпринимателя – будь то коммерсант или фермер – состоит в получении прибыли.

Капиталисты, предприниматели и фермеры играют важную роль в сфере экономики. Они стоят у штурвала и ведут корабль. Но они не вольны определять его курс. Они не командуют кораблём, они всего лишь рулевые, обязанные беспрекословно подчиняться приказам капитана. Капитаном является потребитель.

Ни капиталисты, ни предприниматели, ни фермеры не определяют, что должно производиться, – это делают потребители. Производители производят не для своего собственного потребления, а на рынок. Их основная цель – продать свою продукцию. Если потребители не покупают предлагаемые им блага, бизнесмен не может окупить сделанные им затраты. Он теряет свои деньги. Если он не сможет приспособить своё производство к пожеланиям потребителей, ему очень скоро придётся расстаться со своим привилегированным положением у штурвала. Его заменят другие люди, которым лучше удаётся удовлетворять запросы потребителей.

Действительными хозяевами в капиталистической системе рыночной экономики являются потребители. Покупая или воздерживаясь от покупок, они решают, кто должен владеть капиталом и управлять предприятиями. Они определяют, что следует производить, а также, сколько и какого качества. Их отношение выливается либо в прибыли, либо в убытки для предпринимателя. Они делают бедняков богатыми, а богачей бедными. С такими хозяевами нелегко поладить. У них полно капризов и причуд, они непостоянны и непредсказуемы. Они ни в грош не ставят прежние заслуги. Как только им предлагают что-либо, что им больше по вкусу или же дешевле, они бросают своих старых поставщиков. Главное для них – их собственное удовлетворение. Их не волнуют ни имущественные права капиталистов, ни судьбы рабочих, которые теряют работу, если в качестве потребителей перестают покупать то, что покупали прежде.

Что значит высказывание, когда мы говорим, что производство определённого товара А не окупается? Это свидетельствует о том, что потребители не хотят платить производителям А столько, сколько им нужно для покрытия затрат на необходимые факторы производства, тогда как в то же самое время доходы других производителей оказываются выше их издержек производства. Запросы потребителей играют важную роль в распределении различных факторов производства между различными отраслями производства потребительских товаров. Потребители, таким образом, решают, сколько сырья и труда должно идти на изготовление А и сколько – на какой-то другой товар. Бессмысленно поэтому противопоставлять производство ради прибыли и производство ради потребления. Стремление к прибыли заставляет предпринимателя поставлять потребителям те блага, на которые они предъявляют спрос в первую очередь. Если бы предприниматель не должен был руководствоваться мотивом прибыли, он мог бы производить больше А, несмотря на то, что потребители предпочитают иметь что-то другое. Мотив прибыли – это как раз тот фактор, который заставляет бизнесмена наиболее эффективным обра-

зом обеспечивать производство тех товаров, которые хотят использовать потребители.

Таким образом, капиталистическая система производства – это экономическая демократия, где каждый цент даёт право голоса. Суверенным народом являются потребители. Капиталисты, предприниматели и фермеры – это лица, получившие мандат народа. Если они не выполняют данные им поручения, если они не в состоянии производить с минимально возможными издержками то, чего требуют потребители, они теряют свои должности. Их обязанность заключается в обслуживании потребителей. Прибыли и убытки – это те инструменты, посредством которых потребители держат весь бизнес под жёстким контролем.

Экономический расчёт

Превосходство капиталистической системы в том, что это единственная система социального взаимодействия и разделения труда, позволяющая рассчитывать оценки плановых проектов и уже работающих заводов, ферм и мастерских. Нежизнеспособность всех схем социализма и центрального планирования предопределена невозможностью какого-либо экономического расчёта в условиях, когда отсутствует частная собственность на средства производства и, как следствие, не существует рыночных цен на эти факторы.

При руководстве экономической деятельностью необходимо решать следующую задачу. Существует бессчётное количество разновидностей материальных факторов производства, и внутри каждой из них факторы отличаются один от другого как по своим физическим свойствам, так и по тому месту, где они имеются в наличии. Существуют миллионы и миллионы рабочих, сильно отличающихся друг от друга по своим способностям к труду. Технические дисциплины предоставляют нам информацию о бесчисленном количестве вариантов производства потребительских благ при использовании имеющихся

в наличии природных ресурсов, капитальных благ и рабочей силы. Какие из этих технологий и планов обладают наибольшими преимуществами? Какие из них следует претворить в жизнь, поскольку они смогут в наибольшей степени способствовать удовлетворению самых насущных нужд? Какие следует отложить или отвергнуть, поскольку их осуществление отвлечёт факторы производства от других проектов, осуществление которых будет в наибольшей степени способствовать удовлетворению насущных нужд?

Очевидно, что на эти вопросы нельзя ответить при помощи вычислений в натуральном выражении. В расчётах невозможно объединить множество различных вещей, если для них не существует общепринятого измерителя.

В капиталистической системе всё проектирование и планирование основывается на рыночных ценах. Без них все проекты и схемы, разрабатываемые инженерами, были бы просто академическими упражнениями. Они показывали бы, что и как можно сделать. Но с их помощью нельзя было бы определить, действительно ли реализация определённого проекта повысит материальное благосостояние или же, забирая дефицитные факторы производства из других отраслей, она поставит под угрозу удовлетворение более насущных нужд, то есть нужд, которые потребители считают более насущными. Основным фактором в процессе экономического планирования служит рыночная цена. Только рыночные цены позволяют ответить на вопрос, будет ли выручка от осуществления проекта *N* больше, чем затраты на него, то есть принесёт ли оно больше пользы, чем осуществление других возможных планов, которые не могут быть реализованы из-за того, что необходимые факторы производства используются для проекта *N*.

Часто возражают, что такая ориентация экономической деятельности в соответствии с мотивом получения прибыли, то есть в соответствии с критерием избытка выручки над затратами, не принимает во внимание интересы нации в целом и учитывает только эгоистические интересы индивидов, не совпадающие с национальными интересами, а часто даже про-

ного планирования. Государственный контроль над бизнесом, утверждают сторонники авторитарного управления, обеспечивает благосостояние нации, в то время как свободное предпринимательство, движимое только стимулом получения прибыли, угрожает интересам нации.

В наши дни для иллюстрации этого положения ссылаются на проблему синтетического каучука. Германия при нацистском социализме наладила производство синтетического каучука, в то время как Великобритания и Соединённые Штаты, где господствовало свободное предпринимательство, ориентированное на получение прибыли, не позаботились о нерентабельном изготовлении такого дорогого *Ersatz**. Таким образом, они пренебрегли важным элементом военной готовности и подвергли серьёзной опасности свою независимость.

Вряд ли можно привести более ошибочные доводы. Никто никогда не утверждал, что ведение войны или подготовка вооружённых сил страны к возможной войне могут или должны быть оставлены на попечении частных граждан. Защита национальной безопасности и достижений цивилизации от агрессии как со стороны внешних врагов, так и преступников внутри страны является первоочередным долгом любого правительства. Если бы все люди были славными и добродетельными, если бы никто не посягал на чужое, не было бы необходимости в правительстве, вооружённых силах, полиции, судах и тюрьмах. Обеспечение готовности к войне есть обязанность правительства. Никакие частные граждане и никакие группы или классы граждан не могут нести ответственность за то, что правительство не справляется с этой задачей. Вина всегда остаётся за правительством, в демократической стране – за большинством избирателей.

Германия готовилась к войне и вооружалась. Поскольку в немецком генеральном штабе знали, что в случае войны Германия не сможет импортировать натуральный каучук, было решено наладить отечественное производство синтетического каучука. Нет необходимости выяснять, было ли британское и

---

* Ersatz с нем. – заменитель, суррогат — прим. ред.

американское военное командование уверено в том, что их страны даже в случае новой мировой войны могут рассчитывать на каучуковые плантации Малайи и Нидерландской Индии. Как бы то ни было, они не сочли необходимым делать запасы натурального каучука или приступить к производству синтетического каучука. Некоторые британские и американские бизнесмены изучали достижения в производстве синтетического каучука в Германии. Но поскольку стоимость синтетического продукта была значительно выше стоимости натурального, они не могли последовать примеру немцев. Ни один предприниматель не может вложить деньги в дело, которое не сулит стать прибыльным. Именно это обеспечивает суверенитет потребителей и заставляет предпринимателя производить то, что, прежде всего, нужно потребителям. Потребители, то есть жители Америки и Великобритании, не были готовы принять такие цены на синтетический каучук, которые сделали бы его производство прибыльным. Самым дешёвым способом получения каучука для англо-саксонских стран было производить другие товары, например, автомобили и различные станки, продавать их за границу и импортировать натуральный каучук из-за рубежа.

Если бы правительства в Лондоне и Вашингтоне имели возможность предвидеть события декабря 1941 и января–февраля 1942 года, они предприняли бы в своё время меры для обеспечения внутреннего производства синтетического каучука. По отношению к нашей проблеме не имеет значения, какой метод финансирования этой части расходов на оборону они бы тогда выбрали. Они могли бы субсидировать соответствующие заводы или могли бы поднять, посредством тарифов, внутренние цены на каучук до такого уровня, чтобы производство синтетического каучука в их странах стало прибыльным. Как бы то ни было, людей заставили бы платить за всё необходимое.

Если государство не позаботится о мероприятиях в области обороны, никакой капиталист или предприниматель не сможет сделать это за него. Упрекать какие-либо химические корпорации за то, что они не занялись производством синтети-

ческого каучука, столь же бессмысленно, сколь обвинять автомобильную промышленность за то, что она сразу же после прихода Гитлера к власти не перешла на производство самолётов. С таким же успехом можно было бы обвинять учёного в том, что он потратил время на написание книги по американской истории или философии вместо того, чтобы направить все усилия на подготовку к выполнению своих будущих обязанностей в экспедиционных войсках. Когда правительство не справляется со своей задачей обеспечить страну всем необходимым для отражения агрессии, ни у одного частного гражданина не остаётся иных возможностей исправить это зло, кроме как критиковать власти, обращаясь к верховной инстанции – избирателям – в речах, статьях и книгах.⁸

Многие врачи утверждают, что их сограждане тратят деньги глупейшим и вредным для их здоровья образом. Люди, говорят они, должны изменить рацион своего питания, ограничить употребление алкогольных напитков и табака и использовать своё свободное время более разумным образом. Эти врачи, возможно, правы. Но улучшение поведения «подданных» не входит в обязанности государства. Это не входит и в обязанности бизнесменов. Они не являются опекунами своих покупателей. Если потребители предпочитают крепкие напитки безалкогольным, предприниматели должны приноравливаться к их пожеланиям. Тот, кто хочет изменить своих соотечественников, должен прибегнуть к убеждению. Это единственный демократический способ добиться изменений. Если человек терпит неудачу, пытаясь склонить людей на свою сторону, он должен обвинять в этом только самого себя. Он не должен требовать помощи закона, то есть насильственных и принудительных полицейских мер.

Основой экономических расчётов является оценка всех потребительских благ всеми людьми. Верно, что потребители

---

⁸ Эти замечания не означают какой-либо критики предвоенной политики правительства Великобритании и США. Только человек, который знал бы о военных событиях 1941–1943 гг. за много лет до того, как они произошли, имел бы право обвинять других людей в неспособности их предвидеть. Правительства отнюдь не всезнающи, в чём хотят убедить нас сторонники планирования.

подвержены заблуждениям и могут ошибаться в своих суждениях. Мы можем допустить, что они по-другому оценили бы различные товары, если бы были лучше информированы. Но такова человеческая натура, и у нас нет возможности заменить поверхностные суждения людей мудростью непогрешимых властей.

Рыночные цены не следует считать выражением вечной и абсолютной ценности. Нет абсолютных ценностей, не зависящих от субъективных предпочтений людей, которые могут ошибаться. Суждения о ценности выносятся людьми совершенно произвольно. Они отражают все слабости и недостатки их авторов. Однако единственной альтернативой определению цен на основе предпочтений всех потребителей является их определение на основе суждений каких-то небольших групп людей, в неменьшей степени, чем большинство потребителей, подверженных ошибкам и промахам, несмотря на то, что они называются «властью». Как бы ни определялись цены потребительских товаров, устанавливаются ли они решением диктатора или предпочтениями всех потребителей – всего народа, ценности всегда носят относительный, субъективный и земной характер, они никогда не бывают абсолютными, объективными и божественными.

Необходимо ясно понимать, что в рыночном обществе, организованном на основе свободного предпринимательства и частной собственности на средства производства, цены потребительских благ находят верное и достаточно точное отражение в ценах различных факторов, требующихся для их производства. Таким образом, появляется возможность путём точного расчёта обнаружить, какие из безграничного множества мыслимых процессов производства являются более, а какие – менее выгодными. «Более выгодные» означает в этой связи использование этих факторов производства таким образом, что производство потребительских благ, более настоятельно требуемых потребителями, получает преимущество по сравнению с производством товаров, менее настоятельно требуемых потребителями. Экономический расчёт даёт бизнесу возможность

приспосабливать производство к запросам потребителей. Напротив, при любой из разновидностей социализма центральные органы управления окажутся не в состоянии производить экономические расчёты. Там, где нет рынка и, следовательно, нет рыночных цен, они не могут стать основой для расчётов.

Чтобы полностью разобраться в затрагиваемых проблемах, мы должны попытаться понять природу и источник прибыли.

В гипотетической системе, где всё неизменно, вообще не было бы никаких прибылей и убытков. В таком статичном мире, где не происходит ничего нового и все экономические условия постоянно остаются одними и теми же, общая сумма издержек изготовителя на приобретение необходимых ему факторов производства была бы равна цене, которую он получает за свой продукт. Цены, которые нужно заплатить за материальные факторы производства, заработная плата и проценты на взятый в займы капитал поглощали бы всю цену продукта. На долю прибыли ничего не оставалось бы. Очевидно, что в такой системе не было бы нужды в предпринимателях и не существовало бы экономических функций для прибыли. Если сегодня производится то же, что и вчера, и десять лет назад, и если всё то же самое будет продолжаться вечно, если ни в предложении, ни в спросе и на потребительские и на производственные блага, ни в технологических методах не происходит никаких изменений, если все цены стабильны – для предпринимательской деятельности не остаётся места.

Но реальный мир – это мир постоянных изменений. Численность населения, вкусы и потребности, предложение факторов производства и технологические методы непрерывно модифицируются. В такой ситуации необходимо постоянно приспосабливать производство к изменяющимся условиям. Именно здесь в дело вступает предприниматель.

Те, кто стремится получить прибыль, всегда ищут благоприятные возможности. Как только они обнаруживают, что отношение цен факторов производства к ожидаемым ценам на продукцию обещает представить такую возможность, они

принимаются за дело. Если их оценка всех элементов предприятия была правильной, они получают прибыль. Но немедленно начинает действовать и тенденция к исчезновению таких прибылей. В результате внедрения новых проектов цены используемых факторов производства поднимаются, и одновременно цены на продукцию начинают падать. Прибыли извлекаются постоянно только потому, что всегда происходят изменения в рыночных условиях и методах производства. Тот, кто хочет получить прибыль, должен постоянно следить за появлением новых благоприятных возможностей. И, стремясь получить прибыль, он приспособливает производство к запросам потребителей.

Мы можем рассматривать весь рынок материальных факторов производства и труда как публичные торги. Их участниками являются предприниматели. Потолок предлагаемых ими цен ограничен готовностью потребителей заплатить за их продукцию. В таком же положении другие участники торгов, их конкуренты, которые должны предложить более выгодные условия, если не хотят уйти с пустыми руками. Все участники этих торгов действуют, так сказать, как доверенные лица потребителей. Но каждый из них представляет отличный от других аспект потребительских запросов или другой товар, или другой способ производства того же самого товара. Конкуренция между различными предпринимателями – это, по существу, конкуренция между различными возможностями, имеющимися у индивидов для того, чтобы избавиться, насколько это осуществимо, от присущего им состояния беспокойства путём приобретения потребительских товаров. Каждое отдельное решение купить холодильник и отложить покупку нового автомобиля является определяющим фактором формирования цен автомобилей и холодильников. Благодаря конкуренции между предпринимателями цены этих потребительских товаров отражаются в формировании цен факторов производства. Тот факт, что различные потребности индивида, вступающие в конфликт друг с другом вследствие жёсткой дефицитности факторов производства, представлены на рынке различными

конкурирующими друг с другом предпринимателями, приводит к установлению таких цен на эти факторы, которые делают экономический расчёт не только возможным, но и обязательным. Предприниматель, не производящий экономических расчётов или игнорирующий их результаты, очень скоро обанкротится и лишится своей управленческой функции.

Но в социалистическом обществе, где существует только один управляющий, нет ни цен факторов производства, ни экономического расчёта. Предпринимателю в капиталистическом обществе фактор производства через свою цену посылает предупреждение: «Не трогай меня, я предназначен для удовлетворения другой, более насущной потребности». При социализме эти факторы производства немые. Они не могут дать никаких советов плановику. Технические знания предлагают ему огромное разнообразие возможных решений одной и той же задачи. Каждое из них требует затрат различных факторов производства и в различных количествах. Но поскольку социалистический управляющий не может привести их к общему знаменателю, он не в состоянии определить, какие из них приносят наибольшую выгоду.

Это верно, что при социализме не будет ни очевидных прибылей, ни очевидных убытков. Где не ведутся расчёты, там невозможно ответить на вопрос: были ли задуманные или осуществлённые проекты как раз теми, которые лучше других могли бы удовлетворить наиболее насущные потребности, – успехи и неудачи окутаны тьмой и никому не видны. Сторонники социализма глубоко заблуждаются, считая отсутствие очевидных прибылей и убытков положительным моментом. Это, напротив, главный порок любого социалистического управления. Это вовсе не преимущество – не знать, использует ли человек подходящие средства для достижения искомых целей. Социалистический управляющий скорее похож на человека, который вынужден прожить всю жизнь с завязанными глазами.

Приводилось возражение, что рыночная система совершенно непригодна в условиях крупномасштабной войны. Если бы рыночный механизм был предоставлен самому себе, пра-

вительство не смогло бы получить всю необходимую боевую технику. Дефицитные факторы производства, необходимые для производства вооружений, были бы растрочены на гражданские цели, которые во время войны следует рассматривать как менее важные, или даже как роскошь и расточительство. Необходимо было поэтому перейти к системе приоритетов, устанавливаемых правительством, и создать соответствующий бюрократический аппарат.

Это рассуждение ошибочно, поскольку в нём не осознаётся, что необходимость передачи правительству всей полноты власти для определения того, какое сырьё должно использоваться в различных отраслях производства, обусловлена не войной, а методами, применяемыми при финансировании военных расходов.

Если бы все деньги, нужные для ведения войны, были собраны посредством налогов и займов у населения, каждый был бы вынужден резко ограничить своё потребление. Получая гораздо более низкие денежные доходы (после удержания налогов), потребители перестали бы покупать многие блага, которые они привыкли покупать до войны. Промышленники, как раз потому, что ими движет мотив получения прибыли, прекратили бы производство этих гражданских благ и переключились бы на производство тех благ, которые у них было бы готово покупать правительство, ставшее теперь за счёт притока налогов самым крупным покупателем на рынке.

Однако значительная часть военных расходов финансируется путём увеличения количества наличных денег в обращении и посредством займов в коммерческих банках. В то же время при ценовом контроле законодательно запрещено повышать цены товаров. При более высоких денежных доходах и при неизменных ценах на товары люди склонны не ограничивать, но увеличивать покупки благ для своего собственного потребления. Чтобы избежать этого, пришлось прибегнуть к нормированному распределению в системе вводимых правительством приоритетов. Эти меры потребовались потому, что предшествующее государственное вмешательство, которое

парализовало действие рыночного механизма, привело к парадоксальным и в высшей степени неудовлетворительным результатам. Не ущербность рыночного механизма, а неадекватность предшествовавшего государственного вмешательства в рыночные явления сделала неизбежной систему приоритетов. В этом, как и во многих других случаях, в провале своих предыдущих мер бюрократы видят доказательство необходимости дальнейших посягательств на рыночную систему.

Управление в системе, ориентированной на получение прибыли

Все деловые операции внимательно изучаются путём искусного подсчёта прибылей и убытков. Новые проекты подлежат тщательному исследованию с точки зрения предлагаемых ими возможностей. Каждый шаг к их реализации отражается записями в бухгалтерских книгах и на счетах. Счёт прибылей и убытков показывает, было или не было прибыльным всё дело или любая из его частей. Цифры бухгалтерской книги служат ориентирами для ведения как всего бизнеса, так и каждого из его подразделений. Неокупающиеся подразделения закрывают, те, что приносят прибыль, – расширяют. Не может быть никакой речи о том, чтобы сохранять убыточные производства, если отсутствуют перспективы в не слишком отдалённом будущем сделать их прибыльными.

Детально разработанные методы современного бухгалтерского учёта, отчётности и коммерческой статистики дают предпринимателю достоверную картину всех его дел. Он имеет возможность знать, насколько удачной или неудачной была каждая из его операций. С помощью этих подсчётов он может проверить деятельность всех интересующих его структурных подразделений, какими бы крупными они ни были. Существует, конечно, некоторая свобода в принятии решений о распределении накладных расходов. Но в остальном цифры дают достоверное отражение всего, что происходит в каждом филиале

и каждом структурном подразделении. Бухгалтерские книги и балансовые счета – это совесть бизнеса. Это также и компас бизнесмена.

Приёмы бухгалтерского учёта и отчётности настолько привычны для бизнесмена, что он и не замечает, какие же это изумительные инструменты. Нужен был гений великого поэта и прозаика для того, чтобы оценить их по достоинству. Гёте назвал двойную бухгалтерию «одним из самых блестящих изобретений человеческого ума». С её помощью, заметил он, бизнесмен может в любое время в общих чертах обозреть целое и не должен при этом ломать голову над деталями.⁹

Характеристика, данная Гёте, отразила самое главное. Преимущество коммерческого управления заключается именно в том, что оно даёт в распоряжение управляющего метод наблюдения за целым и всеми его частями, не заставляющий его погружаться в мелочи и детали.

Предприниматель имеет возможность выделить расчёты, относящиеся к каждой составной части своего дела таким образом, что это позволит ему определить роль, которую она играет во всём предприятии. Для широкой публики каждая фирма или корпорация представляется неделимым целым. Но с точки зрения её управляющего она состоит из нескольких подразделений, каждое из которых рассматривается как отдельная единица и оценивается по доле её вклада в успех всего предприятия. В рамках системы коммерческих расчётов каждое подразделение представляет собой некий цельный организм, так сказать, гипотетически независимое дело. Предполагается, что это подразделение является «собственником» определённой части всего капитала, используемого предприятием, что оно покупает у других подразделений и продаёт им, что у него имеются свои собственные расходы и доходы, что его операции приносят прибыли или убытки, которые определяются ведением его собственных дел, рассматриваемых отдельно от результатов, достигнутых другими подразделениями. Таким образом, главный управляющий может предоставить управленческому

---

⁹ См. *Wilhelm Meister's Apprenticeship*, книга I, гл. X.

аппарату каждого из подразделений значительную долю независимости. Главному управляющему не нужно беспокоиться о второстепенных деталях управления каждым из подразделений. Управляющие различных подразделений могут иметь полную свободу в ведении «внутренних» дел своего подразделения. Людям, которым доверяется управление различными подразделениями и филиалами, главный управляющий даёт одно единственное указание: «Получайте как можно больше прибыли». А изучение отчётности показывает ему, насколько успешно они действовали, выполняя это указание.

На крупном предприятии многие подразделения производят лишь детали или полуфабрикаты, которые не продаются непосредственно, а используются другими подразделениями при изготовлении конечной продукции. Этот факт не изменяет описанных выше условий. Главный управляющий сравнивает издержки на производство таких деталей и полуфабрикатов, с ценами, которые он должен был бы заплатить, если бы покупал их на других заводах. Он всегда сталкивается с вопросом: «Окупится ли производство этих вещей в наших собственных цехах? Не выгоднее ли было бы покупать их на других заводах, специализирующихся на их производстве?»

Таким образом, в рамках ориентированного на прибыль предприятия ответственность может быть разделена. Каждый управляющий отвечает за работу своего подразделения. Это его заслуга, если отчёты свидетельствуют о получении прибыли, и его вина, если они свидетельствуют об убытках. Собственные эгоистические интересы понуждают его вести дела своего подразделения с предельным вниманием и усердием. В случае убытков, он окажется их жертвой. Его заменят другим человеком, от которого главный управляющий ждёт больших успехов, или закроют всё подразделение. Как бы то ни было, от его услуг откажутся, и он потеряет свою работу. Если же он добьётся получения прибыли, его доход будет увеличен или, по крайней мере, ему не будет угрожать его потеря. Имеет или не имеет управляющий права на часть прибыли своего подразделения, не так важно для его личной заинтересованности в результатах

деятельности подразделения. Его судьба в любом случае тесно связана с судьбой его подразделения. Работая на него, он работает не только на своего хозяина, но и на самого себя.

Было бы неразумно ограничивать свободу действий такого отвечающего за свои поступки управляющего слишком большим вмешательством в частности. Если он способный руководитель, такое вмешательство, в лучшем случае, излишне, а скорее всего, вредно, поскольку ограничивает его инициативу. Если он неспособный руководитель, оно не сделает его деятельность более успешной. Оно только предоставит в его распоряжение слабую отговорку, что причиной неудачи были неправильные указания сверху. Единственно необходимое указание самоочевидно и не нуждается в том, чтобы его специально отдавали: стремись к прибыли. Более того, большинство частных может и должно быть оставлено на попечение главы каждого из подразделений.

Такая система сыграла важную роль в развитии современного бизнеса. Крупномасштабное производство в мощных производственных комплексах и создание филиалов в отдалённых частях страны и за рубежом, универмаги и сети небольших розничных магазинов – всё это построено на принципе ответственности управляющих подразделениями. Это никоим образом не ограничивает ответственности главного управляющего. Подчинённые ему управляющие отвечают только перед ним. Они не освобождают его от обязанности найти нужного человека на каждую должность.

Если нью-йоркская фирма создаёт дочерние предприятия (магазины или заводы) в Лос-Анджелесе, Буэнос-Айресе, Будапеште и Калькутте, её руководитель определяет отношения филиала с главной конторой фирмы или материнской компанией только в самых общих чертах. Решение всех второстепенных вопросов должно входить в обязанности местного управляющего. Ревизионно-контрольный отдел штаб-квартиры тщательно проверяет финансовые операции филиала и сообщает главному управляющему о каких-либо отклонениях от нормы тотчас, как они появляются. Меры предосторожности прини-

маются, чтобы предотвратить невосполнимый ущерб вложенному в филиал капиталу, чтобы не утратить доброжелательное отношение клиентуры и репутацию концерна в целом, чтобы избежать столкновения между политикой филиала и политикой штаб-квартиры. Но во всех остальных отношениях местному управленческому аппарату предоставляется полная свобода действий. Главе дочернего предприятия, отдела или более мелкого подразделения вполне можно доверять, потому что его интересы совпадают с интересами всего концерна. Если бы он потратил слишком много денег на текущие операции или упустил благоприятную возможность заключить выгодную сделку, он бы подверг опасности не только прибыли концерна, но и своё собственное положение. Он не просто наёмный клерк, единственная обязанность которого состоит в добросовестном исполнении порученного ему определённого задания. Он сам является бизнесменом, так сказать, младшим партнёром предпринимателя, какими бы ни были договорные и финансовые условия его найма. Он должен делать максимум того, на что способен, для успеха фирмы, с которой связан.

Поскольку это так, можно без опасений оставлять важные решения на его усмотрение. Он не будет транжирить деньги, покупая товары и услуги, не будет нанимать некомпетентных помощников и работников, не будет увольнять способных сотрудников, чтобы заменить их некомпетентными друзьями или родственниками. Его поступки судит хладнокровный неподкупный трибунал – счета прибылей и убытков. В бизнесе только одно имеет значение – успех. Неудачливый управляющий подразделением обречён, независимо от того, был ли он сам виноват в своём провале или нет и независимо от того, мог ли он достичь лучшего результата. Не приносящий прибыли филиал рано или поздно должен быть закрыт, и его управляющий потеряет место.

Суверенитет потребностей и демократизм рыночного механизма не кончаются у дверей крупной коммерческой фирмы. Они пронизывают все её подразделения и филиалы. Ответственность перед потребителем – это источник жизненной силы бизнеса и предпринимательства в свободном рыночном

обществе. Мотив получения прибыли, который побуждает предпринимателей как можно лучше обслуживать потребителей, является в то же время первым принципом внутренней организации любого торгового или промышленного предприятия. Он соединяет предельную централизацию фирмы в целом с почти что полной автономией её частей, согласует безусловную ответственность центрального управленческого аппарата с высокой степенью заинтересованности и инициативности нижестоящих управляющих филиалами, отделами и другими подразделениями. Это делает систему свободного предпринимательства подвижной и легко приспособляемой, что обуславливает неуклонную тенденцию к её совершенствованию.

Управление кадрами при свободном рынке труда

Штат современного крупного предприятия нередко включает сотни тысяч рабочих и служащих. Они образуют в высшей степени дифференцированную группу людей – от главного управляющего до уборщиц, курьеров и учеников. При управлении такой многочисленной группой возникает множество проблем. Они, однако, вполне разрешимы.

Каким бы большим ни был концерн, центральный управленческий аппарат всегда имеет дело только с дочерними предприятиями, филиалами, отделами и другими подразделениями, чью роль можно точно оценить на основе данных, предоставляемых отчётами и статистикой. Конечно, отчёты не всегда показывают, что именно может быть не в порядке в каком-либо структурном подразделении. Они показывают только, что что-то не в порядке, что подразделение не окупает себя и должно быть либо преобразовано, либо закрыто. Приговоры, которые выносятся в отчётах, обжалованию не подлежат. Они выявляют денежную ценность каждого подразделения. А на рынке только денежная ценность имеет значение. Потребители безжалостны. Они никогда не покупают для того, чтобы принести выгоду менее умелому производителю и защитить его от по-

следствий его неспособности лучше вести дела. Они хотят, чтобы их обслуживали как можно лучше. И действие капиталистической системы заставляет предпринимателя подчиняться приказу, отданному потребителями. Он не имеет возможности раздавать щедрые подарки за счёт потребителей. Он растратил бы свой капитал, если бы должен был использовать деньги на эти цели. Он просто не может никому платить больше того, что в состоянии реализовать при продаже продукта.

Те же самые отношения, которые существуют между главным управляющим и его непосредственными подчинёнными, руководителями различных структурных подразделений, пронизывают и всю деловую иерархию. Руководитель каждого структурного подразделения оценивает своих непосредственных подчинённых по тем же принципам, по которым главный управляющий оценивает его самого, а бригадир применяет те же методы при оценке своих подчинённых. Разница лишь в том, что в более простых условиях низовых хозяйственных звеньев для определения денежной ценности каждого человека нет необходимости в детально разработанных системах учёта. Не важно также, как выплачивается заработная плата – сдельно или повременно. В конечном итоге, рабочий никогда не может получить больше, чем позволяет потребитель.

Ни один человек не безупречен. Часто случается так, что начальник ошибается в оценке подчинённого. Одно из качеств, необходимых руководящей должности, – это способность правильно оценивать людей. Кто этого не умеет, у того сокращаются шансы на успех. Своим собственным интересам он наносит не меньший ущерб, чем интересам людей, чьи способности он недооценил. При таком положении дел нет необходимости как-нибудь специально защищать наёмных работников от произвола нанимателей или их доверенных лиц. В неискажённой рыночной системе произвол в обращении с кадрами является проступком, который бьёт по тому, кто его совершает.

В неискажённой рыночной экономике оценка усилий каждого индивида отделена от каких-либо соображений личного характера и может быть поэтому свободной как от пристра-

ствия, так и от неприязни. Рынок выносит приговор товарам, а не людям. Оценка производителя автоматически вытекает из оценки его продукции. Каждый сотрудник оценивается в соответствии с ценностью его вклада в процесс производства благ и услуг. Жалованье и заработная плата не зависят от произвольных решений. На рынке труда работа определённого количества и качества вознаграждается в соответствии с тем, сколько потребители готовы заплатить за произведённую продукцию. Выплата жалованья и заработной платы – это не милость со стороны нанимателя, а деловая операция, покупка фактора производства. Цена труда – рыночное явление, зависящее от спроса потребителей на блага и услуги. Практически каждый наниматель постоянно занят поисками более дешёвого труда, а каждый наёмный работник – поисками работы с более высоким вознаграждением.

Тот факт, что труд при капитализме является товаром и продаётся и покупается как товар, освобождает рабочего, получающего заработную плату, от какой-либо личной зависимости. Так же, как владельцы капитала, предприниматели и фермеры, получатель заработной платы зависит от капризов потребителей. Но выбор потребителей направлен на вещи, а не на людей. Наниматель не может позволить себе пристрастий и предубеждений по отношению к своим работникам. Если же он это себе позволяет, то сам поступок влечёт за собой наказание.

Именно это, а не только конституции и билли о правах, в неискажённой капиталистической системе делает получателей жалованья и заработной платы свободными людьми. Они суверенны в своём качестве потребителей, а как производители они, как и все другие граждане, безоговорочно подчиняются закону рынка. Продавая фактор производства, а именно свой труд и усилия, на рынке по рыночной цене всякому, кто готов его купить, они не ставят под угрозу своё собственное положение. Они не обязаны рассыпаться в благодарностях и раболепствовать перед своим нанимателем, они обязаны предоставлять ему труд определённого качества и в определённом

количестве. Наниматель, в свою очередь, ищет не симпатичных ему людей, а умелых работников, которые стоят тех денег, что он им платит.

Эта холодная рациональность и объективность капиталистических отношений, конечно, не проявляется в равной степени во всех областях бизнеса. Чем ближе к потребителю, тем большее влияние оказывают факторы личного характера. В отраслях услуг важны симпатии и антипатии; здесь отношения более «субъективны». Упрямые доктринёры и непреклонные критики капитализма готовы назвать это преимуществом. На самом деле это ограничивает личную свободу бизнесменов и наёмных работников. Мелкий лавочник, парикмахер, хозяин гостиницы и актёр не так свободны в выражении своих политических или религиозных убеждений, как владелец хлопчатобумажной фабрики или рабочий сталелитейного завода.

Но указанные моменты не лишают рыночную систему её главных черт. Это система, автоматически оценивающая каждого человека по услугам, которые он оказывает суверенным потребителям, своим соотечественникам.

II. Бюрократическое управление

Бюрократия при деспотическом правлении

Вождь маленького первобытного племени имеет, как правило, возможность сосредоточить в своих руках всю законодательную, исполнительную и судебную власть. Его воля является законом. Он и судья, он же исполнитель приговора.

Но ситуация изменяется, когда деспоту удаётся расширить сферу своего владычества. Поскольку он не вездесущ, ему приходится делегировать часть своих полномочий подчинённым. Во вверенных им областях они являются его представителями, действующими от его имени и под его покровительством. На деле, они становятся местными деспотами, лишь формально подвластными могущественному владыке, который их назначил. Они правят своими провинциями как пожелают; они становятся сатрапами. Верховный владыка может избавиться от них и назначить преемника. Но это не поможет делу. Вскоре новый правитель также становится почти независимым сатрапом. То, что некоторые критики – несправедливо – утверждают по отношению к представительной демократии, а именно, что народ обладает верховной властью только в день выборов, в самом буквальном смысле верно по отношению к такой деспотической системе; монарх обладает верховной властью в провинциях только в тот день, когда он назначает нового правителя.

Чем положение такого наместника провинции отличается от положения управляющего филиалом деловой фирмы? Управляющий всей фирмой передаёт филиал в распоряжение вновь назначенному управляющему и сопровождает это одним единственным указанием: «Получай прибыль». Этого распоряжения, выполнение которого постоянно контролируется посредством отчётности, вполне достаточно для того, чтобы подчинить филиал интересам всей фирмы и придать действиям

его управляющего то направление, которое считает необходимым центральный управляющий. Но если деспот, для которого единственным принципом правления является его собственное произвольное решение, назначает правителя и говорит ему: «Будь моим представителем в этой провинции», – он делает его произвол высшим законом в этой провинции. Он отказывается, по крайней мере, временно, от своей собственной власти в пользу наместника.

Чтобы избежать этого, монарх пытается ограничить полномочия наместника, отдавая различные директивы и указания. Кодексы, указы и акты говорят наместникам провинций и их подчинённым, что следует делать, если возникнет та или иная проблема. Их свобода принимать решения теперь ограничена; их первоочерёдный долг теперь состоит в том, чтобы соблюдать предписания. Верно, что их произвол, в той мере, в какой должны действовать предписания, теперь ограничен. Но в то же время изменяется и весь характер управления. Они больше не стараются, как можно тщательнее рассмотреть каждый случай; они больше не стремятся найти наиболее подходящее решение для каждой проблемы. Их главная забота – соблюдать правила и предписания, независимо от того, разумны ли они или могут привести к результатам, противоположным тому, что было задумано. Главное достоинство должностного лица – исполнять законы и указы. Он становится бюрократом.

Бюрократия в демократической системе

То же самое, в основном, справедливо и для демократического правления.

Часто утверждают, что бюрократия несовместима с демократическим правлением и институтами. Это заблуждение. Демократия предполагает верховенство закона, В противном случае должностные лица были бы неограниченными и своевольными деспотами, а судьи – непостоянными и капризными кади. Двумя основными опорами демократического правления

являются главенство закона и бюджет.

Главенство закона означает, что ни судья, ни какое-либо должностное лицо не имеет права вмешиваться в дела и обстоятельства жизни частного гражданина, если только действующий закон не требует от них этого или не даёт им на это полномочий. *Nulla poena sine lege* – никаких наказаний, кроме санкционированных законом. Именно неспособность нацистов понять важность этого фундаментального принципа делает их антидемократичными. В тоталитарной системе гитлеровской Германии судья должен выносить свои решения исходя из *das gesunde Volksempfinden*, то есть исходя из здравых представлений народа. Поскольку судье приходится решать, какие представления народа здравы, в суде он обладает такой же неограниченной властью, как вождь первобытного племени.

Действительно опасно, если негодяй избегает наказания потому, что закон несовершенен. Но это меньшее зло по сравнению с судебным произволом. Если законодатели признают закон неполноценным, они могут заменить менее удачный закон на более удачный. Они являются доверенными лицами верховного правителя – народа; в таком качестве они обладают верховной властью и ответственны перед избирателями. Если избиратели не одобряют методы, применяемые их представителями, они на следующих выборах выберут других людей, лучше знающих, как приспособить свои действия к воле большинства.

Аналогичным образом обстоят дела и с исполнительной властью. Здесь также существует только одна альтернатива – деспотическое правление своевольных чиновников или правление народа, осуществляемое посредством соблюдения законов. Это эвфемизм – называть правительство, в котором правители вольны делать всё, что, по их мнению, лучше всего служит общему благу, государством всеобщего благосостоя-

---

¹⁰ Это не определение демократического правления, а описание административных методов демократического правления. Определение демократического правления таково: это система правления, при которой управляемые имеют право регулировать прямо, через плебисцит, или косвенно, через выборы, осуществление законодательной и исполнительной власти и подбор высших должностных лиц.

ния, и противопоставлять его государству, в котором администрация связана законом, а граждане могут отстаивать в суде свои права против незаконных посягательств властей. Так называемое «государство всеобщего благосостояния» в действительности является тиранией тех, кто находится у власти. (Следует, между прочим, отдавать себе отчет в том, что даже деспотичное государство не может обойтись без предписаний и бюрократических указаний, если оно не хочет выродиться в хаотический режим местных царьков и распасться на множество мелких деспотий.) Целью конституционного государства также является общественное благосостояние. Характерная черта, отличающая его от деспотии, состоит в том, что не власти, а законно избранные народные представители должны решать, что более всего полезно для общества. Только эта система обеспечивает верховенство народа и гарантирует его право на свободное волеизъявление. При такой системе граждане обладают верховной властью не только в день выборов, но также и между выборами.

Исполнительная власть в демократическом обществе ограничена не только законом, но и бюджетом. Демократический контроль – это бюджетный контроль. Ключи от казначейства находятся в руках у народных представителей. Ни одного цента не должно быть истрчено без согласия парламента. Исползовать государственные средства на цели, не санкционированные парламентом, запрещено законом.

В условиях демократии бюрократическое управление означает управление в строгом соответствии с законом и бюджетом. В обязанности служащих администрации и судей не входит выяснение того, что следует делать для обеспечения общественного благосостояния и как должны расходоваться государственные средства. Это задача верховной власти, народа и его представителей. Суды, различные административные учреждения, армия и военно-морской флот выполняют то, что им предписывают закон и бюджет. Политику определяют не они, а те, кто обладает верховной властью.

Большинство тиранов, деспотов и диктаторов искренне

убеждены, что их правление выгодно народу, что их власть существует *для народа*. Нет необходимости заниматься изучением того, насколько хорошо обоснованы эти заявления господ Гитлера, Сталина и Франко. Тем не менее, их система не является ни правительством для народа, ни правительством самого народа. Она не демократична, а авторитарна.

Утверждение, что бюрократическое управление является обязательным инструментом демократического правления, парадоксально. Многие с ним не согласятся. Они привыкли считать демократическое правление наилучшей системой правления, а бюрократическое управление – одним из самых больших зол на земле. Как же эти две вещи, одна – хорошая, другая – плохая, могут быть связаны друг с другом?

Более того, Америка – это старая демократия, и разговоры об опасностях бюрократии представляют собой новое явление для этой страны. Только в последние годы люди осознали угрозу, исходящую от бюрократии, и стали считать её не инструментом демократического правления, а, напротив, злейшим врагом свободы и демократии.

В ответ на эти возражения мы должны вновь повторить, что бюрократия сама по себе не является ни плохой, ни хорошей. Это метод управления, который может применяться в различных сферах человеческой деятельности. Существует область, а именно, аппарат государственного управления, где бюрократические методы являются необходимостью. То, в чём многие люди в наши дни видят зло, – не бюрократия как таковая, а расширение сферы, в которой применяется бюрократическое управление. Такое расширение – неизбежное следствие прогрессирующего ограничения свободы частного гражданина, тенденции к замене частной инициативы государственным контролем, характерной для современной экономической и социальной политики. Люди обличают бюрократию, но на самом деле они имеют в виду попытки превратить государство в социалистическое и тоталитарное.

В Америке всегда существовала бюрократия. Управление таможенной и дипломатической службой всегда осуществлялось

в соответствии с бюрократическими принципами. Для нашего же времени характерно расширение государственного вмешательства в сферу бизнеса и во многие другие сферы деятельности граждан. А это приводит к замене управления, основанного на мотиве получения прибыли, бюрократическим управлением.

Основные черты бюрократического управления

Юристы, философы и политики смотрят на верховенство закона иначе, чем это делается в настоящей книге. С их точки зрения, основная функция закона состоит в том, чтобы ставить предел праву властей и судов в нанесении ущерба частному гражданину и ограничении его свободы. Если власти наделяются правом заключать в тюрьму и даже убивать людей, необходимо ограничить и чётко определить это право. В противном случае чиновник или судья превратились бы в не отвечающих за свои поступки деспотов. Закон определяет, при каких обстоятельствах судья имеет право и обязан вынести приговор, а полицейский – применить оружие. Закон защищает людей от произвола должностных лиц.

Угол зрения в этой книге несколько иной. Мы имеем здесь дело с бюрократией, как принципом административной техники и организации. Правила и предписания рассматриваются не просто как средства защиты людей и обеспечения гражданских прав и свобод, но как средства исполнения воли верховной власти. Необходимость ограничивать свободу действий подчинённых существует во всякой организации. Любая организация распалась бы в отсутствие таких ограничений. Наша задача состоит в том, чтобы выявить характерные черты бюрократического управления, отличающие его от коммерческого управления.

Бюрократическое управление – это управление, которое должно следовать детально разработанным правилам и предписаниям, установленным властью вышестоящего органа. Объ-

занность бюрократа – выполнять то, что велят ему эти правила и предписания. Его свобода действовать в соответствии с собственными убеждениями ограничена.

Коммерческим управлением движет мотив получения прибыли. Цель коммерческого предприятия – добиться прибыли. Поскольку при помощи бухгалтерского учёта успех или неудача в достижении этой цели могут быть установлены для любой из его частей, появляется возможность децентрализовать как управление, так и отчётность, не ставя под угрозу единство деловых операций и достижение их целей. Ответственность может быть разделена. Нет необходимости ограничивать свободу действий подчинённых какими-либо правилами и предписаниями кроме тех, которые лежат в основе всей деловой активности, а именно: все операции должны приносить прибыль.

Цели государственного управления не могут быть выражены в денежных единицах и не поддаются проверке методами бухгалтерского учёта. Возьмите такую общенациональную полицейскую систему как ФБР. Нет критерия, чтобы определить, не были ли излишними затраты, сделанные каким-либо из его региональных или местных подразделений. Расходы полицейского участка не возмещаются в результате успешного управления его деятельностью и не изменяются в зависимости от достигнутых успехов. Если глава всего Бюро предоставил бы руководителям подчинённых ему подразделений полную свободу в отношении денежных расходов, результатом стало бы крупное увеличение затрат, поскольку каждый из них с энтузиазмом взялся бы улучшать работу своего подразделения. Глава Бюро был бы не в состоянии удержать расходы в рамках сумм, выделенных народными представителями, или вообще в каких-либо рамках. Вовсе не педантичность порождает административные предприятия, устанавливающие, сколько именно каждое местное государственное учреждение может истратить на уборку помещения, ремонт мебели, освещение и отопление. В рамках коммерческой фирмы такие вещи без колебаний можно оставить на усмотрение управляющего, отвечающего за местное отделение фирмы. Он не истратит больше, чем нужно,

поскольку это, так сказать, его деньги; если он будет попусту тратить деньги фирмы, он поставит под угрозу прибыль данного филиала и тем самым, косвенным образом, нанесёт ущерб своим собственным интересам. Другое дело – местный руководитель государственного учреждения. Расходуя больше денег, он может, зачастую очень часто, улучшить результаты своей деятельности. Быть экономным его можно заставить только строгими предписаниями.

В сфере государственного управления не существует связи между доходами и расходами. Государственные службы только расходуют деньги; незначительный доход, извлекаемый из некоторых специальных источников (например, от продажи печатной продукции государственной типографии), носит более или менее второстепенный характер. Доход, извлекаемый в виде таможенных тарифов и налогов, не «производится» административным аппаратом. Его источником является закон, а не деятельность таможенников и сборщиков налогов. Нет никакой заслуги сборщика внутренних государственных доходов в том, что жители его округа богаче и платят более высокие налоги, чем жители другого округа. Время и усилия, нужные для сбора налогов, не зависят от объёма облагаемого налогами дохода, с которым имеет дело государственная служба.

В сфере государственного управления достижения нельзя выразить в рыночных ценах. Поэтому в управлении государственными учреждениями приходится использовать принципы, совершенно отличные от тех, которые применяются в системе, ориентированной на прибыль.

Теперь мы можем дать определение бюрократического управления. Бюрократическое управление – это метод, применяемый при ведении административных дел, результаты которых не имеют денежной ценности на рынке. Запомните: мы не говорим, что успешное управление государственными делами не имеет никакой ценности, мы говорим, что оно не имеет цены на рынке, что его ценность не может быть выявлена путём операций на рынке и, соответственно, не может быть выражена в деньгах.

Если мы сравним положение двух стран, скажем, Атлан-

тиды и Туле, мы сможем привести немало важных статистических показателей по каждой из них: размер территории и численность населения, уровень рождаемости и смертности, число неграмотных, количество совершённых преступлений и много других демографических данных. Мы сможем определить сумму денежных доходов всех их жителей, денежную ценность годового общественного продукта, денежную ценность импортированных и экспортированных товаров и множество иных экономических показателей. Но мы не сможем придать никакой количественной ценности правительственной и административной системе. Это не означает, что мы отрицаем роль или ценность хорошего правительства. Это означает только, что нет такой единицы, при помощи которой можно было бы их измерить. Они не поддаются выражению в цифрах.

Вполне возможно, что самое замечательное в Атлантиде – это её прекрасная система правления. Возможно, что своим процветанием Атлантида обязана именно конституционным и административным институтам. Но мы не можем сравнить их с институтами Туле подобно тому, как сравниваем, например, уровни заработной платы или цены на молоко.

Бюрократическое управление – это управление такими делами, которые невозможно контролировать при помощи экономических расчётов.

Суть бюрократического управления

Простой гражданин сравнивает деятельность бюрократических учреждений с функционированием более знакомой ему системы, ориентированной на прибыль. Затем он обнаруживает, что бюрократическое управление расточительно, неэффективно, неповоротливо и утопает в бумажках. Он просто не может понять, как здравомыслящие люди позволяют сохраняться такой вредной системе. Почему бы не перейти на хорошо проверенные методы, используемые в частном бизнесе?

Такая критика, однако, неразумна. Она неправильно

истолковывает свойства государственного управления. Она не учитывает принципиального различия между государственным учреждением и стремящимся к прибыли частным предприятием. То, что она называет изъянами и недостатками управления административными учреждениями, является его необходимыми свойствами. Бюрократическое учреждение – это не стремящееся к прибыли предприятие; оно не может воспользоваться какими-либо экономическими расчётами; оно должно решать задачи, которые не стоят перед коммерческим управлением. Не может быть и речи о том, чтобы улучшить бюрократическое управление, реорганизовав его по образцу частного бизнеса. Было бы ошибкой судить об эффективности государственного ведомства, сравнивая его с результатом деятельности предприятия, подвластного игре рыночных сил.

В государственном управлении любой страны существуют, конечно, очевидные недостатки, бросающиеся в глаза любому наблюдателю. Иногда степень неэффективности управления бывает просто поразительной. Но если попытаться отыскать коренные причины этих недостатков, то часто можно убедиться, что они вовсе не являются результатом заслуживающей порицания небрежности или отсутствия компетентности. Иногда они оказываются результатом особых политических и институциональных условий или попытки урегулировать проблему, для которой невозможно было найти более удовлетворительное решение. Тщательное изучение всех имеющихся трудностей может убедить добросовестного исследователя в том, что при данном общем соотношении политических сил он сам не знал бы, как решить эту проблему более приемлемым образом.

Тщетно пытаться реформировать бюрократическое управление путём назначения бизнесменов на руководящие должности в различные ведомства. Способность быть предпринимателем не является неотъемлемым свойством личности предпринимателя; она является неотъемлемым свойством того положения, которое он занимает в структуре рыночного общества. Бывший предприниматель, поставленный во главе государственного учреждения, является уже не бизнесменом,

а бюрократом Его задача уже не получение прибыли, а соблюдение правил и предписаний. Как глава учреждения он имеет возможность изменить некоторые второстепенные правила и некоторые элементы внутренней организации. Но внешние условия деятельности учреждения определяются правилами и предписаниями, находящимися за пределами его компетенции.

Широко распространена иллюзия, что эффективность государственных учреждений может быть повышена при помощи специалистов по организации управления и разрабатываемых ими научных методов управления. Как бы то ни было, такие планы проистекают из принципиального непонимания задач государственного управления.

Как любой вид техники, техника управления требует наличия определённого метода расчётов. Такой метод существует в сфере бизнеса, целью которого является получение прибыли. Здесь главенствующую роль играет баланс прибылей и убытков. Трудность бюрократического управления как раз и состоит в отсутствии такого метода расчётов.

В сфере предпринимательства, ориентирующегося на получение прибыли, цель деятельности специалиста по организации управления чётко определена главенствующей ролью мотива получения прибыли. Его задача состоит в том, чтобы сократить издержки, не нанося ущерба рыночной ценности производимого продукта, или сократить издержки в большей степени, чем вследствие этого сократится рыночная ценность продукта, или повысить рыночную ценность продукта в большей степени, чем возрастут требующиеся для этого затраты. Но в сфере государственного управления произведённый продукт не имеет цены на рынке. Его нельзя ни купить, ни продать.

Рассмотрим три примера.

- Департамент полиции получает задание – оградить оборонный завод от саботажа. Он выделяет для этого тридцать полицейских. Отвечающий за это комиссар не нуждается в советах эксперта по эффективности организации, чтобы выяснить, что он смог бы сэкономить деньги, уменьшив охрану до двад-

цати человек. Но вопрос заключается в следующем. Оправдывается ли такая экономия увеличением риска? На карту поставлены серьёзные вещи: национальная оборона, моральное состояние вооружённых сил и гражданского населения, возможные последствия для международных отношений, жизни многих честных работников. Все эти ценные вещи невозможно выразить в деньгах. Ответственность полностью ложится на Конгресс, делающий необходимые ассигнования, и на органы исполнительной власти правительства. Они не могут уйти от неё, предоставляя право решения не отвечающему за свои советы консультанту.

- Одной из задач Налогового управления является окончательное определение причитающейся суммы налогов. Его обязанность состоит в истолковании и применении закона. Это не просто канцелярская работа; это своего рода судебная функция. Любой налогоплательщик, не согласный с тем как истолковал закон руководитель Налогового управления, волен обратиться в федеральный суд, чтобы получить обратно выплаченную сумму. Какой толк для ведения таких дел может быть от специалиста по организации производства с его системой нормативов времени на трудовые движения? Его секундомер был бы совершенно неуместен в служебных помещениях управления. Очевидно, что при прочих равных условиях, служащий, работающий быстро, предпочтительнее того, кто работает медленнее. Но основная проблема – в качестве этой работы. Только опытные старшие служащие в состоянии должным образом оценить достижения своих помощников. Умственный труд нельзя измерять и оценивать при помощи механических приспособлений.

- Рассмотрим, наконец, пример, который не связан ни с проблемами «высокой» политики, ни с проблемами правильного применения законов. Одному из учреждений поручено закупать всё необходимое для технического ведения канцелярской работы. Это сравнительно простая деятельность, но нико-

им образом не механическая. Лучшим служащим будет не тот, кто выписывает наибольшее количество заказов в час. Наиболее успешным исполнением обязанностей будет покупка самых подходящих принадлежностей по минимальным ценам.

Поэтому в той мере, в какой это касается государственного управления, неправильно утверждать, что хронометрирование, изучение трудовых движений и другие инструменты научной организации управления «с достаточной точностью показывают, сколько времени и усилий требует каждый из имеющихся методов» и что поэтому они «могут показать, какие из возможных методов и технологий требуют наименьшего количества времени и усилий».¹¹ Все эти данные совершенно бесполезны, потому что их нельзя соотнести с качеством выполненной работы. Одна только скорость не является мерилom умственной деятельности. Вы не можете «измерить» врача временем, которое он затрачивает на рассмотрение одного случая. И вы не можете «измерить» судью временем, которое требуется ему для вынесения приговора по одному делу.

Если бизнесмен изготавливает какое-то изделие, предназначенное на экспорт, он стремится сократить количество человеко-часов, затрачиваемых на производство различных деталей данного товара. Но лицензия, необходимая для отправки этого товара за границу, не является одной из таких деталей. Выдавая лицензию, государство ничего не вкладывает в производство, организацию сбыта и транспортировку товара. Соответствующее государственное учреждение – это не цех, выпускающий одну из деталей, нужных для завершающей отделки товара. Ставя экспорт в зависимость от выдачи лицензий, государство стремится ограничить экспортную торговлю. Оно хочет сократить общий объём экспорта или ту его часть, которая вывозится нежелательными экспортёрами или продаётся нежелательным покупателям. Выдача лицензий – не цель, а техническое средство её достижения. С точки зрения государства, лицензии, в которых было отказано, или за которыми даже и не

¹¹J. M. Juran, *Bureaucracy, a Challenge to Better Management*, New York, 1944, стр. 75

обращались, имеют гораздо большее значение, чем те, которые были выданы. Было бы поэтому совершенно некстати использовать «общее количество человеко-часов, затрачиваемых на одну лицензию», в качестве критерия для оценки деятельности данного бюрократического учреждения. Было бы неуместно выполнять «операцию выдачи лицензий ... на базе конвейера».¹²

Существуют и другие различия. Если в ходе производственного процесса изделие портится или пропадает, это приводит к точно определяемому увеличению издержек производства. Если в бюро пропадает заявка на выдачу лицензии, гражданину может быть нанесён весьма серьёзный ущерб. Закон может не позволять пострадавшему подать на учреждение в суд и требовать компенсации, но политическая и моральная обязанность государства обращаться с этими заявками самым внимательным образом остаётся в любом случае.

Ведение государственных дел так же отличается от промышленного производства, как обвинение и осуждение убийцы от выращивания хлеба или изготовления обуви. Эффективность государственного управления и эффективность промышленности – это совершенно разные вещи. Нельзя улучшить управление фабрикой, взяв в качестве модели департамент полиции, а учреждение, занимающееся сбором налогов, не может увеличить свою эффективность, приняв на вооружение методы, применяемые на автомобилестроительном заводе. Ленин ошибся, выдвинув государственные учреждения в качестве образца для промышленных предприятий. Но тот, кто хочет, чтобы бюрократические учреждения управлялись так же, как фабрики, делает не меньшую ошибку.

Многое в государственном управлении нуждается в реформировании. Конечно же, все общественные институты должны вновь и вновь приспособливаться к изменяющимся условиям. Но никакая реформа не может превратить государственное учреждение в нечто подобное частному предприятию. Правительство – это не предприятие, ориентирующееся на по-

---

¹² J. M. Juran, *loc. cit.*, стр. 34, 76

лучение прибыли. Его деятельность невозможно контролировать при помощи баланса прибылей и убытков. Его достижения невозможно оценить в денежных единицах. Это принципиально важно для любого рассмотрения проблем бюрократии.

Бюрократическое управление кадрами

Бюрократ отличается от небюкрата именно тем, что он работает в области, где результат человеческих усилий невозможно оценить в денежном выражении. Страна расходует деньги на содержание бюрократических учреждений, на выплату жалованья и заработной платы, на покупку всего необходимого оборудования и канцелярских принадлежностей. Но то, что она получает в обмен на свои затраты – оказанные услуги – невозможно оценить в денежном выражении, каким бы важным и ценным ни был этот «продукт». Его оценка зависит от произвольного решения государства.

Это верно, что оценка различных товаров, продаваемых и покупаемых на рынке, в меньшей степени зависит от произвольных решений, а именно, от произвольных решений потребителей. Но поскольку потребители представляют собой многочисленную группу самых разных людей, анонимную и аморфную массу, суждения, которые они выносят, кристаллизуются в безличное явление, рыночную цену, и, таким образом, лишаются своей произвольной природы. Более того, они относятся к товарам и услугам как таковым, а не к тем, кто их предоставляет. Взаимосвязь «продавец–покупатель», так же как и взаимоотношение «работодатель–наёмный работник» в бизнесе, ориентированном на получение прибыли, носят чисто практический и безличный характер. Это сделки, из которых обе стороны извлекают выгоду. Они помогают друг другу зарабатывать средства к жизни. Но в бюрократической организации дело обстоит иначе. Там взаимосвязь между начальником и подчинённым носит личный характер. Подчинённый зависит от того, как начальник оценивает его самого, а не его работу.

До тех пор, пока конторский служащий может рассчитывать на получение работы в частном бизнесе, эта зависимость не может стать настолько гнетущей, чтобы определять весь характер поведения служащего. Но современная тенденция к общей бюрократизации меняет дело.

До последних лет бюрократ как особый тип человеческого существа не был известен в Америке. Различные бюрократические учреждения существовали всегда и по необходимости они управлялись бюрократическими методами. Однако не существовало многочисленного класса людей, считающих работу в государственных учреждениях своим исключительным призванием. Шёл постоянный обмен кадрами между государственными и частными заведениями. С появлением законов о гражданской службе государственная служба стала профессиональной карьерой. Назначение на должность стало основываться на экзаменах и перестало зависеть от политической принадлежности претендентов. Многие оставались в государственных учреждениях на протяжении всей жизни. Но они сохраняли свою личную независимость, поскольку всегда могли рассчитывать на возвращение в частный бизнес.

В континентальной Европе дело обстоит по-другому. Там бюрократы давно оформились в единую группу. Только для немногих выдающихся людей был практически возможен возврат к частной деятельности. Большинство из них оказывалось на всю жизнь связанными со своими учреждениями. В их среде сформировался характер, типичный для человека, который навсегда ушёл из мира бизнеса, ориентированного на получение прибыли. Их интеллектуальным горизонтом была иерархия с её правилами и предписаниями. Их судьба полностью зависела от милости вышестоящих должностных лиц, от чьих капризов они были во власти не только на службе: подразумевалось, что их частная жизнь и даже занятия жён также должны соответствовать их положению и особому – неписанному – кодексу поведения, приличествующего *Staatsbeamter* или *fonctionnaire*. Ожидалось, что они будут одобрять политическую линию того

---

* *Staatsbeamter* (нем.), *fonctionnaire* (фр.) – государственный служащий — прим. ред.

кабинета министров, который в этот момент окажется у власти. Как бы то ни было, их возможности поддерживать партию оппозиции были существенно ограничены.

Возникновение многочисленного класса таких людей, зависевших от государства, создало серьёзную угрозу сохранению конституционных институтов. Были предприняты попытки защитить отдельного служащего от произвола его начальников. Но единственным результатом, которого удалось достичь, стало ослабление дисциплины и всё большая небрежность при исполнении служебных обязанностей.

Америка – новичок в области бюрократии. В этом деле она накопила гораздо меньше опыта, чем страны классической бюрократии – Франция, Германия, Австрия и Россия. В Соединённых Штатах всё ещё склонны переоценивать пользу от правил, регулирующих гражданскую службу. Такие правила требуют, чтобы желающие работать в ней достигли определённого возраста, закончили определённые учебные заведения и сдали определённые экзамены. Для получения более высоких должностей и более высоких окладов необходимо в течение определённого времени занимать более низкие должности и сдавать новые экзамены. Очевидно, что все эти требования касаются вещей более или менее поверхностных. Нет необходимости указывать на то, что посещение определённых учебных заведений, экзамены и годы, проведённые на младших должностях, совершенно необязательно подготавливают человека к работе на более высоких должностях. Этот механизм отбора иногда не позволяет получить место наиболее компетентным людям и не всегда предотвращает назначение абсолютно некомпетентного человека. Но самым неблагоприятным последствием является то, что основной заботой служащего становится соблюдение этих и других формальностей. Они забывают, что их работа заключается в том, чтобы как можно лучше выполнять порученные им обязанности.

В надлежащим образом организованной системе государственной гражданской службы получение более высоких должностей зависит, главным образом, от выслуги лет. Руко-

водители государственных учреждений – это, в основном, пожилые люди, которые знают, что через несколько лет их уволят на пенсию. Проведя большую часть жизни в положении подчинённых, они лишились энергии и инициативы. Они избегают нововведений и улучшений и на любой проект преобразований смотрят как на нарушение своего спокойствия. Их непреклонный консерватизм сводит на нет все попытки правительства приспособить данную службу к изменившимся условиям. На министра они глядят свысока как на непрофессионала, не имеющего никакого опыта. Во всех странах с прочно утвердившейся бюрократией люди обычно говорили: «Правительства приходят и уходят, а учреждения остаются».

Было бы ошибкой объяснять несостоятельность европейской бюрократии интеллектуальными и нравственными недостатками служащих. Во всех этих странах было немало добропорядочных семей, отпрыски которых выбирали бюрократическую карьеру потому, что искренне желали служить своему народу. Поступление на государственную службу было пределом мечтаний для одарённого бедного юноши, стремившегося улучшить своё положение в жизни. Многие из самых талантливых и благородных представителей интеллигенции служили в государственных учреждениях. По престижу и социальному положению государственные служащие были значительно выше всех других слоёв населения, за исключением армейских офицеров и представителей старейших и богатейших аристократических семей.

Многие государственные служащие написали превосходные труды по проблемам административного права и статистики. Некоторые из них были блестящими писателями или музыкантами. Другие вступали в сферу политики и становились выдающимися партийными деятелями. В своём большинстве бюрократы были, конечно, достаточно посредственными людьми. Но нет сомнений, что в рядах государственных служащих находилось немало людей одарённых.

Несостоятельность европейской бюрократии, безусловно, нельзя объяснить неспособностью служащих. Она предупре-

делена неизбежными недостатками любого руководства государственными делами. Отсутствие критериев, которые могли бы безусловным образом подтвердить успех или неудачу при исполнении служебных обязанностей, создаёт неразрешимые проблемы. Это убивает амбиции, уничтожает инициативу и стимулы делать больше необходимого минимума. Это заставляет бюрократа следить за инструкциями, а не за материальным и реальным успехом.

III. Бюрократическое управление государственными предприятиями

Невозможность всестороннего государственного контроля

Социализм, то есть полный государственный контроль над всей экономической деятельностью, неосуществим, потому что социалистическое сообщество лишено необходимого интеллектуального инструмента экономического планирования и проектирования: экономического расчёта. Сама идея централизованного планирования со стороны государства противоречива. Социалистический центральный совет по управлению производством будет беспомощен перед лицом проблем, которые необходимо решить. Он никогда не узнает, выгодны ли рассматриваемые проекты, не приведет ли их реализация к растрате имеющихся средств. Социализм должен привести к полному хаосу.

Признанию этой истины на протяжении многих лет препятствовали табу марксизма. Одним из главных вкладов марксизма в успех просоциалистической пропаганды было запрещение изучения экономических проблем социалистического содружества. Такие исследования, по мнению Карла Маркса и его секты, были признаком иллюзорного «утопизма». «Научный» социализм, как Маркс и Энгельс называли свой собственный бренд, не должен заниматься такими бесполезными исследованиями. «Научные» социалисты должны удовлетвориться пониманием того, что социализм обязательно придет и что он превратит землю в рай. Они не должны доходить до абсурда, спрашивая, как будет работать социалистическая система.

Одним из самых примечательных фактов интеллектуальной истории девятнадцатого и начала двадцатого веков является то, что этому марксистскому правилу строго подчинялись. Те немногие экономисты, которые осмелились бросить ему

вызов, были проигнорированы и вскоре канули в лету. Только около двадцати пяти лет назад чары были разрушены. Невозможность экономического расчёта при социализме была продемонстрирована неопровержимым образом.

Конечно, некоторые упрямые марксисты выдвигали возражения. Они не могли не признать, что проблема экономического расчёта является самым серьёзным вопросом социализма и что это был настоящий позор, что социалисты за восемьдесят лет фанатичной пропаганды тратили свое время на пустяки, не понимая, в чем заключается главная проблема. Но они заверили своих встревоженных приверженцев, что найти удовлетворительное решение будет легко. Действительно, различные профессора и писатели-социалисты как в России, так и в западных странах предлагали схемы экономического расчёта при социализме. Эти схемы оказались совершенно несостоятельными. Экономистам не составило труда разоблачить их ошибочность и противоречивость. Социалисты потерпели полную неудачу в своих отчаянных попытках отвергнуть демонстрацию того, что никакие экономические расчёты неосуществимы ни в одной системе социализма.¹³

Очевидно, что социалистическое управление также было бы направлено на обеспечение общества тем количеством и качеством товаров, которые могут быть произведены при существующих условиях предложения факторов производства и технологических знаний. Социалистическое правительство также будет стремиться использовать имеющиеся факторы производства для производства тех товаров, которые, по его мнению, наиболее остро необходимы, и отказаться от производства тех товаров, которые оно считает менее необходимыми. Но невозможность экономического расчёта делает невозмож-

---

¹³ Для более подробного рассмотрения этой изначальной проблемы см. Mises, *Socialism: An Economic and Sociological Analysis* (New York, 1936; Yale, 1951; Liberty Fund, 1980), гл. 5, секция 3; гл. 6, секция 2; и приложение; Mises, *Nationalökonomie* (Geneva, 1940), pp. 188– 223, 634– 45. В *Human Action* Мизеса (1949 и поздние издания), см. часть 3, «Economic Calculation». См. также Hayek, *Collectivist Economic Planning* (London, 1935); Hayek, «Socialist Calculation: The Competitive Solution» (*Economica* VII, 125– 49), переизданное в *Individualism and Economic Order* (London, 1949), 181– 208.

ным определением того, какие методы производства необходимых товаров являются наиболее экономичными.

Социалистические правительства России и Германии функционируют в мире, большая часть которого всё еще придерживается рыночной экономики. Таким образом, они могут использовать для своих экономических расчётов цены, установленные за рубежом. Только потому, что они могут ссылаться на эти цены, они могут рассчитывать, вести бухгалтерию и строить планы. Всё было бы совсем по-другому, если бы каждая нация приняла социализм. Тогда больше не было бы цен на факторы производства, и экономический расчёт был бы невозможен.¹⁴

Государственное предприятие в условиях рыночной экономики

То же самое относится и к предприятиям, принадлежащим и управляемым правительством или муниципалитетами страны, в которой большая часть экономической деятельности находится под управлением свободного предпринимательства. Для них тоже экономический расчёт не представляет никаких трудностей.

Нам не нужно спрашивать, было бы целесообразно управлять такими государственными, региональными и муниципальными предприятиями так же, как частными предприятиями. Ибо фактом является то, что власти, как правило, склонны отклоняться от системы прибыли. Они не хотят управлять своими предприятиями с точки зрения получения максимально возможной прибыли. Они считают выполнение других задач более важным. Они готовы отказаться от прибыли или хотя бы от части прибыли или даже понести убытки ради достижения других целей.

Какими бы ни были эти другие цели, результат такой политики всегда сводится к субсидированию одних людей за

¹⁴ Mises, *Omnipotent Government* (New Haven, 1944), стр. 55–58.

счёт других. Если государственное предприятие работает в убыток или получает лишь часть прибыли, которую оно могло бы извлечь, действуя исключительно в соответствии с мотивом прибыли, выпадающие доходы отражаются на бюджете и тем самым на налогоплательщиках. Если, например, городская транспортная система взимает с клиентов столь низкую плату за проезд, что расходы на эксплуатацию не могут быть покрыты, налогоплательщики фактически субсидируют тех, кто ездит на поездах.

Но в книге, посвященной проблемам бюрократии, нам нет необходимости беспокоиться об этих финансовых аспектах. С нашей точки зрения, следует рассмотреть другой исход.

Как только предприятие больше не руководствуется мотивом получения прибыли, для его управления дел должны быть приняты другие принципы. Городские власти не могут просто дать указание управляющему: не беспокойтесь о прибыли. Они должны дать ему более определенные и точные приказы. Что это могут быть за приказы?

Сторонники национализированного и муниципализированного предпринимательства склонны отвечать на этот вопрос довольно наивно: обязанность государственного предприятия — оказывать полезные услуги обществу. Но проблема не так проста. Единственная задача каждого предприятия — оказывать полезные услуги. Но что означает этот термин? Кто в случае с государственным предприятием должен решать, является ли услуга полезной? И что гораздо важнее: как нам выяснить, не слишком ли дорого оплачиваются оказанные услуги, т.е. не уводятся ли факторы производства, поглощенные их выполнением, с других направлений использования, где они могли бы оказать более ценные услуги?

В случае частного предприятия, стремящегося к получению прибыли, эта проблема решается отношением общественности. Доказательством полезности оказываемых услуг является то, что достаточное количество граждан готово заплатить запрашиваемую за них цену. Не может быть никаких сомнений в том, что клиенты считают услуги, предоставляемые пекарня-

ми, полезными. Они готовы заплатить ту цену, которую просят за хлеб. При такой цене производство хлеба имеет тенденцию расширяться до тех пор, пока не будет достигнуто насыщение, то есть до тех пор, пока дальнейшее расширение не приведет к изъятию факторов производства из отраслей промышленности, на продукцию которых спрос потребителей более высок. Принимая мотив прибыли в качестве ориентира, свободное предпринимательство приспособливает свою деятельность к желаниям общества. Мотив получения прибыли подталкивает каждого предпринимателя к предоставлению тех услуг, которые потребители считают наиболее актуальными. Структура цен на рынке говорит им о том, насколько свободно они могут инвестировать в каждую отрасль производства.

Но если государственное предприятие должно функционировать без учёта прибыли, поведение общественности больше не является критерием его полезности. Если правительство или муниципальные власти решат продолжать, несмотря на тот факт, что эксплуатационные расходы не покрываются за счёт платежей, полученных от клиентов, где можно найти критерий полезности оказываемых услуг? Как мы можем выяснить, не слишком ли велик дефицит в отношении этих услуг? И как определить, нельзя ли сократить дефицит без снижения стоимости услуг?

Частный бизнес обречен, если его деятельность приносит только убытки и не может быть найден способ исправить ситуацию. Его прибыльность является доказательством того факта, что потребители отвергают его. В случае частного предпринимательства нет никаких средств оспорить этот вердикт общественности и продолжать в том же направлении. Менеджер завода, приносящего убытки, может объясняться и оправдывать свою неудачу. Но такие извинения бесполезны; они не могут предотвратить окончательный отказ от неудачного проекта.

С государственным предприятием дело обстоит иначе. Здесь возникновение убытков не считается доказательством краха. Менеджер не несёт за это ответственности. Цель его босса, правительства, — продать товар по такой низкой цене, что-

бы убыток стал неизбежным. Но если бы правительство ограничилось вмешательством в установление продажных цен и оставило всё остальное на усмотрение управляющего, это дало бы ему полное право пользоваться средствами казны.

Важно понимать, что наша проблема не имеет никакого отношения к необходимости предотвращения преступного злоупотребления менеджером своими полномочиями. Мы предполагаем, что правительство или муниципалитет назначили честного и эффективного менеджера и что моральный климат страны или города и организация соответствующего предприятия обеспечивают удовлетворительную защиту от любых преступных злоупотреблений. Наша проблема совсем в другом. Она проистекает из того факта, что любую услугу можно улучшить за счёт увеличения расходов. Какой бы превосходной ни была государственная больница, система метро или водопровод, менеджер всегда знает, как он мог бы улучшить обслуживание при наличии необходимых средств. Ни в одной области человеческих потребностей нельзя достичь полного удовлетворения таким образом, чтобы дальнейшее улучшение было невозможным. Специалисты стремятся улучшить удовлетворение потребностей только в своих специальных отраслях деятельности. Они не беспокоятся и не могут беспокоиться о том, как расширение вверенного им предприятия повлияет на другие виды удовлетворения потребностей. В задачу директора больницы не входит отказ от какого-либо улучшения муниципальной больницы, чтобы это не мешало улучшению системы метро или наоборот. Именно эффективный и честный менеджер постарается сделать услуги своего подразделения как можно более качественными. Но поскольку его не сдерживают никакие соображения финансового успеха, связанные с этим расходы лягут тяжелым бременем на государственные фонды. Он превратился бы в своего рода безответственного транжиру денег налогоплательщиков. Поскольку об этом не может быть и речи, правительство должно уделять внимание многим деталям управления. Оно должно точно определять качество и количество предоставляемых услуг и продаваемых товаров; оно

должно издать подробные инструкции относительно методов, которые должны применяться при покупке материальных факторов производства и при найме и вознаграждении рабочей силы. Поскольку отчёт о прибылях и убытках не следует считать критерием успеха или неудачи руководства, единственный способ сделать менеджера ответственным перед начальником, казначейством, — это ограничить его свободу действий правилами и предписаниями. Если он считает, что целесообразно потратить больше, чем позволяют эти инструкции, он должен подать заявку на специальное выделение денег. В этом случае решение остается за его начальником — правительством или муниципалитетом. В любом случае менеджер это не бизнесмен, а бюрократ, то есть должностное лицо, обязанное выполнять различные инструкции. Критерием хорошего управления является не одобрение клиентов, приводящее к превышению доходов над затратами, а строгое соблюдение набора бюрократических правил. Высшим правилом управления является подчинение таким правилам.

Конечно, правительство или городской совет будут стремиться разработать эти правила и положения таким образом, чтобы предоставляемые услуги были настолько полезными, насколько они хотят, а убытки не были выше, чем они требуют. Но это не устраняет бюрократического характера управления. Руководство вынуждено соблюдать кодекс инструкций; только это имеет значение. Менеджер не несёт ответственности, если его действия правильны с точки зрения настоящего кодекса. Его главной задачей может быть не эффективность как таковая, а эффективность в пределах подчинения правилам. Его должность — это должность не руководителя предприятия, стремящегося к получению прибыли, а государственного служащего, например, начальника полицейского управления.

Единственной альтернативой бизнесу, ориентированному на получение прибыли, является бюрократическое управление. Было бы совершенно нецелесообразно делегировать какому-либо отдельному лицу или группе лиц право свободно использовать государственные средства. Необходимо ограни-

чить власть управляющих национализированными или муниципализированными системами бюрократическими учреждениями, чтобы они не стали безответственными транжирами общественных денег и чтобы их деятельность не дезорганизовывала весь бюджет.

IV. Бюрократическое управление частными предприятиями

Как государственное вмешательство приводит к бюрократизации бизнеса

Частное предприятие никогда не станет жертвой бюрократических методов управления, если единственной целью его деятельности является получение прибыли. Мы уже подчёркивали, что при наличии мотива прибыли в любом промышленном комплексе, как бы велик он ни был, бизнес в целом и все его составные части могут быть организованы таким образом, чтобы дух капиталистической наживы пронизывал его сверху донизу.

Но мы живём в век всеобщей атаки на мотив получения прибыли. Общественное мнение считает, что он в высшей степени аморален и наносит огромный ущерб общему благу. Политические партии и правительства стремятся уничтожить его и заменить тем, что они называют точкой зрения «государственного служащего», за чем в действительности скрывается бюрократическое управление.

Нам нет необходимости подробно рассматривать то, чего в этом отношении достигли нацисты. Нацисты преуспели в полном уничтожении мотива прибыли в сфере управления производством. В нацистской Германии больше нельзя говорить о свободном предпринимательстве. Здесь больше не существует предпринимателей. Бывшие предприниматели сведены к положению *Betriebsführer* (руководителей предприятий). Они не вольны в своих действиях: они обязаны безоговорочно выполнять распоряжения Центрального бюро производственного управления, именуемого *Reichswirtschaftsministerium* и подчинённых ему территориальных и отраслевых органов. Правительство не только определяет соответствующие цены и процентные ставки, величину заработной платы рабочих и

служащих, объём производимой продукции и методы, применяемые в производстве, оно назначает определённый доход каждому руководителю предприятия, превращая его, таким образом, в получающего жалование государственного служащего. Эта система, за исключением использования некоторых терминов, не имеет ничего общего с капитализмом и рыночной экономикой. Это просто социализм «немецкого образца», *Zwangswirtschaft*. От социализма «русского образца», т. е. системы прямой национализации всех предприятий, он отличается только технически. И так же, как «русская система», он, конечно, является чисто авторитарным способом организации общества.

В остальных частях мира дело не зашло так далеко. В англо-саксонских странах по-прежнему существует частное предпринимательство. Но общая тенденция нашего времени заключается в том, чтобы позволять государству вмешиваться в частный бизнес. А такое вмешательство во многих случаях навязывает частным предприятиям бюрократическую форму управления.

Ограничение размеров прибыли

Государство может использовать различные методы ограничения прибыли, которую предприятие вправе зарабатывать. Наиболее часто используют следующие методы:

1. Ограничиваются прибыли определённых видов предприятий. Избыток должен либо передаваться властям (например, городским), либо распределяться в виде премий среди наёмных работников или должен быть ликвидирован путём снижения тарифов или цен, взимаемых с покупателей.

2. Власти имеют право определять цены и тарифы, которые предприятие может назначать на продаваемые товары или предоставляемые услуги. Они используют это право для предотвращения того, что они называют избыточными прибылями.

3. Предприятие не имеет права за продаваемые товары и предоставляемые услуги взимать больше, чем сумма фактических издержек и определяемой властями прибыли в форме либо процента от издержек, либо фиксированной надбавки.

4. Предприятие имеет право зарабатывать столько, сколько позволяют рыночные условия; но налоги поглощают всю прибыль или её большую часть сверх определённой суммы.

Во всех этих случаях предприятие не заинтересовано более в увеличении своих прибылей. Оно теряет стимул к снижению издержек и к ведению своих дел как можно более эффективными и дешёвыми средствами. Одновременно все трудности, связанные с усовершенствованием технологии и попытками снизить издержки производства, остаются. Риск, сопряжённый с внедрением новых методов, позволяющих сократить издержки производства, ложится на предпринимателя. На нём остаётся и обязанность разрешать конфликты, связанные с требованиями работников о повышении заработной платы.

Общественное мнение, введённое в заблуждение лживыми баснями социалистов, торопится во всём обвинить предпринимателей. Именно их безнравственность, говорят нам, приводит к снижению эффективности. Если бы они были такими же сознательными и преданными делу повышения общественного благосостояния, как бескорыстные государственные служащие, они бы неуклонно стремились делать всё, что только в их силах, для усовершенствования предоставляемых ими услуг, даже если бы это не имело отношения к их эгоистическим корыстным интересам. Именно их подлое стремление к наживе срывает работу предприятия в условиях ограничения прибылей. Почему человек не должен стараться работать как можно лучше, даже если он не ждёт никакой личной выгоды от добросовестного исполнения своих обязанностей?

Не может быть ничего более нелепого, чем вот так ставить бюрократа в пример предпринимателю. Бюрократ не стремится к улучшениям по собственной воле. Он обязан подчиняться правилам и предписаниям вышестоящих органов. Он не имеет права внедрять нововведения, если их не одобрило начальство.

Его долг и главное достоинство – быть послушным.

Давайте возьмём в качестве примера условия армейской жизни. Армии, безусловно, являются самыми идеальными и совершенными бюрократическими организациями. В большинстве стран ими командуют офицеры, искренне преданные единственной цели: сделать вооружённые силы своей страны как можно более эффективными. Тем не менее, руководство военными делами характеризуется упрямой враждебностью по отношению к любой попытке произвести улучшения. Говорят, что генеральный штаб всегда готовится к прошедшей войне и никогда – к войне будущей. Всякая новая идея неизменно сталкивается с непримиримой оппозицией со стороны тех, кто отвечает за управление. Сторонники прогресса оказывались в самых неприятных ситуациях. Нет необходимости упорствовать в доказательствах – факты известны каждому.

Причина этого неудовлетворительного положения очевидна. Любой прогресс всегда вступает в противоречие со старыми, устоявшимися идеями и, следовательно, с созданными на их основе правилами. Каждый прогрессивный шаг представляет собой изменение, сопряжённое с огромным риском. Лишь немногие люди, наделённые исключительными и редкими способностями, обладают даром планировать нововведения и видеть их преимущества. При капитализме новатор имеет возможность приступить к осуществлению своего плана, несмотря на нежелание большинства признать его достоинства. Достаточно будет, если ему удастся убедить нескольких разумных людей дать ему займы деньги для начала дела.

В бюрократической системе необходимо убедить тех, кто находится наверху, – как правило, пожилых людей, привыкших вести дела строго предписанным образом и неспособных более к восприятию новых идей. Никакого прогресса или реформ нельзя ожидать при таком положении дел, когда первым шагом должно быть получение согласия стариков. Первооткрывателей новых методов считают бунтарями и относятся к ним соответствующим образом. Для бюрократического ума следование законам, т. е. приверженность привычному и устаревшему,

является главной из всех добродетелей.

Сказать предпринимателю, у которого ограничены возможности получения прибыли: «Веди себя так, как поступают добросовестные бюрократы», – это всё равно, что приказать ему избегать каких бы то ни было реформ. Никто не может быть одновременно исправным бюрократом и новатором. Прогресс – это как раз то, чего не могли предвидеть правила и предписания; он всегда достигается за пределами сферы деятельности бюрократии.

Преимущество системы, основанной на получении прибыли, состоит в том, что она обещает за усовершенствования награду достаточно высокую, чтобы она оправдала большой риск. Если эта награда устраняется или серьёзно урезается, о прогрессе не может быть и речи.

Крупные компании расходуют значительные суммы на научные исследования, поскольку они стремятся получить прибыль от новых методов производства. Каждый предприниматель постоянно ищет возможности для усовершенствования; он хочет получить выгоду или от снижения издержек, или от улучшения продукции. Потребители видят только успешные нововведения. Они не осознают, что многие предприниматели потерпели неудачу из-за того, что ошиблись, пытаясь внедрить новые технологии.

Тщетно требовать, чтобы предприниматель принялся, несмотря на отсутствие стимула прибыли, за все те усовершенствования, которые он осуществил бы, если бы ожидаемая прибыль должна была обогатить его самого. Свободный предприниматель принимает решения после того, как тщательно и внимательно изучит все за и против и взвесит все шансы на успех. Он соизмеряет возможный выигрыш и возможные потери. Потери или выигрыш коснутся его собственного богатства. В этом всё дело. Соизмерять риск потери собственных денег с шансами правительства или каких-то других людей получить прибыль – значит смотреть на вещи с совершенно иной точки зрения.

Но есть ещё более важный момент. Неудачное нововве-

дение не только наносит урон вложенному капиталу, но и сокращает будущую прибыль. Большая часть этой прибыли, если бы она была получена, поступила бы в казну. Теперь же её сокращение отрицательно скажется на доходах государства. Государство не позволит предпринимателю рисковать тем, что оно считает своим собственным доходом. Оно решит, что неразумно оставлять за предпринимателем право подвергать риску то, что фактически является государственными деньгами. Оно ограничит свободу предпринимателя вести своё «собственное» дело, которое фактически является не его собственным, а государственным.

Мы уже являемся свидетелями начала такого политического курса. Заключая контракты «с оплатой издержек плюс определённая надбавка», государство пытается заручиться уверенностью не только в том, что указанные фирмой издержки действительно имели место, но также и в том, что они необходимы в рамках данного контракта. Государство считает любое сокращение издержек само собой разумеющимся, но оно не признаёт расходов, которые, по мнению его служащих, т. е. бюрократов, не являются обязательными. Результатом этого становится следующее. Фирма-исполнитель расходует некоторую сумму денег в расчёте снизить издержки производства. Если это ей удаётся, следствием – при использовании метода «оплата издержек и некоторого процента от издержек» – будет сокращение прибыли. Если она терпит неудачу, государство не возмещает её затрат и она несёт убытки. Любая попытка изменить что-либо в традиционной производственной рутине оборачивается для неё потерями. Единственный способ избежать наказания – это просто ничего не менять.

В области налогообложения отправным пунктом нового подхода являются ограничения, накладываемые на оплату труда. В настоящее время они затрагивают только максимум оплаты. Однако вряд ли на этом всё остановится. Раз принят принцип, предполагающий, что налоговое управление США имеет право объявлять, что определённые издержки, вычеты или убытки являются обоснованными или необоснованными,

со временем свобода действий предпринимателя будет ограничена и в отношении других элементов издержек. Тогда управляющие, прежде чем приступать к каким-либо преобразованиям, должны будут убедиться в том, что руководители налоговой службы одобряют необходимые для этого расходы. Директора департаментов государственных сборов станут верховной властью в вопросах промышленного производства.

Вмешательство в подбор кадров

Любой вид государственного вмешательства в дела частного предприятия ведёт к одинаково катастрофическим последствиям. Оно парализует инициативу и порождает бюрократизм. Мы не можем рассмотреть все применяемые методы вмешательства. Достаточно будет остановиться на одном наиболее отвратительном явлении.

Даже в девятнадцатом веке, в период расцвета европейского либерализма в Европе, частные предприятия никогда не пользовались там такой свободой, как некогда в США. В континентальной Европе любое предприятие и любая корпорация всегда во многих отношениях зависели от произвола государственных органов. Бюрократические учреждения обладали возможностями причинить серьёзный ущерб любой фирме. Чтобы избежать таких убытков, управляющие должны были поддерживать хорошие отношения с теми, кто находился у власти.

Наиболее часто используемым методом было удовлетворение пожеланий правительства относительно состава совета директоров. Даже в Великобритании совет директоров, куда не входило несколько лордов, считался недостаточно респектабельным. На континенте, в особенности, в Восточной и Южной Европе, в советах было полно бывших министров и генералов, политиков и двоюродных братьев, зятьёв, школьных товарищей и прочих друзей этих высокопоставленных лиц. От таких директоров не требовалось никаких коммерческих способно-

стей или опыта работы в сфере бизнеса.

Присутствие несведущих людей в советах директоров было более или менее безвредным. Вся их деятельность состояла в получении дивидендов и премий. Но у власть имущих были и другие родственники и друзья, которые не подходили для директорских постов. Для них в штате компаний находили должности с фиксированными окладами. Эти люди приносили гораздо больше вреда, чем пользы.

По мере усиления государственного вмешательства в бизнес появилась нужда в администраторах, основной обязанностью которых было улаживать различные конфликты с властями. Сначала существовал только один вице-президент, отвечавший за «вопросы, связанные с государственным управлением». Затем от президента и всех вице-президентов стали в первую очередь требовать, чтобы у них была хорошая репутация в правительстве и политических партиях. В конце концов, уже ни одна корпорация не могла позволить себе «роскошь» иметь руководителя, неугодного правительству, профсоюзам и крупным политическим партиям. Бывшие правительственные чиновники, помощники и советники министров считались наиболее удачными кандидатурами на руководящие должности в корпорациях.

Такие администраторы ни в малейшей степени не заботились о процветании компании. Они привыкли к бюрократическим методам управления и изменили в соответствии с ними руководство делами корпораций. К чему беспокоиться о разработке лучшей и более дешёвой продукции, если можно рассчитывать на поддержку со стороны государства? Для них основным предметом заботы были правительственные контракты, более действенная тарифная защита и другие привилегии, предоставляемые государством. И они платили за такие льготы взносами в партийные фонды и фонды государственной пропаганды, назначая на руководящие должности людей, угодных властям.

Давно прошли те времена, когда работники в штат крупных немецких корпораций отбирались по их деловым и техни-

ческим способностям. Бывшие члены фешенебельных и политически благонадёжных студенческих клубов имеют больше шансов устроиться на работу и продвигаться по службе, чем способные специалисты.

В Америке положение дел, во многом, иное. Как и во всех областях бюрократии, Америка «отстала» и в сфере бюрократизации частного предпринимательства. Трудно сказать, были прав министр Иккес, заявив: «Всякий большой бизнес – это бюрократия».¹⁵ Но если министр внутренних дел прав или в той мере, в какой он прав, это результат не эволюции частного бизнеса, а растущего государственного вмешательства в бизнес.

Зависимость от произвола государственных учреждений

Все американские бизнесмены, имевшие возможность познакомиться с экономической ситуацией в Южной и Восточной Европе, сводят свои наблюдения к двум моментам: предприниматели в этих странах не заботятся об эффективности производства, а правительства находятся в руках продажных группировок. Это в общем и целом верная характеристика. В ней не учитывается, однако, что как неэффективность промышленности, так и продажность являются следствием тех методов государственного вмешательства в бизнес, которые применяются в этих странах.

В такой системе государство обладает неограниченными возможностями разорить любое предприятие или одарить его привилегиями. Успех или неудача каждого дела полностью зависят от произвола должностных лиц. Если бизнесмен не является гражданином могущественной иностранной державы, дипломатические и консульские представители которой обеспечивают ему защиту, то он оказывается во власти государственных чиновников и правящей партии. Они могут отнять у него всю собственность и заключить его в тюрьму. С другой

---

¹⁵ *The New York Times Magazine*, January 16, 1944, стр. 9

стороны, они могут обогатить его.

Государство определяет величину таможенных пошлин и фрахтовых тарифов. Оно выдаёт экспортные и импортные лицензии и отказывает в их выдаче. Каждый гражданин или человек, постоянно проживающий в стране, обязан продавать все свои поступления в иностранной валюте государству по цене, установленной государством. В то же время государство является единственным продавцом иностранной валюты; оно может по своему усмотрению отказывать в удовлетворении заявок на иностранную валюту. В Европе, где почти все виды производства зависят от импорта машин и оборудования, сырьевых материалов и полуфабрикатов из-за границы, такой отказ равносителен закрытию предприятия. Окончательное определение размера налогов оставлено на практически ничем не ограниченное усмотрение властей. Государство может использовать любой предлог для конфискации любого завода или магазина. Парламент является марионеткой в руках правителей; суды тенденциозно подобраны.

В такой среде предприниматель вынужден прибегать к двум средствам: дипломатии и подкупу. Он должен использовать эти методы не только по отношению к правящей партии, но также и по отношению к поставленным вне закона и преследуемым оппозиционным группам, которые могут в один прекрасный день захватить власть. Это опасная разновидность двойной игры; только люди, не ведающие страха и запретов, могут выжить в такой прогнившей среде. Бизнесмены, выросшие в условиях более либерального времени, были вынуждены уйти, и на их место пришли авантюристы. Западноевропейские и американские предприниматели, привыкшие к среде, где господствует законность и корректность, терпят крах, если они не прибегают к услугам местных посредников.

Эта система, разумеется, не создаёт особых стимулов для технического усовершенствования. Предприниматель задумывает дополнительные капиталовложения, только если он может купить оборудование в кредит у иностранной фирмы. Быть должником корпорации одной из стран Запада считает-

ся большим преимуществом, поскольку предполагается, что дипломаты соответствующей страны будут стремиться обеспечить защиту кредитора и тем самым помогут и должнику. К новым видам производства приступают, только когда государство предоставляет льготы, которые позволяют надеяться на огромные прибыли.

Было бы ошибкой вину за эту коррупцию возлагать на систему государственного вмешательства в бизнес и бюрократизм как таковые. Это бюрократизм, выродившийся в рэкет, в организованное вымогательство развращённых политиков. Всё же мы должны осознавать, что рассматриваемые страны избежали бы этого порока, если бы не отошли от системы свободного предпринимательства. Послевоенное восстановление хозяйства должно начаться в этих странах с радикальных изменений в политике.

V. Социальный и политический смысл бюрократизации

Философия бюрократизма

Противостояние, с которым люди сталкивались раньше в борьбе за свободу, было простым и понятным каждому. На одной стороне были тираны и те, кто их поддерживал, на другой – сторонники народного правления. Политические конфликты представляли собой борьбу различных групп за своё господство. Решался вопрос, кто должен править? Мы или они? Меньшинство или большинство? Деспот, аристократия или народ?

Сегодня модная философия «государствопоклонства» сбила всех с толку. Политические конфликты больше не рассматриваются как столкновения между различными группами людей. В них видят войну двух принципов, добра и зла. Добро воплощено в великом боге Государстве, материализации нетленной идеи нравственности, а зло – в «грубом индивидуализме» эгоистичных людей. В этом противостоянии Государство всегда право, а индивиды всегда не правы. Государство представляет общественное благо, справедливость, цивилизацию и высшую мудрость. Индивид – всегда лишь жалкий негодяй, порочный глупец.

Когда немец говорит «*der Staat*» или когда марксист говорит «общество», их охватывает благоговейный страх. Как же человек может быть столь безнадежно испорченным, чтобы восставать против Бога?

Людовик XIV был совершенно прям и откровенен, когда сказал: «Государство – это я». Современный этактист скромнее. Он говорит: «Слуга Государства – это я». Но он имеет в виду. «Государство – это Бог». Можно было восстать против короля династии Бурбонов, что и сделали французы. Это, разумеется,

---

¹⁶ Таково политическое толкование проблемы. О современном экономическом толковании см. ниже стр. 96-97.

была борьба человека с человеком. Но нельзя восстать против божественного Государства и против его смиренного помощника, бюрократа.

Не будем ставить под сомнение искренность благонамеренного чиновника. Он весь проникнут идеей, что его священный долг состоит в том, чтобы отстаивать своего идола от эгоизма народа. В своих собственных глазах он является борцом за вечный божественный закон. Он не чувствует моральных обязательств перед законами, созданными человеком, перед сводами законов, разработанными защитниками индивидуализма. Люди не могут изменить подлинно божественных законов, законов Государства. Гражданин, нарушивший один из законов своей страны, является преступником, заслуживающим наказания. Он поступил так ради собственной выгоды. Но совершенно другое дело, если чиновник обходит должным образом принятые законы, действуя на благо «Государства». С точки зрения «реакционных» судов, он, возможно, формально виновен в нарушении закона. Но в более высоком нравственном смысле он был прав. Он преступил законы, созданные человеком, чтобы не нарушить божественного закона.

В этом суть философии бюрократизма. В глазах должностных лиц писанные законы являются барьерами, возведёнными для защиты разных негодяев от справедливых требований общества. Как преступник может избежать наказания только потому, что «Государство», преследуя его в судебном порядке, нарушило какие-то пустые формальности? Как люди могут платить более низкие налоги только потому, что они смогли найти лазейку в налоговом законодательстве? Как юристы могут зарабатывать себе на жизнь, советуя людям, как воспользоваться изъянами в законах? Какой толк от всех этих ограничений, которые писанный закон накладывает на искренние попытки государственных чиновников осчастливить людей? Если бы только не было никаких конституций, биллей о правах, законов, парламентов и судов! Никаких газет и адвокатов! Каким прекрасным стал бы мир, если бы «Государство» имело полную свободу лечить все недуги!

От такого мировоззрения до полного тоталитаризма Сталина и Гитлера всего один шаг.

Ответ, который следует дать этим бюрократическим радикалам, вполне очевиден. Гражданин может ответить: Вы, возможно, превосходные и благородные люди, гораздо лучше, чем все мы, остальные граждане. Мы не ставим под сомнение вашу компетентность и ум. Но вы не являетесь заместителями Бога, которого зовут «Государство». Вы – слуги закона, должным образом принятых законов нашей страны. В ваши обязанности не входит критика законов, а тем более их нарушение. Когда вы нарушаете закон, вы, возможно, ничем не лучше многих вымогателей, какими бы хорошими не были ваши намерения. Ведь вы были назначены на должность, приняли присягу и вам платят за то, чтобы вы проводили законы в жизнь, а не нарушали их. Самый плохой закон лучше бюрократической тирании.

Главное различие между насильно задерживающим человека полицейским и похитителем людей, между сборщиком налогов и грабителем заключается в том, что полицейский и сборщик налогов подчиняются закону и обеспечивают его выполнение, тогда как похититель людей и грабитель нарушают его. Устраните закон, и общество будет разрушено анархией. Государство – это единственный институт, имеющий право применять насилие и принуждение и причинять зло индивидам. Эта огромная власть не может быть предоставлена отдельным людям, какими бы компетентными и умными они себя ни считали. Её применение необходимо ограничить. Эту задачу выполняют законы.

Должностные лица и бюрократы – это не Государство. Это люди, выбранные для осуществления законов. Такие взгляды могут счесть ортодоксальными и доктринёрскими. Они действительно выражают вековую мудрость, ибо альтернативой правлению закона, может быть только правление деспотов.

Бюрократическое самодовольство

Задача должностного лица – служить людям. Его долж-

ность была учреждена – прямо или косвенно – законодательным актом и выделением из бюджета средств, необходимых для её осуществления. Государственный служащий проводит в жизнь законы своей страны. Исполняя свои обязанности, он оказывается полезным членом общества, даже если законы, которые он должен осуществлять, причиняют ущерб общественному благосостоянию. Ведь он не отвечает за их несостоятельность. Виновником в этом случае является суверенный народ, а не преданный исполнитель воли народа. Как винокуры не несут ответственности за то, что люди напиваются, так и государственные служащие не несут ответственности за нежелательные последствия неразумных законов.

С другой стороны, нет никакой заслуги бюрократов в том, что их действия приносят большую пользу. То, что департамент полиции работает настолько эффективно, что граждане достаточно хорошо защищены от убийств, грабежа и насилия, не обязывает остальных людей испытывать к полицейским больше благодарности, чем к любым другим согражданам, предоставляющим им полезные услуги. Полицейский или пожарник не может претендовать на большую благодарность людей, чем врачи, машинисты поездов, сварщики, моряки или производители любых полезных товаров. У регулировщика уличного движения не больше оснований для тщеславия, чем у производителя светофоров. Нет никакой заслуги регулировщика в том, что вышестоящие лица наделили его обязанностью, исполняя которую он каждый день и час предотвращает несчастные случаи и спасает жизни многих людей.

Это верно, что общество не смогло бы обойтись без услуг полицейских, сборщиков налогов и судебных чиновников. Но также верно и то, что каждый испытал бы большие неудобства от отсутствия мусорщиков, трубочистов и дезинсекторов. В рамках социального взаимодействия каждый гражданин зависит от услуг, предоставляемых всеми его согражданами. Великий хирург и выдающийся музыкант никогда не смогли бы сосредоточить все свои усилия на операциях и музыке, если бы разделение труда не освободило их от необходимости за-

ботиться о многочисленных мелочах, занимаясь которыми они не сумели бы стать прекрасными специалистами. У посла или смотрителя маяка не больше оснований претендовать на звание столпов общества, чем у проводника спального вагона или уборщицы. Ведь при разделении труда общественное здание покоится на плечах всех мужчин и женщин.

Существуют, конечно, мужчины и женщины, которые действуют из альтруистических побуждений и совершенно бескорыстно. Человечество никогда не достигло бы современного уровня цивилизации, если бы не героизм и самопожертвование лучших представителей общества. Каждый шаг вперёд на пути к улучшению нравственного климата совершался людьми, которые были готовы пожертвовать своим благосостоянием, здоровьем и жизнью ради дела, которое они считали справедливым и благотворным. Они делали то, что считали своим долгом, не думая о том, что сами они могут подвергнуться преследованиям. Эти люди не работали ради вознаграждения, они были готовы умереть ради дела своей жизни.

Немецкие философы-государствопоклонники умышленно запутали дело, окружив ореолом такого альтруистического самопожертвования всех людей, состоящих на государственной службе. В трудах немецких этатистов государственный служащий предстаёт святым существом, кем-то вроде монаха, презревшего все земные радости и личное счастье ради того, чтобы как можно лучше служить наместнику Бога на земле – когда-то королю династии Гогенцоллернов, а сегодня – фюреру. *Staatsbeamte* работает не за плату, потому что никакое жалованье, каким бы большим оно ни было, не может считаться достойным вознаграждением за те бесценные выгоды, которые общество получает благодаря его самоотречению. Общество обязано не просто платить ему, но предоставлять содержание в соответствии с его рангом в должностной иерархии. Было бы неправильно называть это содержание жалованьем.¹⁷ Только либералы, находящиеся во власти торгашеских предрассудков и заблуждений, пользуются таким неправильным термином.

---

¹⁷ См. P. Laband, *Das Staatsrecht des Deutschen Reiches*, 5-ed., Tubingen, 1911, стр. 500

Если бы *Beamtengelt* (жалованье гражданского служащего) являлось настоящим жалованьем, было бы только справедливо и естественно обеспечить человеку, занимающему самую скромную должность, больший доход, чем кому бы то ни было за пределами должностной иерархии. Каждый государственный чиновник является, в служебное время, доверенным лицом суверенного и непогрешимого государства. Его свидетельство в суде значит больше, чем показания обычного человека. Всё это было полнейшей чепухой. Во всех странах большинство людей поступало на службу в государственные учреждения, потому что оклады и пенсии там были выше, чем в других сферах занятости. Они ничем не жертвовали, служа государству. Государственная служба была самой выгодной работой, которую они могли найти.

В Европе преимущества государственной службы, сводились не только к уровню жалованья и пенсий; многих, и не самых лучших, претендентов привлекала лёгкость работы и обеспеченность существования. Как правило, работа в государственных учреждениях требовала от человека меньше усилий, чем работа в деловых фирмах. Кроме того, место было пожизненным. Служащего могли уволить только после судебного разбирательства, которое признало бы его виновным в позорном пренебрежении своими обязанностями. В Германии, России и Франции каждый год многие тысячи мальчиков, чей жизненный путь был с самого начала полностью определён, поступали в низший класс школ системы среднего образования. Потом им выдадут аттестаты, они получат должности в одном из многочисленных департаментов, прослужат тридцать или сорок лет и уйдут на пенсию. Жизнь не готовила им никаких сюрпризов и сенсаций, всё было просто и известно заранее.

Различие в социальной престижности государственной службы в континентальной Европе и Америке можно проиллюстрировать следующим примером. В Европе социальная и политическая дискриминация какого-либо меньшинства принимала форму запрещения таким людям занимать любые должности в государственных учреждениях, какими бы

скромными и низкооплачиваемыми они ни были. В Германии, Австро-Венгерской империи и многих других странах все эти низшие должности, не требовавшие особых способностей или подготовки, – такие как должности слуг, швейцаров, глашатаев, посыльных, судебных приставов, курьеров, сторожей – были официально зарезервированы за бывшими солдатами, которые добровольно отдали действительной военной службе больше лет, чем обязывал закон. Эти должности считались весьма ценной наградой для бывших сержантов и унтер-офицеров. В глазах людей, получить место слуги в каком-либо учреждении было большой привилегией. Если бы в Германии существовал класс с социальным статусом американских негров, такие люди никогда бы не посмели претендовать на подобные должности. Они знали бы, что эти притязания для них совершенно непомерны.

Бюрократ как избиратель

Бюрократ не только наёмный работник государства. При демократической конституции он в то же время является и избирателем и в этом качестве – частью суверена, то есть своего нанимателя. Он находится в своеобразном положении: он одновременно и наниматель, и наёмный работник. И его денежные интересы, как наёмного работника, заметно превышают его интересы, как нанимателя, поскольку он получает из общественных фондов гораздо больше, чем вносит в них.

Это двойственное отношение приобретает всё большее значение по мере того, как растёт количество людей, находящихся на государственной службе. Бюрократ как избиратель больше обеспокоен получением прибавки к жалованью, чем сохранением сбалансированного бюджета. Его основная забота – раздуть ведомость на заработную плату.

На политическую структуру Германии и Франции, в последние годы, предшествовавшие падению их демократических конституций, существенное влияние оказывало то, что для

значительной части электората источником доходов было государство. Это были не только многочисленные государственные служащие и люди, занятые в национализированных отраслях промышленности (таких, как железные дороги, почта, телеграф и телефон), но и получатели пособий по безработице и социальному обеспечению, а также фермеры и некоторые другие группы, прямо или косвенно субсидировавшиеся государством. Их главной заботой было получить как можно больше денег из государственных средств. Их не волновали такие «идеальные» вопросы, как свобода, справедливость, верховенство закона, безупречное правительство. Они требовали больше денег, и всё. Ни один кандидат в парламент, законодательное собрание провинции или городской совет не мог позволить себе пойти наперекор стремлению государственных служащих получить прибавку к жалованью. Различные политические партии старались превзойти друг друга в щедрости.

В XIX веке парламенты настойчиво стремились максимально ограничивать расходы. Но вот бережливость начала вызывать всеобщее презрение. Ничем не ограниченное расходование средств стали считать мудрой политикой. И правящая партия, и оппозиция стремились завоевать популярность своей щедростью. Создание новых учреждений с новыми служащими называли «позитивной» политикой, а любую попытку предотвратить разбазаривание государственных средств пренебрежительно именовали «негативизмом».

Представительная демократия не может существовать, если значительная часть избирателей получает плату от государства. Если члены парламента считают себя уже не доверенными лицами налогоплательщиков, а представителями тех, кто получает жалованье, заработную плату, субсидии, пособия по безработице и другие доходы от государственного казначейства, демократии приходит конец.

Это одно из противоречий, заложенных в современных конституционных проблемах. Оно заставило многих людей разувериться в будущем демократии. Поскольку они убедились в том, что тенденция к усилению государственного вмешатель-

ства в бизнес, росту числа учреждений и служащих, увеличению количества пособий и субсидий неизбежна, они не могли не потерять веру в правление, осуществляемое народом.

Бюрократизация сознания

Современная тенденция к всемогуществу государства и тоталитаризму была бы подавлена в зародыше, если бы её сторонникам не удалось внушить свои принципы молодёжи и воспрепятствовать её знакомству с положениями экономической науки.

Экономическая наука – это теоретическая дисциплина, и, как таковая, она не говорит человеку, каким ценностям ему следует отдавать предпочтение и к каким целям он должен стремиться. Она не устанавливает конечных целей. Это задача не думающего, а действующего человека. Наука – продукт мысли, действие – продукт воли. В этом смысле мы можем сказать, что экономика, как наука, нейтральна по отношению к конечным целям человеческих усилий.

Но всё обстоит по-другому в отношении средств, применяемых для достижения социальных целей. Здесь экономическая теория является единственным надёжным ориентиром для действий. Если люди хотят добиться успеха в достижении каких бы то ни было социальных целей, они должны приспособлять своё поведение к результатам экономических исследований.

Примечательным явлением интеллектуальной истории последнего столетия стали нападки на экономическую теорию. Адвокаты всемогущего государства не вступают в дискуссии по соответствующим вопросам. Они называют экономистов обидными именами, бросают тень подозрения на их мотивы, высмеивают их и призывают проклятия на их головы.

Исследование этого явления не входит, однако, в задачи нашей книги. Мы должны ограничиться описанием той роли, которую бюрократия сыграла при таком развитии событий.

В большинстве стран континентальной Европы университеты находятся в собственности и под управлением государства. Они подчинены контролю со стороны Министерства образования так же, как полицейский участок подчинён контролю руководителя полицейского департамента. Преподаватели – такие же государственные служащие, как полицейские и таможенники. Либерализм XIX века пытался ограничить право Министерства образования покушаться на свободу университетских профессоров преподавать то, что они считают истинным и правильным. Но поскольку профессоров назначало государство, оно назначало только надёжных и верных людей, то есть людей, разделявших точку зрения правительства и готовых изничтожать экономическую науку и излагать доктрину всемогущего государства.

Как во всех других областях бюрократизации, Германия XIX века далеко опередила все страны и в этом вопросе. Вряд ли что-либо может лучше охарактеризовать дух немецких университетов, чем отрывок из торжественной речи, которую физиолог Эмиль Дюбуа-Реймон произнёс в 1870 году в своём двойном качестве ректора Берлинского университета и президента Прусской Академии наук: «Мы, Берлинский университет, который расположен напротив королевского дворца, самым актом нашего основания являемся интеллектуальными телохранителями дома Гогенцоллернов». Сама мысль, что такой верный сторонник короля может исповедовать взгляды, противоположные убеждениям правительства – его работодателя, непостижима для прусского разума. Отстаивать теорию о том, что существуют такие вещи, как экономические законы, считалось чем-то вроде бунта. Ведь если существуют экономические законы, государство нельзя считать всемогущим: его политика может оказаться успешной только, если она будет учитывать действие этих законов. Поэтому главной заботой немецких профессоров было опровержение скандальной ереси, утверждавшей, что в экономических явлениях существует повторяемость. Преподавание экономической теории было предано анафеме, а на её место были поставлены *wirtschaftliche*

Staatwissenschaften (экономические аспекты политической науки). Единственное, что требовалось от университетского преподавателя общественных наук, – это поносить рыночную систему и энергично поддерживать государственный контроль. При кайзере радикальных марксистов, открыто призывавших к революционному восстанию и насильственному свержению правительства, не назначали на штатные профессорские должности. Веймарская республика практически уничтожила такую дискриминацию.

Экономическая наука изучает всю систему социального взаимодействия с учётом взаимовлияния всех решающих факторов и взаимозависимости различных отраслей производства. Её нельзя разбить на несколько отдельных областей, в которых специалисты могли бы вести исследования, не обращая внимания на остальные области. Просто нелепо изучать деньги, труд или внешнюю торговлю с той же степенью специализации, которая принята у историков, разбивающих историю человечества на отдельные фрагменты. Историю Швеции можно рассматривать почти без всякой связи с историей Перу. Но вы не сможете заниматься ставками заработной платы, не занимаясь в то же самое время товарными ценами, процентными ставками и прибылями. Любое изменение одного из экономических элементов оказывает воздействие на все остальные элементы. Учёный никогда не сможет узнать, к чему приведёт определённая политика или какое-либо изменение, если он ограничит свои исследования отдельным сегментом всей системы.

Именно этой взаимозависимости не хочет видеть государство, когда оно вмешивается в дела экономики. Государство делает вид, что оно наделено мистической способностью раздавать дары из неистощимого рога изобилия. Оно одновременно всеведуще и всемогуще. По мановению волшебной палочки оно может сотворить счастье и изобилие.

Истина заключается в том, что государство не может давать, если оно не берёт у кого-то. Субсидия никогда не выплачивается государством из его собственных средств; государство выдаёт субсидии только за счёт налогоплательщика. Инфля-

ция и кредитная экспансия – излюбленные методы проявления щедрости современным государством – ничего не добавляют к объёму имеющихся ресурсов. Они делают некоторых людей более обеспеченными, но только в той же самой мере, в какой других они делают беднее. Вмешательство в рынок, в установленные спросом и предложением цены товаров, ставки заработной платы и нормы процента в краткосрочном плане достигает целей, к которым стремилось государство. Но в долгосрочном плане эти меры всегда приводят к ситуации, являющейся – с точки зрения государства – ещё более неудовлетворительной, чем прежнее положение дел, которое они должны были изменить.

Государство не обладает возможностями сделать всех людей более обеспеченными. Оно может поднять доходы фермеров, насильственным путём ограничив внутреннее сельскохозяйственное производство. Но более высокие цены за продукцию сельского хозяйства платят потребители, а не государство. Обратной стороной повышения уровня жизни фермеров явится понижение уровня жизни всего остального населения. Государство может защитить маленькие магазины от конкуренции универмагов и цепных магазинов. Но по счёту здесь вновь заплатит потребитель. Государство может улучшить условия жизни части наёмных работников, приняв законы, якобы действующие в интересах рабочих, или перестав оказывать сопротивление давлению и принуждению со стороны профсоюзов. Но если такая политика не вызовет соответствующего повышения цен потребительских товаров, возвратив тем самым реальную заработную плату на прежний рыночный уровень, то она приведёт к значительной безработице среди тех, кто хочет работать по найму.

Изучение такой политики с точки зрения экономической теории неизбежно должно показать её тщетность. Вот почему бюрократия наложила табу на экономическую науку. Но государство поощряет тех специалистов, которые ограничивают свои наблюдения узкой областью, не заботясь об отдалённых последствиях проводимой политики. Специалист по эконо-

мике труда рассматривает только непосредственные результаты прорабочей политики, специалист по экономике сельского хозяйства – только повышение цен на сельскохозяйственные товары. И один и другой смотрят на проблемы только с точки зрения тех групп давления, которые получают непосредственные выгоды от принимаемых мер и не обращают внимания на их конечные социальные последствия. Это не экономисты, а пропагандисты мероприятий государства в определённой сфере управления.

В условиях государственного вмешательства в бизнес целостная государственная политика давно распалась на плохо скоординированные части. Прошли те времена, когда ещё можно было говорить о государственной политике. Сегодня в большинстве стран каждое министерство придерживается собственного курса, противодействуя усилиям других министерств. Министерство труда стремится повысить ставки заработной платы и снизить стоимость жизни. Но подчиняющееся тому же правительству министерство сельского хозяйства стремится повысить цены на продовольственные товары, а министерство торговли пытается при помощи таможенных тарифов поднять внутренние цены на товары. Одно министерство борется с монополиями, а другие стараются – при помощи тарифов, патентов и других средств – создать условия, необходимые для существования монополистических ограничений. И каждое министерство ссылается на мнение эксперта, специализирующегося на изучении соответствующей сферы.

Итак, студентов более не посвящают в тайны экономической науки. Они изучают бессвязные и разрозненные факты о различных мероприятиях государства, противоречащих друг другу. Их диссертации и дипломные работы посвящены не экономической теории, а различным сюжетам из экономической истории и различным примерам государственного вмешательства в бизнес. Эти подробные и хорошо документированные статистические исследования ближайшего прошлого (ошибочно называемые исследованиями современного положения) представляют большую ценность для будущего историка. Они

не менее важны для профессионального обучения юристов и конторских служащих. Но они, конечно, не могут компенсировать отсутствие теоретического экономического образования. Поразительно, что докторская диссертация Штреземана была посвящена условиям торговли бутылочным пивом в Берлине. Учитывая, как строится расписание учебного времени в немецких университетах, можно с уверенностью сказать, что значительную часть своих университетских трудов Штреземан посвятил изучению организации сбыта пива и состояния потребления его населением. Таков интеллектуальный багаж, которым прославленная университетская система Германии снабдила человека, ставшего рейхсканцлером в самые критические годы немецкой истории.

После того, как старые профессора, получившие свои кафедры во время краткого расцвета немецкого либерализма, умерли, в университетах рейха стало невозможно услышать что-либо об экономической науке. Немецких экономистов больше не было, а книги иностранных авторов нельзя было найти в библиотеках, обслуживавших университетские семинары. Обществоведы не последовали примеру профессоров теологии, знакомявших своих студентов с принципами и догматами других церквей и сект и с философией атеизма, потому что стремились доказать несостоятельность убеждений, которые считали еретическими. Всё, что студенты, изучающие общественные дисциплины, узнавали от своих преподавателей, сводилось к тому, что экономическая теория – ложная наука, а так называемые экономисты являются, как сказал Маркс, сикофантами-апологетами несправедливых классовых интересов буржуазных эксплуататоров, готовыми продать людей крупному бизнесу и финансовому капиталу.¹⁸ Выпускники покидали университеты убеждёнными сторонниками тоталитаризма нацистского или марксистского толка.

Аналогичным было положение и в других странах. Наиболее престижным учебным заведением Франции являлась *Ecole Normale Supérieure* в Париже; её выпускники занимали большинство важных постов в сферах государственного управле-

¹⁸ См. L. Pohle, *Die gegenwartige Krise der deutschen Volkswirtschaftslehre*, 2-ed., Leipzig, 1921.

ния, политики и высшего образования. Господствующую роль в этом учебном заведении играли марксисты и другие сторонники полного государственного контроля. В России царское правительство не допускало на университетские кафедры никого, кто был заподозрен в сочувствии либеральным идеям «западной» экономической науки. Но в то же время оно приглашало на эти кафедры многих марксистов, принадлежавших к «легальному» крылу марксизма, то есть тех, кто не разделял убеждений революционных фанатиков. Таким образом, цари сами способствовали последовавшему триумфу марксизма.

Европейский тоталитаризм является результатом господства бюрократии в области образования. Университеты подготовили почву для диктаторов.

Сегодня как в России, так и в Германии университеты являются главными оплотами однопартийной системы. Не только общественные науки, история и философия, но и все другие отрасли знания, искусства и литературы строго регламентированы или, как говорят нацисты, *gleichgeschaltet**. Даже такие наивные и доверчивые поклонники Советов, как Сидней и Беатриса Вебб, были шокированы, когда обнаружили, что «Журнал марксистско-ленинских естественных наук» выступает «за партийность в математике» и «за чистоту марксистско-ленинской теории в хирургии», и что «Советский вестник венерологии и дерматологии» стремится рассматривать все обсуждаемые проблемы с точки зрения диалектического материализма». ¹⁹

Кто должен быть хозяином?

В любой системе разделения труда необходим определённый принцип координации деятельности людей различных профессий. Усилия специалиста будут бессмысленными и противоречащими поставленной цели, если ориентиром для него не станет верховенство народа. Разумеется, единственной целью производства является обслуживание потребителей.

* Gleichgeschaltet с нем. – унифицированный — прим. ред.

¹⁹ Sidney and Beatrice Webb, *Soviet Communism: A New Civilization?* N. Y, 1936, II, стр. 1000.

В рыночном обществе направляющим принципом является мотив получения прибыли. В условиях государственного контроля им является строгая регламентация. Третьей возможности не существует. Для человека, которым не движет стремление делать деньги на рынке, должен быть разработан свод правил, которые говорили бы ему, что и как делать.

Один из доводов, чаще всего приводимых против либерально-демократической системы капитализма, заключается в том, что она в основном подчёркивает права индивида, забывая о его обязанностях. Люди настаивают на своих правах и не помнят о своих обязанностях. Однако с точки зрения общества права граждан имеют большее значение, чем их обязанности.

Нам нет необходимости останавливаться на политических и конституционных аспектах антидемократической критики. Права человека, систематизированные в различных биллях о правах, были провозглашены для защиты индивида от произвола государства. Если бы не они, люди были бы рабами деспотических правителей.

В экономической сфере право приобретения собственности и владения ею не является привилегией. Это принцип, обеспечивающий наиболее полное удовлетворение нужд потребителей. Тот, кто хочет зарабатывать, приобретать и владеть богатством, непременно должен служить потребителям. Мотив получения прибыли является средством, обеспечивающим верховенство народа. Чем лучше человеку удаётся обслужить потребителя, тем больше его заработок. Каждый получает выгоду от того, что предприниматель, производящий хорошие ботинки с минимальными затратами, становится богатым; большинство людей понесли бы те или иные потери, если бы закон ограничил его право становиться богаче. Такой закон был бы выгоден только его менее умелым конкурентам. Это бы не снизило, а подняло цены на ботинки.

Прибыль – вознаграждение за наилучшее выполнение каких-либо добровольно взятых обязательств. Это средство, обеспечивающее верховенство масс. Простой человек является потребителем, на которого работают капитаны промышлен-

ности и все те, кто им помогает.

Возражают, что это не соответствует действительности в случае крупной промышленности. У потребителя нет выбора: либо пользоваться услугами данной компании, либо отказаться от удовлетворения жизненно важной потребности. Он, таким образом, вынужден соглашаться на любую цену, запрашиваемую предпринимателем. Крупная компания является уже не поставщиком и партнёром, а хозяином. Ничто не заставляет её совершенствовать и удешевлять свои услуги.

Давайте рассмотрим пример железной дороги, соединяющей два города, между которыми нет никакой другой железнодорожной линии. Мы можем даже не принимать во внимание тот факт, что с железными дорогами конкурируют другие транспортные средства: автобусы, легковые автомобили, самолёты и речные суда. При таких допущениях каждый, кто захочет путешествовать, действительно будет вынужден обратиться к услугам железной дороги. Но это не ликвидирует заинтересованности компании в хорошем и дешёвом обслуживании. Не каждый, кто задумывает поездку, вынужден ехать на любых условиях. Число пассажиров, едущих по делу или ради удовольствия, зависит от эффективности обслуживания и платы, взимаемой за проезд. Часть людей поедет в любом случае. Другие поедут, только если качество, быстрота обслуживания и невысокая плата сделают поездку привлекательной. От поведения именно этой второй группы будет зависеть, как пойдут дела компании – вяло или даже плохо, или же она будет высококорентабельной. Если это верно для железной дороги при таких крайних допущениях, которые были сделаны выше, то это тем более верно для любой другой отрасли бизнеса.

Все специалисты, будь то бизнесмены или люди, обладающие определённой профессией, прекрасно осознают свою зависимость от директив потребителей. Каждодневный опыт учит их тому, что при капитализме их основной обязанностью является обслуживание потребителей. Те специалисты, которые не в состоянии понять основополагающие социальные проблемы, глубоко презирают это «рабство» и хотят освободиться от него.

Бунт специалистов с ограниченным мировоззрением является мощной силой, подталкивающей ко всеобщей бюрократизации.

Архитектор должен приспособливать свои проекты к пожеланиям тех, для кого он строит дома, или – применительно к многоквартирным домам – к запросам домовладельца, желающего иметь здание, которое понравилось бы будущим квартиросъёмщикам и в котором поэтому легко было бы сдать квартиры. Нет нужды выяснять, прав ли архитектор, считающий, что он лучше знает, как должен выглядеть красивый дом, чем невежественные непрофессионалы, которым недостаёт хорошего вкуса. Возможно, он бесится от ярости, когда бывает вынужден портить свои великолепные проекты, чтобы угодить заказчикам. И он мечтает о таком идеальном состоянии дел, при котором он мог бы строить дома, соответствующие его собственным художественным стандартам. Он грезит о государственном Управлении жилищного строительства и в своих мечтах видит себя во главе этого учреждения. Тогда-то он будет строить жильё по-своему.

Этот архитектор был бы чрезвычайно обижен, если бы кто-то назвал его будущим диктатором. Моя единственная цель, – мог бы возразить он, – приносить людям радость, предоставляя в их распоряжение более красивые дома; эти люди слишком невежественны, чтобы знать, что больше всего будет способствовать повышению их благосостояния; о них должен позаботиться специалист, находящийся под покровительством государства; следует принять закон, запрещающий строительство некрасивых зданий. Но давайте зададимся вопросом, кто должен решать, какой архитектурный стиль следует считать хорошим, а какой плохим? Наш архитектор ответит: «Конечно, я, знаток своего дела». Он смело отмечает тот факт, что даже среди архитекторов существуют значительные расхождения относительно стилей и их художественной ценности.

Мы не хотим специально подчёркивать, что наш архитектор при бюрократической диктатуре, и особенно – при тоталитаризме, не будет волен строить в соответствии со своими соб-

ственными идеями. Ему придётся подчиняться вкусам своего бюрократического начальства, а те будут зависеть от капризов верховного диктатора. В нацистской Германии архитекторы не свободны. Они должны приспособливаться к замыслам недавшего художника Гитлера.

Гораздо важнее следующее. В сфере эстетики, так же как и во всех других сферах приложения человеческих сил, не существует абсолютных критериев, определяющих, что прекрасно, а что нет. Если человек заставляет своих сограждан подчиняться его представлениям о ценностных нормах, он вовсе не делает их счастливее. Они сами решают, что приносит им счастье и что им нравится. Вы не сделаете более счастливым человека, который хочет пойти на представление «Ирландской розы», если вместо этого заставите его пойти на великолепную постановку «Гамлета». Вы можете издеваться над его плохим вкусом. Но только сам он является верховным судьёй в том, что касается его собственного удовлетворения.

Диетолог с диктаторскими замашками хочет, чтобы его сограждане ели в соответствии с его собственными представлениями об идеальном питании. Он хочет обращаться с людьми так же, как животновод обращается со своими коровами. Он не в состоянии понять, что питание не самоцель, а средство достижения других целей, фермер кормит свою корову не для того, чтобы сделать её счастливее, а ради определённой цели, которой может служить хорошо откормленная корова. Существуют различные системы кормления коров. Которую из них он выберет, будет зависеть от того, хочет ли он получить как можно больше молока, или мяса, или чего-то ещё. Каждый диктатор намеревается разводить, выращивать, кормить и приучать своих сограждан так же, как животновод обращается со своими коровами. Его цель не сделать людей счастливее, а привести их в такое состояние, которое сделает его, диктатора, счастливым. Он хочет превратить их в домашних животных, перевести на положение скота. Животновод тоже является доброжелательным диктатором.

Итак, вопрос таков: кто должен быть хозяином? Должен

ли человек свободно выбирать свой путь к тому, что, как он считает, сделает его счастливым? Или же диктатор должен пользоваться своими соотечественниками как пешками, стремясь сделать себя, диктатора, счастливее?

Можно признать, что некоторые специалисты правы, когда говорят нам, что большинство людей ведёт себя глупо, пытаясь добиться счастья. Но вы не сделаете человека счастливее, поместив его под чью-либо опеку. Эксперты различных государственных учреждений, безусловно, прекрасные люди. Но они не правы, если возмущаются всякий раз, когда законодательные органы расстраивают их тщательно продуманные замыслы. Какая польза от представительного правления, спрашивают они, – ведь оно только препятствует выполнению наших добрых намерений. Но вопрос стоит только так: кто должен править страной? Избиратели или бюрократы?

Любой полудурок может взять кнут и заставить других людей подчиниться. Но для того, чтобы служить народу, нужны голова и кропотливый труд. Лишь немногим удаётся производить ботинки дешевле и лучше конкурентов. Неумелый специалист всегда будет стремиться к бюрократическому господству. Он прекрасно знает, что не может добиться успеха в рамках конкурентной системы. Всесторонняя бюрократизация – это его спасение. Опираясь на властные полномочия своего учреждения, он будет добиваться выполнения своих решений при помощи полиции.

В основе всей этой фанатичной пропаганды планирования и социализма часто нет ничего, кроме внутреннего осознания своей неполноценности и никчёмности. Человек, который знает, что не способен выдержать конкуренцию, издевается над «этой безумной системой конкуренции». Тот, кто не в состоянии служить своим согражданам, хочет управлять ими.

VI. Психологические последствия бюрократизации

Немецкое молодёжное движение

От философии Горацио Олджера «интеллектуалы» воруют нос. И всё же Олджеру лучше, чем кому бы то ни было, удалось выделить наиболее характерные черты капиталистического общества. Капитализм – это система, в которой у каждого есть шанс приобрести богатство; она предоставляет каждому неограниченные возможности. Конечно, удача сопутствует не каждому. Очень немногие становятся миллионерами. Но каждый знает, что энергичные усилия, и только они, приносят успех. Для сообразительного юноши открыты все дороги. Он с оптимизмом смотрит в будущее, осознавая свою собственную силу. У него есть уверенность в себе, и он полон надежд. А когда он становится старше и понимает, что многие из его замыслов не сбылись, у него нет оснований для отчаяния. Его дети вновь вступают в это соревнование, и он не видит никаких причин, которые помешали бы им победить там, где он потерпел поражение. Жизнь стоит того, чтобы её прожить: ведь она так много обещает.

Это без преувеличений было верно для Америки. В старой Европе ещё сохранялись многие ограничения, унаследованные от *ancien regime*. Даже в период расцвета либерализма аристократия и чиновничество боролись за сохранение своих привилегий. В Америке не было таких пережитков средневековья. В этом смысле она была молодой страной, и это была свободная страна. Здесь не было ни цеховых ограничений, ни гильдий. Томас Алва Эдисон и Генри Форд не должны были преодолевать преграды, возведённые недалёковидными правительствами и общественным мнением, находящимся во власти предрассудков.

В таких условиях побудительным мотивом для подраста-

ющего поколения служит дух первооткрывательства. Молодые люди приходят в бурно развивающееся общество и понимают, что должны внести и свои собственный вклад в улучшение жизни человека. Они изменяют мир, устроят его в соответствии со своими собственными представлениями. У них нет времени на пустяки, завтрашний день принадлежит им и они должны подготовиться к великим делам, которые их ждут впереди. Они не рассуждают о своей молодости и о правах молодёжи – они поступают так, как должны поступать молодые люди. Они не кичатся своим «динамизмом» – они действительно динамичны и им не нужно особо подчёркивать это качество. Они не бросают вызов старшему поколению своими надменными разговорами – они хотят превзойти его своими делами.

Но всё обстоит совершенно по-другому в условиях нарастающей бюрократизации. Служба в государственном учреждении не предоставляет человеку возможностей для проявления талантов и способностей. Жёсткая регламентация губит инициативу. У молодого человека нет никаких иллюзий относительно своего будущего. Он знает, что его ждёт впереди. Он получит место в одной из бесчисленных контор. Он будет всего лишь винтиком в огромной машине, работа которой носит, в основном, механический характер. Рутинная бюрократическая практика изуродует его разум и свяжет ему руки. Его положение будет надёжным. Но эта надёжность скорее похожа на то, что ощущает заключённый в стенах тюрьмы. Он никогда не будет волен принимать решения и определять свою собственную судьбу. Он всегда будет человеком, о котором заботятся другие люди. Он никогда не станет настоящим человеком, полагающимся на свои собственные силы. Он содрогается при виде огромных административных зданий, в которых ему предстоит похоронить себя.

В десятилетие перед первой мировой войной Германия, которая далее других стран продвинулась по пути бюрократической регламентации, стала свидетельницей появления ранее неизвестного феномена – молодёжного движения. Буйные компании неопрятных мальчишек и девчонок носились по

стране, производя много шума и прогуливая занятия в школе. В напыщенных словах они провозгласили евангелие золотого века. Люди всех предшествовавших поколений, провозглашали они, были просто идиотами; их никчёмность превратила землю в ад. Но подрастающее поколение не желает дольше терпеть *геронтократию* – господство бессильных и слабоумных стариков. Отныне будут править блестящие молодые люди. Они разрушат всё старое и бесполезное, они откажутся от всего, что было дорого их родителям, они заменят устаревшие и ложные ценности капитализма и буржуазной цивилизации новыми, подлинными и реальными ценностями и идеологиями, и они построят новое общество гигантов и суперменов.

Напыщенная речь этих юношей была лишь плохим прикрытием отсутствия у них каких-либо идей и какой-либо определённой программы. Им было нечего сказать, кроме следующего: мы молоды и поэтому являемся избранными; мы изобретательны, потому что молоды; мы носители будущего; мы смертельные враги прогнивших буржуа и филистеров. И если кто-либо не боялся спросить, каковы их планы, они знали только один ответ: «Наши вожди решат все проблемы».

Побуждать к изменениям всегда было делом нового поколения. Но характерной чертой этого молодёжного движения было то, что у его участников не было ни новых идей, ни новых замыслов. Они и назвали свою деятельность «молодёжным движением» именно потому, что у них не было никакой программы, именем которой они могли бы назвать свои начинания. На деле они полностью поддержали программу своих родителей. Они не выступили против тенденции к всемогуществу государства и бюрократизации. Их революционный радикализм был ничем иным, как дерзостью возраста между детством и зрелостью; он был проявлением, затянувшегося полового созревания. Он был лишён какого-либо идеологического содержания.

Лидеры молодёжного движения были психически неуравновешенными неврастениками. Многие из них страдали болезненной сексуальностью; они были или развратниками, или гомосексуалистами. Никто из них не отличился в какой-либо

сфере деятельности и не внёс никакого вклада в прогресс человечества. Их имена давно забыты; единственный след, который они оставили, – это несколько книжек и стихотворений, проповедовавших сексуальные извращения. Но большинство их последователей были совершенно другими. У них была только одна цель – как можно скорее получить работу на государственной службе. Те, кого не убили в войнах и революциях, сегодня стали педантичными и робкими бюрократами в бесчисленных учреждениях немецкого *Zwangswirtschaft*. Это послушные и преданные рабы Гитлера. Но они будут не менее послушными и преданными подручными того, кто придёт после Гитлера, будет ли он немецким националистом или марионеткой Сталина.

Из Германии молодёжное движение распространилось на другие страны. Под маской молодёжного движения скрывал себя итальянский фашизм. Песня его партии «Giovinezza» – это гимн молодёжи. Его шутовской дуче, когда ему было уже далеко за пятьдесят, всё ещё гордился своей юношеской энергией и скрывал свой возраст, как кокетливая дама. Но единственной заботой рядового фашиста было получить работу на государственной службе. Во время эфиопской войны, автор этих строк попросил нескольких выпускников одного из крупнейших университетов Италии объяснить причины их враждебности по отношению к Франции и Великобритании. Ответ был поразительным. «Италия, – сказали они, – не предоставляет достаточно возможностей своей интеллигенции. Мы хотим завоевать британские и французские колонии, чтобы получить в административных службах этих территорий места, которые сейчас находятся в руках британских и французских бюрократов».

Молодёжное движение было выражением неуверенности, ощущавшейся молодыми людьми перед лицом мрачной перспективы, которую готовила им общая тенденция к строгой регламентации жизни. Но это был фальшивый бунт, обречённый на провал, потому что они не осмеливались всерьёз бороться с нараставшей угрозой всестороннего государственного контроля и тоталитаризма. Шумные лжебунтари были бессильны, потому что сами находились во власти тоталитаристских

предрассудков. Они занимались подстрекательской болтовнёй и распевали провокационные песни, но, прежде всего, они хотели получить должности на государственной службе.

Сегодня в странах, дальше других продвинувшихся по пути к тоталитаризму, молодёжное движение мертво. В России, Германии и Италии дети и подростки прочно интегрированы во всеохватывающую систему государственного контроля. С самого нежного возраста дети становятся членами политических организаций. С колыбели до могилы все граждане завязаны от механизма однопартийной системы; они обязаны подчиняться, не задавая вопросов. Не разрешены никакие «частные» ассоциации или собрания. Официальный аппарат не терпит никакой конкуренции. Официальная идеология не терпит никакого инакомыслия. Такова реальность бюрократической утопии.

Судьба подрастающего поколения

Молодёжное движение было бессильным и бесплодным бунтом юношества против угрозы бюрократизации. Оно было обречено, потому что не было направлено против корня зла – тенденции к социализации. Фактически оно было ничем иным, как выражением смутной тревоги, без каких-либо ясных идей и определённых планов. Восставшие юноши были настолько зачарованы социалистическими идеями, что просто не знали, чего они хотели.

Очевидно, что молодёжь становится первой жертвой тенденции к бюрократизации. Молодые люди лишаются всякой возможности определять свою собственную судьбу. Им не оставлено никаких шансов. Фактически они являются «потерянным поколением», поскольку у них нет самого драгоценного права любого подрастающего поколения – права внести что-то новое в старую копилку цивилизации. Лозунг «Человечество достигло стадии зрелости» обрекает их на гибель. Что это за молодые люди, которым больше нечего изменять и улуч-

шать, единственная перспектива для которых – начав службу с низшей ступеньки бюрократической лестницы, медленно карабкаться вверх, строго соблюдая правила, сформулированные начальниками? С их точки зрения, бюрократизация означает подчинение молодых господству стариков. Это равносильно возврату к чему-то вроде кастовой системы.

У всех народов и цивилизаций во времена, предшествовавшие подъёму современного либерализма и его детища – капитализма, – основанием общества был социальный статус. Народ был разделён на касты. Существовали привилегированные касты – короли и знать и непривилегированные касты – крепостные и рабы. Человек рождался в определённой касте, оставался в ней на протяжении всей своей жизни и передавал свой кастовый статус детям. Тот, кто рождался в одной из низших каст, был навсегда лишён права достичь того положения в жизни, которое было предназначено для привилегированных. Либерализм и капитализм отменили все виды подобной дискриминации и сделали всех людей равными перед законом. Теперь практически каждый мог претендовать на любое место в обществе.

Марксизм даёт иное толкование достижений либерализма. Главной догмой Карла Маркса является теория существования непримиримого противоречия между экономическими классами. Капиталистическое общество разделено на классы, интересы которых антагонистичны. Классовая борьба поэтому неизбежна. Она исчезнет только в будущем бесклассовом социалистическом обществе.

Наиболее примечательным моментом в этой теории было то, что она никогда не была ясно изложена. В «Коммунистическом манифесте» для иллюстрации классовой борьбы взяты конфликты между кастами. Затем Маркс добавляет, что в современном буржуазном обществе возникли новые классы. Но он так нигде и не сказал, что такое класс и что он имел в виду, говоря о классах с антагонистическими противоречиями между ними и соотнося классы с кастами. Все его сочинения основываются на этих, так нигде и не определённых понятиях. Хотя

Маркс неумолимо публиковал все новые книги и статьи, полные изошрённых определений и схоластических тонкостей, он нигде не пытался чётким языком объяснить, в чём же заключается отличительная черта экономического класса. Когда он умер, через тридцать пять лет после опубликования «Коммунистического манифеста», рукопись третьего тома его главного труда «Капитала» осталась незаконченной. Примечательно то, что рукопись обрывается как раз в том месте, где должно быть дано объяснение этого фундаментального понятия всей его философии. Ни Маркс, ни один из его многочисленных последователей не смогли сказать нам, что же представляет собой общественный класс и, тем более, действительно ли общественные классы играют в социальной структуре ту роль, которую приписывает им теория.

Конечно, с логической точки зрения, допустима классификация явлений в соответствии с любым выбранным признаком. Вопрос лишь в том, будет ли классификация на основе выбранного признака полезной для дальнейшего исследования и для уточнения и пополнения наших знаний. Вопрос поэтому не в том, существуют ли на самом деле марксовы классы, а в том, имеют ли они то значение, которое приписывал им Маркс. Марксу не удалось дать точное определение понятия *общественного класса*, которое он использовал во всех своих сочинениях в весьма расплывчатом и нечётком виде, потому что ясное определение обнаружило бы никчёмность и бесполезность этого понятия для изучения экономических и социальных проблем и абсурдность приравнивания его к социальным кастам.

Характерной чертой касты является её жёсткая замкнутость. Для общественных классов, о которых говорил Маркс, назвавший капиталистов, предпринимателей и наёмных рабочих особыми классами, характерна подвижность. В составе различных классов происходят постоянные изменения. Где сегодня потомки тех, кто во времена Маркса были предпринимателями? И где были предки современных предпринимателей во времена Маркса? В современном капиталистическом обществе каждый имеет возможность занять любое социальное положение.

ние. Мы можем назвать классом американских сенаторов, не нарушая никаких логических принципов. Но было бы ошибкой приравнивать их к наследственной аристократической касте, несмотря на то, что некоторые сенаторы могут быть потомками сенаторов прежних времён.

Мы уже подчёркивали тот факт, что действующие на рынке анонимные силы постоянно заново определяют, кто должен быть предпринимателем и кто капиталистом. Потребители, так сказать, голосуют так, как будто они занимают высокопоставленные позиции, позволяющие регулировать экономическую структуру нации.

При социализме же нет ни предпринимателей, ни капиталистов. В этом смысле, а именно в том, что *класс*, как его понимал Маркс, перестаёт существовать, социализм был правильно назван им бесклассовым обществом. Но это ничего не даёт исследователю. Будут существовать другие различия в функциях социальных групп, которые мы сможем назвать классами, безусловно, с неменьшим основанием, чем то, которое было у Маркса. Будут существовать те, кто отдаёт приказания, и те, кто обязан их беспрекословно выполнять. Будут существовать те, кто разрабатывает планы, и те, чьё дело эти планы выполнять.

Действительное значение имеет только то, что при капитализме каждый является творцом своего будущего. Юноша, который хочет улучшить свою участь, должен полагаться на свои собственные силы и усердие. При «голосовании» потребители выносят свой приговор, не взирая на личности. Ценятся достижения кандидата, а не его личность сама по себе. Хорошо выполненная работа и добросовестно предоставленные услуги – единственное средство добиться успеха.

При социализме, напротив, начинающий должен угождать тем, кто уже достиг положения в обществе. Они не любят слишком способных новичков (таких людей не любят и давно утвердившиеся предприниматели, но при суверенитете потребителей они не могут воспрепятствовать их конкуренции). В бюрократической машине социализма для повышения в долж-

ности нужны не достижения, а покровительство начальства. Молодёжь полностью зависит от благосклонности стариков. Подрастающее поколение находится во власти пожилых людей.

Этот факт бесполезно отрицать. В социалистическом обществе не существует марксовых классов. Но там существует непримиримое противоречие между теми, кто выступает в поддержку Сталина или Гитлера, и теми, кто выступает против. И чисто по-человечески можно понять диктатора, предпочитающего тех, кто разделяет его точку зрения и восхваляет его деятельность, тем, кто этого не делает.

Напрасно итальянские фашисты сделали гимн молодёжи своей партийной песней, а австрийские социалисты учили своих детей петь: «Мы молоды, и это прекрасно». Вовсе не прекрасно быть молодым в условиях бюрократического управления. Единственное право, которым молодые люди пользуются в этой системе, – это быть покорными, смиренными и послушными. Здесь нет места для непокорных новаторов, у которых есть свои собственные идеи.

Это больше, чем кризис молодёжи. Это кризис прогресса и цивилизации. Человечество обречено, если молодые люди лишены возможности перестраивать общество на свой собственный лад.

Авторитарная опека и прогресс

Отеческое правление, проводимое орденом достойных и мудрых людей, любой элитой благородных бюрократов, может претендовать на особо выдающегося сторонника – Платона.

Идеальным и совершенным государством Платона должны управлять бескорыстные философы. Это неподкупные судьи и беспристрастные должностные лица, строго соблюдающие вечные и неизменные законы справедливости. В этом и состоит характерная особенность философии Платона: он не обращает никакого внимания на эволюцию социальных и экономических условий и на изменения в представлениях людей

относительно целей и средств. Существует неизменный образец хорошего государства, и любое отклонение реальной ситуации от этой модели не может быть ничем иным кроме коррупции и деградации. Проблема заключается просто в том, чтобы создать совершенное общество и затем оберегать его от каких бы то ни было изменений, поскольку изменения равносильны ухудшению. Социальные и экономические институты неизменны. Понятие прогресса в знаниях, технических приёмах, методах организации производства и общества чуждо разуму Платона. И все более поздние утописты, создававшие свои проекты земного рая по образцу, данному Платоном, также верили в неизменность человеческих отношений.

Платоновский идеал правления элиты был воплощён в жизнь Католической Церковью. Римско-католическая Церковь, в той её организационной структуре, в какой она вышла из Контрреформации после Тридента, является совершенной бюрократией. Она успешно решила самую щекотливую проблему любого недемократического правления – проблему отбора высших должностных лиц. Практически для каждого мальчика открыт доступ к самым высоким постам в церковной иерархии. Местный священник старается облепить путь к образованию для наиболее одарённых юношей своего прихода; их обучают в епископской семинарии; после посвящения в духовный сан их карьера полностью зависит от их характера, рвения и интеллекта. Среди прелатов немало отпрысков знатных и богатых семей. Но этим положением они обязаны не своему происхождению. Они должны были конкурировать на почти что равных условиях с детьми крестьян, рабочих и крепостных. Кардиналы, настоятели монастырей и преподаватели теологических университетов – это действительно выдающиеся люди. Даже в наиболее развитых странах они составляют достойную конкуренцию самым блестящим учёным, философам, естествоиспытателям и государственным деятелям.

Этот изумительный пример имеют в виду авторы всех современных социалистических утопий. В явной форме это делали два предшественника нынешнего социализма: граф Анри де

Сен-Симон и Огюст Конт. Но, по существу, то же самое было и у всех других социалистических авторов, хотя, по очевидным причинам, они не указывали на Церковь как на модель. Невозможно было найти никаких иных примеров совершенной иерархии, кроме того, что представил нам католицизм.

Однако ссылка на Церковь ошибочна. Царство христианства, которым правит Папа и другие епископы, не подлежит никаким изменениям. Оно построено на вечной и непреложной доктрине. Символ веры установлен навеки. Здесь не существует прогресса и эволюции. Здесь есть только подчинение закону и догме. Методы отбора, принятые Церковью, весьма эффективны при управлении людьми, которые придерживаются неоспоримых, неизменных правил и установлении. Они идеальны при выборе хранителей вечного сокровища доктрины.

Но с человеческим обществом и государственным управлением дело обстоит по-другому. Самое драгоценное право человека – неустанно стремиться к улучшениям и более совершенными методами бороться с препятствиями, которые природа ставит на пути его жизни и благосостояния. Внутренние побуждения превратили потомков грубых обитателей пещер в, до некоторой степени, цивилизованных людей нашего времени. Но человечество отнюдь не достигло того состояния совершенства, когда всякий прогресс становится невозможным. Силы, создавшие нашу современную цивилизацию, не перестали существовать. Если их не сковать жёсткой системой общественной организации, они будут продолжать действовать и принесут дальнейшие улучшения. Принципом, по которому Католическая Церковь отбирает своих будущих высших сановников, служит безусловная преданность символу веры и его догматам. Она не ищет новаторов и реформаторов, первооткрывателей новых идей, выступающих резко против старых представлений. Именно это и может обеспечить принцип назначения будущих высших должностных лиц старыми и хорошо проверенными сегодняшними правителями. Но ничего большего бюрократическая система достичь не может. И имен-

но стойкий консерватизм делает бюрократические методы совершенно непригодными для управления социальными и экономическими процессами.

Бюрократическая организация непременно должна быть жёсткой, поскольку она предполагает соблюдение установленных правил и процедур. Но в жизни общества жёсткость равносильна окаменению и смерти. Весьма важен тот факт, что стабильность и безопасность являются самыми любимыми лозунгами современных «реформаторов». Если бы первобытные люди руководствовались принципом стабильности, они никогда не обеспечили бы себе безопасности; их бы уже давно уничтожили хищные звери и микробы.

Немецкие марксисты ввели в обиход новое изречение: «Если социализм не соответствует природе человека, природа человека должна быть изменена». Они не понимали, что если природа человека изменится, то он перестанет быть человеком. Во всеохватывающей бюрократической системе ни бюрократы, ни их подчинённые уже не будут настоящими человеческими существами.

Выбор диктатора

Все сторонники спасения через господство благородных деспотов наивно полагают, что не может быть никаких сомнений в том, кто должен стать этим благородным правителем или классом правителей, а также в том, что все люди добровольно подчинятся господству этого диктатора-сверхчеловека или аристократии. Они не осознают, что многие люди и многочисленные группы людей могут претендовать на господство. Если право выбора из нескольких кандидатов не принадлежит большинству избирателей, не остаётся иного принципа отбора кроме гражданской войны. Альтернативой демократическому принципу отбора посредством всенародного голосования является захват власти безжалостными авантюристами.

Во втором веке нашей эры принципом управления Рим-

ской империей служил утончённый вариант «вождизма». Императором становился в высшей степени способный и выдающийся человек. Он не передавал свой высокий титул по наследству одному из членов своей семьи, но выбирал наследником человека, который, по его мнению, лучше других мог справиться с этими обязанностями. Эта система дала Риму одного за другим четырёх великих императоров: Траяна, Адриана, Антонина Пия и Марка Аврелия. Но затем последовала эра преторианцев, непрекращающейся гражданской войны, анархии и быстрого упадка. На смену правлению лучших пришло правление худших. Амбициозный военачальник, опиравшийся на поддержку наёмников, захватывал власть и правил до тех пор, пока его не побеждал другой авантюрист. Средствами отбора сделались предательства, мятежи и убийства. Историки обвиняют во всём Марка Аврелия, последнего из хороших императоров. Его вина, говорят они, была в том, что он отказался от практики своих предшественников и вместо того, чтобы выбрать самого достойного человека, возвёл на трон своего неспособного сына Коммода. Однако система, которая может быть разрушена из-за ошибки всего лишь одного человека, это плохая система, даже если бы ошибка была менее простительной и понятной, чем ошибка отца, переоценившего характер и способности своего отпрыска. Дело в том, что такая система «вождизма» неизбежно приводит к непрерывной гражданской войне, как только появляется несколько кандидатов на место верховного правителя.

Все современные диктаторы пришли к власти путём насилия. Затем они должны были защищать своё господство от притязаний соперников. В политическом языке был введён специальный термин для обозначения таких действий: их называют *чистками*. Наследники нынешних диктаторов придут к власти, используя те же самые методы, и будут также жестоки и беспощадны, пытаясь её сохранить. Глубинной основой всеохватывающей бюрократической системы является насилие. Безопасность, которую она якобы обеспечивает, это потрясения нескончаемой гражданской войны.

Исчезновение критического чувства

Социалисты утверждают, что капитализм деградирует, что он несовместим с человеческим достоинством, что он губит интеллектуальные способности человека и лишает его нравственной чистоты. При капитализме каждый вынужден смотреть на своего соотечественника как на конкурента. Врождённые инстинкты человеколюбия и товарищества превращаются, таким образом, в ненависть и безжалостное стремление к личному успеху за счёт всех остальных людей. Но социализм возродит добродетели человеческой природы. Дружелюбие, братство и товарищество станут характерными чертами будущего человека. Но, прежде всего, необходимо уничтожить худшее из всех зол – конкуренцию.

Однако конкуренцию никогда нельзя будет уничтожить. Поскольку всегда будут должности, которые ценятся выше других, люди всегда будут стремиться получить их и обойти своих соперников. Не важно, назовём ли мы это соревнованием или конкуренцией. Как бы то ни было, тем или другим путём должно быть решено, следует ли человеку предоставлять место, на которое он претендует. Вопрос лишь в том, какая именно конкуренция должна существовать.

Капиталистическая разновидность конкуренции состоит в том, чтобы превзойти других на рынке, предлагая лучшие и более дешёвые блага. Бюрократическая разновидность заключается в интригах при «дворе» власть предержащих.

При дворах всех деспотических правителей было достаточно лести, подхалимства, раболепия и низкопоклонства. Но всегда находилось, по крайней мере, несколько человек, которые не боялись сказать тирану правду. В наши дни дело обстоит по-другому. Политики и писатели превосходят друг друга в лести верховному правителю – «простому человеку». Они не рискуют нанести ущерб своей популярности, высказывая непопулярные идеи. Придворные Людовика XIV никогда не заходили так далеко, как некоторые наши современники, восхваляющие вождей и их опору – массы. Они, похоже, полностью

утратили здравый смысл и самокритичность.

На одном из съездов Коммунистической партии писатель Авдеенко обратился к Сталину с такими словами: «Пройдут века, и будущие поколения коммунистов будут считать нас самыми счастливыми из всех смертных, когда-либо живших на этой планете, потому что мы видели Сталина – гениального вождя, Сталина – мудреца, улыбающегося, добродушного и совершенно простого человека. Когда я видел Сталина, даже на расстоянии, я весь трепетал от его мощи, обаяния и величия. Мне хотелось петь, кричать, вопить от счастья и восторга».²⁰ Бюрократ, обращающийся к своему начальнику, от которого зависит его продвижение по службе, говорит менее поэтично, но ничуть не менее льстиво.

Когда на праздновании бриллиантового юбилея Франца Иосифа некий статистик поставил в заслугу императору то, что после шестидесяти лет его правления в стране появились многие тысячи километров железных дорог, тогда как в начале правления их было гораздо меньше, все присутствовавшие (а, возможно, и сам император) просто посмеялись над этим образчиком раболепия. Но никто не смеялся, когда на Всемирной выставке в Париже Советское правительство в цветистых выражениях похвалялось тем, что тогда как в царской России вообще не было тракторов, четверть века спустя Советская Россия уже смогла повторить это новое американское достижение.

Никто никогда не считал, что патерналистский абсолютизм Марии Терезии и её внука Франца мог быть оправдан тем, что Моцарт, Гайдн, Бетховен и Шуберт написали бессмертную музыку. Но симфонию современного советского композитора, которого, возможно, забудут уже через несколько лет, приводят в доказательство преимуществ советского тоталитаризма.

Вопрос заключается в том, какая система эффективнее – бюрократического контроля или экономической свободы. На этот вопрос нельзя ответить только при помощи экономических доводов. Простая констатация того факта, что сигареты, произведённые Табачной монополией французского прави-

²⁰ Цитата по W. H. Chamberlin, *Collectivism, a False Utopia*, New York, 1937, стр. 43

тельства, не были настолько плохими, чтобы заставить французов бросить курить, не является доводом в пользу государственного управления этой отраслью. Равно как и тот факт, что сигареты, произведённые Монополией греческого правительства, были наслаждением для курильщиков. Вовсе не заслуга греческих бюрократов, что климатические и природные условия их страны делают выращиваемый крестьянами табак изысканным и ароматным.

Каждый немец считал само собой разумеющимся, что сама суть и природа вещей делают необходимым государственное управление университетами, железными дорогами, телеграфом и телефоном. Для русского мысль о том, что человек мог бы жить без паспорта, должным образом выданного и зарегистрированного в полиции, всегда казалась парадоксальной. В условиях, сложившихся за последние тридцать лет, граждане стран континентальной Европы превратились в простые дополнения к своим удостоверениям личности. Во многих странах стало опасно выходить на прогулку без этих документов. <Так, доседе департаментов полиции многих европейских городов содержат полную информацию о временном месте пребывания каждого жителя и каждого приезжего, а также все изменения адресов за последние сто или даже сто пятьдесят лет. Поистине бесценный и интенсивно используемый источник сведений для биографов!> В большинстве европейских стран человек не имел права остановиться где-либо на ночь, немедленно не сообщив в полицейский участок о месте своего пребывания и любом изменении адреса.

Не исключено, что такая строгая регламентация может принести какое-то благо. Но от неё, конечно, мало пользы для борьбы с преступностью и для розыска преступников. Скрывающийся убийца не побоится нарушить закон, требующий сообщать о любом изменении адреса.²¹ Защищая свою систему, бюрократы впадают в мелодраматический тон. Они вопроша-

---

²¹ Американцам кажется очень забавным, что в Европе на многих судебных процессах присяжных просят ответить на два следующих вопроса: Во-первых, виновен ли подсудимый в убийстве жертвы? Во-вторых, виновен ли подсудимый в том, что он своевременно не сообщил об изменении своего адреса?

ют, каким же образом бедные брошенные дети смогут вновь обрести своих бессовестных родителей. Они не упоминают о том, что их мог бы найти сообразительный сыщик. Более того, тот факт, что существует некоторое число негодяев, не может считаться достаточным основанием для ограничения свободы огромного большинства честных людей.

Предприятия, стремящиеся к получению прибыли, опираются на добровольный выбор потребителей. Им не выжить, если у них нет большого числа покупателей. Но различные бюрократические управления насильно приобретают себе «постоянных клиентов». То, что в учреждение обращается множество людей, не является доказательством того, что оно удовлетворяет насущные нужды этих людей. Это свидетельствует только о том, что учреждение вмешивается в дела, которые играют важную роль в жизни каждого человека.

Исчезновение критического чувства является серьёзной угрозой сохранению нашей цивилизации. Оно облегчает шарлатанам возможность обманывать людей. Примечательно то, что образованные слои более легковёрны, чем необразованные. Наиболее восторженными сторонниками марксизма, нацизма и фашизма были представители интеллигенции, а не простые люди. Интеллигенция никогда не была достаточно проницательной для того, чтобы заметить явные противоречия в своих убеждениях. Популярности фашизма не наносило ни малейшего вреда то, что Муссолини в одной и той же речи воспевал итальянцев как представителей самой старой цивилизации Запада и как самую молодую из цивилизованных наций. Ни один немецкий националист не имел ничего против того, что темно-волосый Гитлер, тучный Геринг и хромой Геббельс превозносились как блестящие представители высоких, стройных, светло-волосых, героических арийцев – расы господ. Не поразительно ли, что миллионы людей за пределами России твёрдо уверены в том, что в Советском Союзе существует демократический режим, даже более демократический, чем в Америке?

Это отсутствие критического отношения позволяет убеждать людей, что они будут свободными в системе всесторонней

жесткой регламентации. Люди представляют себе режим, при котором все средства производства принадлежат государству, а правительство является единственным работодателем, царством свободы. Они совершенно не учитывают возможности того, что всемогущее государство их утопии может преследовать цели, которые они абсолютно не одобряют. Они всегда молчаливо предполагают, что диктатор будет делать как раз то, чего они от него ожидают.

VII. ЕСТЬ ЛИ ВЫХОД?

Прошлые неудачи

Мы должны признать тот факт, что до настоящего времени все попытки остановить дальнейшее наступление бюрократизации и социализации были тщетны. На протяжении 27 лет, прошедших с тех пор, как президент Вильсон привёл Америку к войне, которая должна была устранить угрозу для демократии, демократия, напротив, сдавала всё новые и новые позиции. Деспотизм торжествует в большинстве европейских стран. Даже Америка взяла на вооружение политику, которую несколько десятилетий назад с пренебрежением называла «прусской». Человечество явно движется к тоталитаризму. Новое поколение жаждет полного государственного контроля над всеми сферами жизни.

Учёные-юристы опубликовали превосходные труды, изображающие последовательную замену господства законов административным произволом.²² Они рассказали историю того, как подрыв самоуправления приводит к исчезновению всех личных прав граждан и возникновению сверхдеспотизма восточного образца. Но социалистам нет никакого дела до свободы и частной инициативы.

Не большего успеха, чем увесистые тома юристов, достигли и сатирические произведения. Некоторые из самых выдающихся писателей девятнадцатого века – Бальзак, Диккенс, Гоголь, Мопассан, Куртелин – нанесли сокрушительные удары по бюрократизму. Олдос Хаксли был даже настолько смел, что сделал вождеденный социалистический рай предметом своей сардонической иронии. Публика была в восторге. Но читатели

---

²² Достаточно сослаться на две самые блестящие работы этого типа: Lord Hewart of Bury, *The New Despotism*, N. Y., 1929 и James M. Beck, *Our Wonderland of Bureaucracy*, N. Y., 1932 (автор – бывший заместитель министра юстиции США) Важно отметить, что последняя книга была опубликована до введения «нового курса».

всё равно устремлялись в государственные учреждения, чтобы устроиться в них на работу.

Некоторые любят посмеяться над наиболее нелепыми чертами бюрократии. Действительно забавно, что правительство самой мощной и богатой страны мира ведает учреждением – Управлением домоводства при Министерстве сельского хозяйства США, одна из задач которого заключается в создании фасона брюк «для совсем маленького ребёнка, который только учится самостоятельно одеваться». Но для большинства наших современников в этом нет ничего смешного. Они стремятся к такому способу правления, при котором производство чулок, нижнего белья и всех других полезных вещей должно быть обязанностью властей.

Вся учёная критика и острая сатира бесполезны, потому что они не затрагивают существа проблемы. Бюрократизация является лишь одной из конкретных черт социализации. Главное – капитализм или социализм? Кто из них?

Сторонники социализма утверждают, что капитализм представляет собой несправедливую систему эксплуатации, что он наносит огромный ущерб благосостоянию масс, и что он приводит к страданиям, деградации и прогрессирующему обнищанию подавляющего большинства людей. В то же время они изображают свою социалистическую утопию как землю обетованную, где текут молочные реки в кисельных берегах и где все будут счастливы и богаты. Правы они или неправы? Вот в чём вопрос.

Экономическая теория против планирования и тоталитаризма

Это чисто экономический вопрос. На него нельзя ответить, не обращаясь к подробному рассмотрению экономических проблем. Лживые лозунги и ошибочные доктрины защитников государственного контроля, социализма, коммунизма, планирования и тоталитаризма могут быть разоблачены толь-

ко при помощи экономических доводов. Нравится это или нет, но основные проблемы современной политики действительно являются чисто экономическими и не могут быть поняты без знания экономической теории. Только человек, разбирающийся в основных вопросах экономической теории, в состоянии выработать независимое мнение по рассматриваемым проблемам. Все остальные просто повторяют то, что они случайно услышали. Они являются лёгкой добычей для демагогических мошенников и идиотических шарлатанов. Их легковерие представляет собой серьёзнейшую угрозу для сохранения демократии и западной цивилизации.

Первейшей обязанностью гражданина демократического общества является получение образования и знаний, необходимых для того, чтобы разбираться в гражданских проблемах. Избирательное право – это не привилегия, а долг и моральная ответственность. Избиратель фактически является должностным лицом; он занимает самый высокий пост, налагающий на него огромнейшие обязательства. Гражданин, полностью поглощённый своей научной работой в других областях или своим призванием художника, может сослаться на это как на смягчающие обстоятельства, если он не исполняет свою обязанность по самообразованию. Возможно, эти люди правы, когда утверждают, что у них есть более важные обязанности. Но все другие *разумные люди* поступают не только легкомысленно, но и вредоносно, если не занимаются самообразованием и самовоспитанием для наилучшего исполнения своих обязанностей суверенных избирателей.

Главный пропагандистский трюк сторонников якобы «прогрессивной» политики государственного контроля заключается в обвинении капитализма во всех недостатках нынешнего положения дел и превознесении благ, которые социализм принесёт человечеству. Они никогда не пытались доказать свои ложные догмы или же опровергнуть возражения, выдвигаемые экономистами. Единственное, что они делали, это обзывали своих противников обидными прозвищами и ставили под сомнение их мотивы. И, к сожалению, средний гражданин не мо-

жет разобраться в этих уловках.

Рассмотрим, например, проблему массовой безработицы, затянувшейся на годы. «Прогрессисты» истолковывают её как порок, внутренне присущий капитализму. Наивная публика с готовностью верит этому объяснению. Люди не осознают, что на свободном рынке труда, где нет ни давления профсоюзов, ни установленных государством минимальных ставок заработной платы, безработица затрагивает лишь небольшие группы людей в течение коротких промежутков времени. При свободном капитализме безработица представляет собой сравнительно незначительное, временное явление; преобладает постоянно действующая тенденция к исчезновению безработицы. Экономические изменения могут вызвать новую безработицу. Но при ставках заработной платы, устанавливаемых свободным рынком труда, каждый, кто хочет зарабатывать, в конце концов, находит работу. Безработица как массовое явление – это результат якобы «прорабочей» политики правительств и принуждения со стороны профсоюзов.

Такое объяснение дают отнюдь не только те экономисты, которых «прогрессисты» называют «реакционерами». Сам Карл Маркс был полностью убеждён в том, что профсоюзы не могут добиться повышения уровня заработной платы для всех рабочих. Последователи Маркса в течение многих лет резко выступали против любых попыток установить минимальный уровень заработной платы. Они считали, что такие меры противоречат интересам подавляющего большинства наёмных рабочих.

Иллюзорно полагать, что правительственные расходы могут создать рабочие места для безработных, то есть для тех, кто не может найти работу из-за политики, проводимой профсоюзами или правительством. Если правительственные расходы финансируются неинфляционными методами, то есть путём налогообложения граждан или путём займов у населения, они ликвидируют в одном месте ровно столько рабочих мест, сколько создают в другом. Если они финансируются при помощи инфляции, то есть путём увеличения количества наличных

денег и банковских билетов в обращении или путём займов в коммерческих банках, они сокращают безработицу только в том случае, если заработная плата в денежном выражении растёт медленнее, чем цены товаров, то есть если и только в той мере, в какой падает уровень *реальной* заработной платы. Существует один единственный способ повысить уровень реальной заработной платы для всех тех, кто хочет работать по найму: непрерывное накопление нового капитала и совершенствование технологии производства, которое обеспечивается новым капиталом. Подлинные интересы рабочих совпадают с интересами бизнесменов.

Чтобы разобраться в экономических проблемах, не нужно неразборчиво усваивать более или менее разрозненные факты и цифры. Напротив, следует тщательно анализировать и изучать ситуацию посредством логических рассуждений. Прежде всего, необходимы здравый смысл и логическая ясность. Главное правило – доходить до глубинных корней всех явлений. Не довольствуйтесь поверхностными объяснениями и решениями. Используйте свои мыслительные способности и критические возможности.

Было бы серьёзным заблуждением считать, что эта рекомендация заняться изучением экономики преследует цель на место пропаганды различных правительств и партий поставить другой вид пропаганды. Пропаганда – это одно из наибольших зол бюрократии и социализма. Пропаганда – это всегда пропаганда лжи, заблуждений и предрассудков. *Истина не нуждается ни в какой пропаганде*; она сама может постоять за себя. Отличительная черта истины в том, что она верно отображает действительность, то есть такое положение дел, которое существует независимо от того, признаётся это кем-либо или нет. Признание и провозглашение истины само по себе уже является опровержением всего того, что не истина. Истина продолжает существовать просто благодаря тому, что является истиной.

Пусть поэтому лжепророки продолжают своё дело. Не старайтесь подражать их методам. Не старайтесь, по их подобию, заставить замолчать или поставить вне закона инакомыслящих.

Лжецы должны бояться истины и стремятся поэтому подавить её проявления. Но защитники истины возлагают надежды на свою собственную правоту. Правда не страшится лжецов. Она может выдержать их конкуренцию. Пропагандисты могут продолжать распространять свои выдумки и внушать их молодёжи. Они придут к печальному концу.

Ленин и Гитлер прекрасно знали, почему они отменили свободу мысли, слова и прессы и почему они закрыли границы своих стран для всякого притока идей из-за рубежа. Их системы не могли выжить без концентрационных лагерей, цензоров и палачей. Их главными инструментами служат ГПУ и Гестапо.

Британские сторонники социализации и бюрократизации прекрасно осознают – не хуже, чем большевики и нацисты – тот факт, что при свободе слова и мысли они никогда не достигнут своих целей. Профессор Гарольд Ласки достаточно откровенно заявляет, что для обеспечения перехода к социализму необходимо ограничить власть парламента.²³ Сэр Стаффорд Криппс, излюбленный кандидат самозванных либералов на пост премьер-министра, предложил некий «Акт о планировании и предоставлении чрезвычайных полномочий», который, будучи однажды принят парламентом, не мог бы подлежать обсуждению или, тем более, отмене. Посредством такого акта, который должен был бы носить весьма общий характер и оставлять все «частности» на усмотрение Кабинета министров, правительство наделялось бы абсолютными правами. Его распоряжения и декреты никогда не должны были бы рассматриваться парламентом; нельзя было бы и прибегнуть к суду. На все должности следовало бы назначить «верных членов партии», «лиц известных своими социалистическими убеждениями».²⁴ Британский «Совет священнослужителей за общественную собственность» в брошюре, предисловие к которой написал епископ Брэдфорд-

²³ Laski, *Democracy in Crisis*, London, 1933, тр. 87; мастерское опровержение антидемократических идей Ласки см.: Rappard, *The Crisis of Democracy*, Chicago, 1938, стр. 213–216.

²⁴ См. блестящую статью James Truslow Adams, *Planners See Where Planning Leads*, – в «Barron's National Business and Financial Weekly», January 31, 1944. стр. 3

ский, заявляет, что установление подлинного и перманентного социализма требует, «чтобы вся принципиальная оппозиция была ликвидирована, то есть сделана политически пассивной, посредством лишения избирательных прав и, если необходимо, заключения в тюрьму».²⁵ Профессор Джоан Робинсон из Кембриджского университета, занимающая среди лидеров кейнсианской школы второе место после самого лорда Кейнса, проявляет такую же нетерпимость в своём рвении воплотить социализм в жизнь. По её мнению, «понятие свободы весьма неопределённо». «Полная свобода слова может быть без опасений разрешена только тогда, когда не существует серьёзных врагов, внешних и внутренних». Миссис Робинсон опасается не только независимых церквей, университетов, научных обществ и издательств, но также и независимых театров и филармонических обществ. Все подобные институты, утверждает она, могут быть разрешены только «при условии, что режим чувствует себя достаточно уверенно, чтобы решиться допустить критику».²⁶ А другой прославленный защитник коллективизма в Великобритании Дж. Кроусер не останавливается даже перед воспеванием благ инквизиции.²⁷ Как жаль, что Стюарты не дожили до торжества своих принципов!

Таким образом, наиболее выдающиеся защитники социализма косвенно признают, что их убеждения и замыслы не могут выдержать критики со стороны экономической науки и поэтому в свободном обществе обречены на провал.

Поскольку, к счастью, на земле ещё остаётся несколько свободных стран, существует ещё и надежда на восстановление истины.

---

²⁵ Там же.

²⁶ Joan Robinson, *Private enterprise or Public Control* (Handbooks for Discussion Groups, published for the Association for Education in Citizenship by the English Universities Press Ltd.), стр. 13–14. Странно, что в предисловии к этой брошюре «Ассоциация содействия просвещению в области прав гражданства» заявляет, что «выступает за демократию», и подчёркивает, что её целью является воспитание у граждан «уважения к равным правам и свободам других».

²⁷ <J. B. Crowther, *Social Relations of Science*, Macmillan, 1941, стр. 331, 333.

Простой гражданин против профессионального пропагандиста бюрократизации

Целью популяризации экономических исследований не является превращение каждого человека в экономиста. Идея состоит в том, чтобы подготовить его к выполнению гражданских функций в общественной жизни.

Конфликт между капитализмом и тоталитаризмом, от исхода которого зависит судьба цивилизации, не будет разрешён гражданскими войнами и революциями. Это война идей. Общественное мнение определит победу и поражение.

Где бы и когда бы люди ни встречались для обсуждения проблем своего муниципалитета, штата или страны, общественное мнение при этом постоянно эволюционирует или изменяется, каким бы незначительным ни был непосредственный предмет обсуждения. На общественное мнение оказывает влияние всё, что говорится или происходит при сделках между покупателями и продавцами, работодателями и наёмными работниками, кредиторами и должниками. Общественное мнение формируется дебатами в бесчисленных представительных органах, комитетах и комиссиях, ассоциациях и клубах, редакционными статьями и письмами редактору, выступлениями адвокатов и решениями судей.

Во всех этих дискуссиях профессионалы имеют преимущество перед неспециалистами. Перевес всегда на стороне тех, кто посвящает все свои усилия только одному делу. Хотя они не обязательно являются настоящими знатоками и, конечно же, часто бывают ничуть не умнее любителей, они пользуются преимуществами положения специалистов. Их полемические приёмы, равно как и их подготовка более совершенны. Они приходят на встречи, отдохнувшими умом и телом, а не уставшими после долгого рабочего дня, как любители.

Далее, почти все эти профессионалы – усердные адвокаты бюрократизма и социализма. Это, прежде всего, масса работников правительственных учреждений и пропагандистских служб различных партий. Это преподаватели разных высших

учебных заведений, где на полном серьёзе признание бюрократического, социалистического или марксистского радикализма считается штемпелем, удостоверяющим научное совершенство. Это издатели и сотрудники «прогрессивных» газет и журналов, профсоюзные руководители и организаторы, и, наконец, досужие честолюбцы, жаждущие попасть в газетные заголовки в выразительном радикальном образе. Обыкновенный бизнесмен, юрист или живущий на заработную плату – не из их компании.

Неспециалист может блестяще доказать своё утверждение. Но это бесполезно. Потому что его противник, воплощающий всё величие своей должности или профессорского звания, крикнет ему в ответ: «Ошибочность доводов этого джентльмена уже давно вскрыта известными немецкими профессорами Майером, Мюллером и Шмидтом. Только идиот может всё ещё придерживаться этих устаревших и ни на что не годных идей». Неспециалист будет дискредитирован в глазах присутствующих, которые безгранично верят в профессиональную непогрешимость. Он не знает, как отвечать. Он никогда не слышал имён этих выдающихся немецких профессоров. Поэтому он не знает, что их книги – это просто вздор и чепуха, и что они и не затрагивали поставленных их проблем. Он может узнать об этом позже. Но это не изменит того факта, что в споре он потерпел поражение.

Или же неспециалист может умело доказать неосуществимость какого-либо предложенного проекта. Тогда профессионал возразит: «Этот джентльмен настолько невежествен, что не знает о том, что предложенный план прекрасно удался в социалистической Швеции или красной Вене». И вновь нашего непрофессионала заставят замолчать. Откуда он может знать, что почти все англоязычные книги о Швеции и Вене являются продуктами пропаганды, серьёзно искажающими факты? У него не было возможности получить достоверную информацию из первоисточников.

Вершиной ораторского искусства профессионалов, конечно, всегда является упоминание о России, рае для рабочих

и крестьян. На протяжении почти тридцати лет в Россию допускались только коммунисты-фанатики и попутчики. Их рассказы представляют собой не критическое восхваление Советов, часть из них в высшей степени недобросовестны, остальные наивны в своей детской доверчивости. Весьма обнадеживающим является то, что некоторые из этих попутчиков оставили в России свои просоветские симпатии и, вернувшись домой, опубликовали не прикрашенные описания. Но профессионалы легко разделяются с такими книгами, называя их авторов «фашистами».

Что действительно необходимо, так это подготовить лидеров гражданского движения для таких встреч с профессиональными проповедниками бюрократизации и социализации. Безнадёжно пытаться остановить тенденцию к бюрократизации, просто выражая возмущение и ностальгически прославляя старые добрые времена. Эти старые времена были не так хороши, как кажется некоторым нашим современникам. Действительно замечательно в них было то, что в их основе лежала тенденция к усовершенствованию, присущая системе свободной рыночной экономики. Тогда не верили в божественность государства. В этом было величие тех времён.

Наиболее пагубным последствием отвращения среднего гражданина к серьёзным занятиям экономическими проблемами является его готовность поддержать программу компромисса. Он смотрит на конфликт между капитализмом и социализмом так, как будто бы это была ссора между двумя группами – трудом и капиталом – каждая из которых требует для себя всё, что является предметом разногласий. Поскольку сам он не готов оценить достоинства доводов, выдвигаемых каждой из сторон, он думает, что справедливым решением спора было бы любовное соглашение: каждый претендент должен получить часть того, на что он претендует. Таким образом завоевала престиж программа государственного вмешательства в бизнес. Не должно быть ни полного капитализма, ни полного социализма, а должно быть что-то между ними, средний путь. Эта третья система, утверждают её сторонники, должна представлять собой капитализм, регулируемый и регламентируемый государственным

ным вмешательством в бизнес. Но это государственное вмешательство не должно превращаться в полный государственный контроль над всеми сферами экономической деятельности; оно должно ограничиваться устранением особенно предосудительных эксцессов капитализма, не подавляя полностью предпринимательской активности. Таким образом возникнет общественный строй, который якобы будет так же далёк от полного капитализма, как и от чистого социализма, и который, сохраняя преимущества, присущие каждой из этих двух систем, избежит их недостатков. Почти все те, кто не являются безусловными сторонниками полного социализма, поддерживают сегодня эту систему интервенционизма, а все правительства, не являющиеся прямо и откровенно просоциалистическими, стали разделять политику экономического интервенционизма. Сегодня очень немногие выступают против любого вида государственного вмешательства в цены, уровни заработной платы, ставки процента и прибыли и не боятся настаивать на том, что считают капитализм и свободное предпринимательство единственно жизнеспособной системой, приносящей выгоды как обществу в целом, так и всем его членам.

Однако доводы сторонников этого промежуточного решения совершенно ошибочны. Конфликт между социализмом и капитализмом – это не борьба между двумя сторонами за большую долю общественного дохода. Рассматривать дело таким образом равносильно полному принятию догм марксистов и других социалистов. Противники социализма не согласны с тем, что какой бы то ни было класс или группа при социализме будут жить лучше, чем при полном капитализме. Они оспаривают положение о том, что рабочие будут более состоятельными в социалистическом обществе и что, следовательно, капиталистическая система наносит им ущерб самим фактом своего существования. *Они рекомендуют капитализм не ради эгоистических интересов предпринимателей и капиталистов, а ради всех членов общества.* На великий исторический конфликт, касающийся проблемы экономической организации общества, нельзя смотреть как на спор двух бизнесменов из-за

денежной суммы; его нельзя разрешить путём компромисса.

Экономический интервенционизм является саморазрушительной политикой. Отдельные меры не достигают искомых результатов. Они приводят к такому положению дел, которое – с точки зрения самих сторонников этой политики – является гораздо более неблагоприятным, чем то, которое они намеревались изменить. Растягивающаяся на годы безработица среди значительной части тех, кто хотел бы работать по найму, монополии, экономические кризисы, общее ограничение продуктивности экономических усилий, экономический национализм и войны являются неизбежными следствиями государственного вмешательства в бизнес, рекомендованного сторонниками третьего пути. Все те пороки, в которых социалисты обвиняют капитализм, как раз и представляют собой продукт этой злополучной якобы «прогрессивной» политики. Катастрофические события, льющие воду на мельницу радикальных социалистов, являются следствием идей тех, кто говорит: «Я не против капитализма, но...» Такие люди фактически прокладывают путь социализации и всесторонней бюрократизации. Их невежество порождает несчастье.

Разделение труда и специализация являются неотъемлемыми чертами цивилизации. Без них ни материальное процветание, ни интеллектуальный прогресс были бы невозможны. Существование единой группы учёных-естествоиспытателей, гуманитариев, исследователей является таким же результатом разделения труда, как и существование любого другого класса специалистов. Человек, специализирующийся в области экономической теории, такой же специалист, как и все другие специалисты. Дальнейшее развитие экономической науки в будущем также станет результатом достижений тех людей, которые посвящают все свои силы этой задаче.

Но для граждан было бы роковой ошибкой оставить экономические исследования исключительно в ведении профессионалов. Поскольку главные вопросы современной политики носят в основном экономический характер, такой отказ был бы равносителен отречению граждан от своих прав в пользу про-

фессионалов. Если избиратели или члены парламента сталкиваются с законопроектом о предотвращении заболеваний скота или строительстве служебного здания, они могут предложить обсуждение деталей экспертам. Такие ветеринарные и инженерные проблемы не затрагивают основ социальной и политической жизни. Они важны, но не первостепенны и не насущны. Но если не только массы, но и большая часть избранных ими представителей заявляют: «Эти денежные проблемы могут быть поняты только специалистами; у нас нет склонности изучать их; в этом деле мы должны довериться экспертам», – они фактически отказываются от своего суверенитета в пользу профессионалов. Не имеет значения, передают ли они формально свои права законодательной деятельности или нет. В любом случае специалисты обойдут их. Бюрократы делают своё дело.

Простые граждане совершают ошибку, когда жалуются на то, что бюрократы присвоили себе чужие права; они сами и их доверенные лица отказались от своего полномочия. Незнание ими основополагающих экономических проблем обеспечило господство профессиональных специалистов. Все технические и юридические частности законодательной деятельности могут и должны быть оставлены на усмотрение экспертов. Но демократия становится нереальной, если выдающиеся граждане, интеллектуальные лидеры общества не в состоянии сформулировать собственное мнение по основным социальным, экономическим и политическим принципам политики. Если граждане находятся в интеллектуальной зависимости от бюрократов-профессионалов, общество разделяется на две касты: правящих профессионалов, браминов, и лежковерных граждан. Тогда появляется деспотизм, какие бы слова ни употреблялись в конституциях и законах.

Демократия означает самоопределение. Но как люди смогут принимать решения по своим собственным делам, если они настолько безразличны, что не хотят, размышляя, выработать независимые суждения по основным политическим и экономическим проблемам? Демократия не является благом, кото-

рым люди могут пользоваться без всяких хлопот. Напротив, это сокровище, которое нужно ежедневно защищать и заново отвоёвывать ценой напряжённых усилий.

Заключение

Анализ технических характеристик бюрократического управления и его противоположности – управления, основанного на получении прибыли, даёт нам ключ к справедливой и непредвзятой оценке обеих систем ведения дел в условиях разделения труда.

Государственное управление, организация работы государственного аппарата принуждения и насилия неизбежно должны быть формалистичными и бюрократическими. Никакая реформа не может устранить бюрократические черты государственных учреждений. Бесполезно обвинять их в медлительности и нерадивости. Тщетно сетовать на то, что средний клерк бюрократического учреждения, как правило, менее прилежен, аккуратен и старателен, чем средний работник частного бизнеса. (Тем не менее, существует немало государственных служащих, чьё искреннее рвение граничит с бескорыстным самопожертвованием) При отсутствии безусловного критерия успеха почти невозможно найти стимул, обеспечивающий максимальную самоотдачу подавляющего большинства людей, тогда как в бизнесе, ориентированном на получение прибыли, его можно без труда обнаружить в денежной смете доходов и расходов. Бесполезно критиковать то, что бюрократ педантично соблюдает жёсткие правила и предписания. Такие правила необходимы, если мы не хотим, чтобы сфера государственного управления вышла из подчинения высшим должностным лицам и выродилась в господство второстепенных клерков. Более того, эти правила являются единственным средством обеспечить верховенство закона при ведении государственных дел и защитить граждан от деспотического произвола.

Стороннему наблюдателю легко обвинять бюрократический аппарат в расточительности. Но чиновник, на котором лежит ответственность за исправное функционирование государственной службы, смотрит на вещи с иной точки зрения.

Он не хочет слишком сильно рисковать. На всякий случай он предпочитает перестраховаться.

Все подобные недостатки присущи службам, которые невозможно контролировать при помощи денежной сметы доходов и расходов. На самом деле, мы так никогда и не знали бы, что это действительно недостатки, если бы не были в состоянии сравнить бюрократическую систему с предпринимательством, ориентированным на получение прибыли. Эта постоянно критикуемая система «презренной» погони за прибылью заставила людей заботиться об эффективности и стремиться к максимальной рационализации. Ничего не поделаешь. Мы должны примириться с тем, что к департаменту полиции или к службе сбора налогов нельзя применять методы, хорошо себя зарекомендовавшие в бизнесе, ориентированном на получение прибыли.

Однако всё дело приобретает совершенно иную окраску, если принять во внимание фанатичные попытки превратить весь механизм производства и распределения в гигантское бюрократическое учреждение. Ленинская идея взять организацию государственной почтовой службы за образец для экономической организации всего общества и сделать каждого человека винтиком в огромной бюрократической машине заставляет нас продемонстрировать неполноценность бюрократических методов по сравнению с методами частного бизнеса. Цель такого рассмотрения, разумеется, не в том, чтобы опорочить труд сборщика налогов, таможенного чиновника или полицейского, либо умалить их достижения. Необходимо показать, однако, в каких существенных аспектах металлургический завод отличается от посольства, а обувная фабрика от бюро регистрации браков, и почему было бы вредно реорганизовывать булочную по образцу почтового отделения.

То, что на весьма предвзятом языке называется заменой принципа получения прибыли принципом «государственного служения», в действительности приведёт к отказу от единственного метода, обеспечивающего рациональность и возможность

---

²⁶ Lenin, *State and Revolution*, New York ed., 1935, стр. 44.

экономического расчёта при производстве предметов первой необходимости. Прибыль, полученная предпринимателем, свидетельствует о том, что он хорошо обслужил потребителей, то есть всех людей. Но в отношении бюрократических учреждений не существует какого-либо метода определения успешности их деятельности путём экономического расчёта.

В любой социалистической системе только центральный орган управления производством будет иметь право приказывать, а все остальные должны будут выполнять полученные приказания. Все люди, за исключением Царя производства, должны будут безоговорочно соблюдать инструкции, законы, правила и предписания, разработанные верховным органом. Конечно, у каждого гражданина, возможно, будет право предложить какие-либо изменения в этой гигантской системе строгой регламентации. Но путь от такого предложения до принятия его компетентной высшей властью в лучшем случае будет так же долог и труден, как сегодняшний путь от письма к редактору или статьи в периодическом издании, предлагающих какую-либо поправку к закону, до её принятия законодательным органом.

В ходе исторического развития существовало множество движений, с фанатизмом и энергией призывавших к реформам общественных институтов. Люди боролись за свои религиозные убеждения, за сохранение своей цивилизации, за свободу, за самоопределение, за отмену рабства и крепостничества, за справедливость и правосудие. Сегодня миллионы пришли в восхищение от замысла превратить весь мир в бюрократическое учреждение, сделать каждого человека бюрократом и уничтожить всякую частную инициативу. Будущий рай представляется всеохватывающей бюрократической машиной. Самое мощное реформаторское движение, которое когда-либо знала история, первое идеологическое направление, которое не ограничивается лишь частью человечества, а поддерживается людьми всех рас, национальностей, религий и культур, ставит своей целью всестороннюю бюрократизацию. Почтовое отделение стало моделью Нового Иерусалима. Почтовый служа-

щий стал прототипом человека будущего. За воплощение этого идеала в жизнь были пролиты реки крови.

В этой книге мы обсуждаем не личности, а системы общественной организации. Мы не хотим сказать, что почтовый служащий чем-то хуже всех других людей. Необходимо лишь отдавать себе отчёт, что смирительная рубашка бюрократической организации парализует инициативу индивида, в то время как в капиталистическом рыночном обществе новатор всё ещё имеет шансы на успех. Первая система способствует стагнации и сохранению давно укоренившихся методов, вторая способствует прогрессу и совершенствованию общества.

Капитализм прогрессивен, а социализм нет. Это утверждение не опровергается тем, что большевики скопировали многие американские нововведения. Так поступали все восточные народы. Но из этого вовсе не следует, что все цивилизованные страны должны копировать русские методы общественной организации.

Защитники социализма называют себя прогрессистами, но предлагают систему, для которой характерны строгое соблюдение заведённого порядка и сопротивление каким бы то ни было улучшениям. Они называют себя либералами, но стремятся уничтожить свободу. Они называют себя демократами, но мечтают о диктатуре. Они называют себя революционерами, но хотят сделать государство всемогущим. Они обещают райские блага, но замышляют превратить мир в гигантское почтовое отделение. Все люди, кроме одного, станут мелкими служащими в бюрократическом учреждении – какая заманчивая утопия! Какая благородная цель для борьбы!

Против всего этого неистовства и возбуждения существует только одно оружие – разум. Чтобы не дать человеку пасть жертвой призрачных фантазий и ничего не значащих модных словечек, – нужен просто здравый смысл.